3848

#1172

[redacted]

Сер. 1960 г.

ЛИКЕЙ,

или

КРУГЪ СЛОВЕСНОСТИ

ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ;

сочиненіе

І. Ф. Лагарпа.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

переведенная

Императорской Россійской Академіи Членомъ
Александромъ Никольскимъ,
и оною Академіею изданная.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

въ Типографіи В. Плавильщикова.

1811 года.

Indocti discant, et ament meminisse periti.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 1912

ОГЛАВЛЕНІЕ СОДЕРЖАНІЙ
ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

стр.

ДРЕВНІЕ ПИСАТЕЛИ. КНИГА II.
Краснорѣчіе.

ГЛАВА IV. *Разсмотрѣніе Цицероновыхъ риторскихъ твореній.*

ОТДѢЛЕНІЕ I. *Чѣмъ различается краснорѣчіе Димосѳеново отъ краснорѣчія Цицеронова, и въ какомъ отношеніи было то и другое къ народу Аѳинскому и къ народу Римскому.* - - 1.

ОТДѢЛЕНІЕ II. *О Римскихъ Ораторахъ, предшествовавшихъ Цицерону, и о томъ, чѣмъ началъ сейОраторъ свое поприще.* - 13.

ОТДѢЛЕНІЕ III. *Рѣчи противъ Верреса* 23.

ОТДѢЛЕНІЕ IV. *Рѣчи противъ Катилины.* - - - 49.

ОТДѢЛЕНІЕ V. *О другихъ рѣчахъ Цицероновыхъ.* - - 86.

ПРИБАВЛЕНІЕ, *или новыя изъясненія о древнемъ краснорѣчіи, объ упадкѣ XIV, XV и XVI вѣковъ, о разговорѣ Тацита о причинахъ поврежденія въ краснорѣчіи* (de causis corruptae eloquentiae), *о Димосѳенѣ и Цицеронѣ, и проч.* 159.

стр.

ГЛАВА V. *О Плиніи старшемъ и Плиніи младшемъ* - - 224.

ДРЕВНІЕ ПИСАТЕЛИ. КНИГА III.
Исторія, философія и словесная словесность.

ГЛАВА I. *Исторія.*

ОТДѢЛЕНІЕ I. *Историки Греческіе и Римскіе первой степени.* - 287.

ОТДѢЛЕНІЕ II. *О рѣчахъ и о разности системы древнихъ и нынѣшнихъ исторій.* - - 312.

ОТДѢЛЕНІЕ III. *Историки второстатейные.* - - 320.

ДРЕВНІЕ ПИСАТЕЛИ.

КНИГА ВТОРАЯ.

КРАСНОРѢЧІЕ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Разсмотрѣніе Цицероновыхъ риторскихъ твореній.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРЬВОЕ.

Чѣмъ различается краснорѣчіе Димосѳеново отъ краснорѣчія Цицеронова, и въ какомъ отношеніи было то и другое къ народу Аѳинскому и къ народу Римскому.

Мы разсмотрѣли уже Димосѳена въ двухъ родахъ краснорѣчія, то есть, *судебномъ* и *разсудительномъ*, и видѣли, что какъ въ томъ такъ и въ другомъ родѣ, логика его всегда была убѣдительна, а краснорѣчіе повсюду стремительно. Цицеронъ вообще поступаетъ инакимъ образомъ: онъ тщательно приуготовляется; сберегаетъ, по видимому, силы свои, собирая напередъ всѣ возможныя для себя пособія; не пренебрегаетъ ни единаго

изъ нихъ, не пренебрегаетъ не токмо тѣхъ, кои могутъ служить къ подкрѣпленію защищаемаго имъ дѣла, но даже и такихъ, кои относятся единственно ко славѣ искуства его; и желая употребить все въ свою пользу, обращаетъ вниманіе свое на искуство не менѣе, какъ и на самое дѣло. По сей-то, безъ сомнѣнія, причинѣ Фенелонъ, коего вкусъ весьма разборчивъ, предпочиталъ ему Димосѳена, какъ прямѣйшею дорогою идущаго къ цѣли. Напротивъ того Квинтиліанъ, кажется, предпочитаетъ ему Цицерона; но извѣстно, что опредѣленіе преимущества между двумя толь превосходными ораторами зависитъ отъ вкуса паче, нежели отъ доказательствъ. Я неиначе думалъ всегда о таковыхъ сравненіяхъ, весьма часто слышимыхъ нами и въ простыхъ разговорахъ и въ ученыхъ разсужденіяхъ. Я всегда думалъ, что не въ томъ состоитъ главное дѣло, чтобъ опредѣлить первенство, которое останется на всегда задачею, по причинѣ равносильныхъ почти между спорящими доказательствъ и по различію умовъ; но нужно точнѣе понять, и точнѣе оцѣнить отличительныя свойства и особенныя достоинства каждаго.

Я всегда предпочиталъ Цицерона, да и нынѣ предпочитаю его Димосѳену, какъ писателя; но съ того времени, какъ увидѣлъ я собранія совѣщательныя (deliberantes), началъ чувствовать, что краснорѣчіе Димосѳеново было бы тамъ, можетъ статься, сильнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, нежели краснорѣчіе Цицероново.

Замѣтьте, что они оба для насъ, говоря собственно, токмо писатели; мы ихъ не слышимъ, мы ихъ читаемъ, они не могутъ убѣждать насъ, но могутъ намъ нравиться. Филиппъ и Есхинъ, Антоній, Катилина давно уже были судимы; мы нынѣ судимъ только о Цицеронѣ и Димосѳенѣ, а въ семъ то и заключается великая разность; ибо для Грековъ и Римлянъ первымъ предмѣтомъ было самое дѣло, о коемъ шло разсужденіе, а ораторъ уже вторымъ. Они оба имѣли равные успѣхи, и равно владычествовали надъ сердцами; но нынѣ я понимаю весьма ясно, что Цицеронъ, имѣя разнообразныя качества ума и разнообразныя свойства слога, долженъ быть гораздо въ большемъ уваженіи, нежели Димосѳенъ, не имѣющій сего преимущества. Цицеронъ находится предъ глазами читателей, онъ доставляетъ имъ различныя удовольствія; въ чемъ и можетъ преимуществовать: предъ слушателями же никто бы не взялъ преимущества надъ Димосѳеномъ, потому что слушая его, нельзя съ нимъ не соглашаться; а сіе то и есть первая цѣль риторскаго искуства.

Не можно ли еще другихъ причинъ неравенства извлечь изъ разности правленій и изъ свойства народовъ, съ коими они оба имѣли дѣло? Въ Аѳинахъ была единая токмо власть, власть народа: тамъ было совершенное народодержавіе, каковаго желалъ Руссо изключительно *для малыхъ областей*; и каковое въ великихъ почиталъ невозможнымъ; чему даже и примѣра никогда не бывало.

Народъ Аѳинскій былъ легкомысленъ, безпеченъ, любящъ спокойствіе, преданъ забавамъ, преисполненъ надѣянія на свое могущество и древнюю славу свою. Для него были нужны сильныя потрясенія; и хотя краснорѣчіе въ Димосѳенѣ было, безъ сомнѣнія, послѣдствіемъ природныхъ его дарованій, но оно долженствовало также управляемо быть, до нѣкоего степени, и познаніемъ, какое имѣлъ онъ о своихъ слушателяхъ; а сіе познаніе было такъ нужно, что мужъ толь превосходнаго ума не могъ пренебречь его. Для того-то почелъ онъ за необходимое сильно поражать невнимательную толпу сію, вѣдая совершенно, что ежели бы онъ далъ ей опомниться, ежелибъ позволилъ ей заняться пріятностями слога своего и красотою выраженій своихъ, то все было бы тщетно. Аѳиняне въ состояніи были отвращить свое вниманіе отъ всего того, что онъ ни говорилъ, только бы поимать случай возхищаться какимъ нибудь витіеватымъ изрѣченіемъ его, и выхваляя его, показать изящность собственнаго своего вкуса. Онъ зналъ сіе такъ хорошо, что окончевая рѣчь противъ Филиппа, которая доставила ему великія похвалы, произнесъ къ нимъ слѣдующія слова: „Не рукоплещите въ честь Оратору, а дѣ„лайте то, что онъ вамъ совѣтуетъ; я не „могу спасти васъ моими словами: вамъ са„мимъ должно спасать себя вашими дѣя„ніями. “

Такимъ образомъ когда увлекалъ онъ народъ, то все могъ дѣлать: ему тотчасъ

поручаемо было писать приговоры, по обыкновенному обряду, которымъ предоставлялась за то Оратору и честь и опасность: *По предложенію Демосѳена, народъ Аѳинскій присуждаетъ и опредѣляетъ* и пр. Мы имѣемъ множество приговоровъ, сохраненныхъ Греческими историками и Ораторами.

Но не такъ было въ Римѣ; тамъ надлежало поступать съ осторожностію по причинѣ соперничества учрежденныхъ властей и частныхъ выгодъ. Хотя верьховная власть дѣйствительно находилась въ рукахъ народа, не бывъ законодлинно утвержденною, какъ у новѣйшихъ народовъ; но правленіе обыкновенно принадлежало Сенату, изключая тѣ только случаи, когда Трибуны переносили какое либо дѣло въ собраніе народное, и получали приговоръ отъ онаго; тогда уже и самъ Сенатъ сему повиновался. Для постановленія же закона, потребно было общее согласіе народа и Сената; и отъ сего-то происходили частыя между двумя чиноначаліями разпри, въ которыхъ народъ всегда почти одерживалъ верьхъ, и, что еще примѣчательнѣе, почти всегда имѣлъ на своей сторонѣ справедливость. Но что основанія верьховной власти народа были не весьма ясно понимаемы, сіе доказывается тѣмъ, что всѣ общественные приговоры начинались именно такими словами: *Сенатъ и народъ*, (Senatus populusque romanus); сіе было несообразно съ существомъ дѣла; надлежало бы правильнѣе говорить: *Народъ и*

Сенатъ Римскій, (Populus Senatusque romanus). О семъ различіи между верьховною властію и правленіемъ довольно объяснилъ въ своихъ сочиненіяхъ одинъ только Локкъ; а отсюда заимствовалъ разсужденія Руссо и помѣстилъ ихъ въ своей книгѣ о *общественомъ договорѣ*.

Итакъ дѣла были часто разбираемы, въ одно и тоже время, и въ Сенатѣ и предъ народомъ; и разность слушателей долженствовала произвесть разность и въ краснорѣчіи. Сверьхъ того, были между гражданами люди толь сильные, что одни они частнымъ своимъ довѣріемъ дѣлали великій перевѣсъ въ общенародныхъ сужденіяхъ; и оратору долженъ былъ имѣть въ виду всѣ сіи обстоятельства.

Народъ Римскій былъ гораздо степеннѣе, разсудительнѣе, осторожнѣе, благонравнѣе, нежели народъ Аѳинскій. Даже можно сказать, что изъ всѣхъ свободныхъ народовъ въ древности не было ни одного ему подобнаго. Онъ показалъ безчисленные опыты той умѣренности, каковая, кажется, несвойственна простонародію, коего движенія обыкновенно тѣмъ менѣе хранятъ мѣру, чѣмъ болѣе имѣютъ силы въ самихъ себѣ; и извѣстно, что умѣренность сія не иное что есть, какъ точная мѣра всѣхъ страстей, всѣхъ обязанностей и всѣхъ добродѣтелей. То, что рѣдко бываетъ въ одномъ человѣкѣ, должно быть еще рѣже во многочисленной толпѣ

людей, а сіе однакожъ видимъ безпрестанно въ народѣ Римскомъ; и что самое наблюдательному оку представляетъ его народомъ, особенно опредѣленнымъ повелѣвать другими народами. Сія истина, которая могла бы дать новый видъ Римской Исторіи, естьли бы оная писана была нынѣ человѣкомъ, соединяющимъ съ краснорѣчіемъ древнихъ философію, коей часто имъ недоставало, истина сія, говорю, не для всѣхъ ощутительна, по тому что всѣ Латинскіе историки имѣютъ больше или меньше пристрастія къ Сенату. Оный былъ, безъ сомнѣнія, сословіе весьма мудрое, особливо въ учрежденіи внѣшнихъ государственныхъ дѣлъ, гдѣ не господствовали надъ нимъ страсти, по крайней мѣрѣ до времени развращенія правовъ; но въ управленіи внутреннемъ, легко доказать можно, что народъ часто являлъ болѣе справедливости и добродѣтели, нежели Сенатъ. Гдѣ найдете, напримѣръ, что либо подобное Римлянамъ, когда войско ихъ оставляетъ свой станъ, услышавъ о смерти Виргиніи, (сіе было первое и послѣднее личное злодѣяніе тиранства десятивластительнаго) входитъ въ Римъ, съ разпущенными знаменами, не производя ни малѣйшаго насилія, довольствуется возстановленіемъ законныхъ властей, приведеніемъ Аппія предъ судилища, и когда онъ былъ осужденъ, дозволяетъ ему перенести дѣло къ народу, хотя самъ же уничтожилъ сіе право на переносъ?

Сей народъ былъ гордъ, и имѣлъ причину гордиться; онъ чувствовалъ силу свою

и не употреблялъ оной во зло: сіе есть истинное величіе духа; при таковомъ-то величіи производятся знаменитыя дѣла.

Нравы были весьма развращены при Цицеронѣ, но при томъ надлежитъ признаться, что сей развратъ нравовъ былъ несравненно ощутительнѣе между вельможами, нежели между простымъ народомъ. Правила, противныя нравственности, не могли бы быть терпимы въ рѣчахъ предъ народомъ; а были иногда слышимы въ Сенатѣ, и показывались часто въ поведеніи его. Но также гордость и строгость Римскаго народа не могли бы ни въ какое время вытерпѣть тѣхъ сильныхъ и уничижительныхъ укоризнъ, какими осыпалъ Димосѳенъ Аѳинянъ. У одного Катона вырывались иногда оныя, и ему прощали въ томъ, ради извѣстной его стоической суровости; почитали добродѣтель его, не уважая знанія его въ дѣлахъ государственныхъ, которое, въ самомъ дѣлѣ, было посредственно. Онъ оказалъ мало заслугъ по тому, что въ немъ не доставало той *мѣры*, о которой я сказалъ выше, и которую Тацитъ называетъ *мудрымъ наблюденіемъ средины* (tenere ex sapientia modum); Цицеронъ же принесъ величайшую пользу во время жизни своей, и заслужилъ наименованіе отца отечества.

Послѣ сихъ замѣчаній нельзя не удивляться двумъ главнымъ качествамъ *въ разсудительномъ* краснорѣчіи Цицерона, т. е.

вкрадчивости и украшенію: вкрадчивости, поелику надлежало ему, и въ Сенатѣ, и предъ народомъ, и въ судилищахъ, наблюдать множество пристойностей, чуждыхъ для Димосѳена; украшенію, поелику чистота слога, введенная въ Римъ не прежде, какъ по завоеваніи Греціи, была нѣкоею приманкою, которая производила тѣмъ живѣйшее чувствованіе, чѣмъ болѣе привязаны были Римляне ко всѣмъ искуствамъ, приличествовавшимъ ихъ склонностямъ и роскоши. Посреди услажденій всякаго рода, услажденія ума и слуха содѣлались истинною страстію. Слововыраженіе весьма уважалось особливо въ судилищахъ, гдѣ тяжебныя рѣчи говорились длинныя, какъ будто для увеселенія судей паче, нежели для объясненія дѣла.

Итакъ Цицеронъ крайне старался о чистотѣ и плавности слога. Онъ зналъ, что слышать его въ народныхъ собраніяхъ почиталось за особенное удовольствіе; зналъ, что всѣ говоренныя имъ рѣчи выходили изъ Сената чрезъ скорописцевъ (tachygraphes), употреблявшихъ въ письмѣ установленные знаки и сокращенія, и называвшихся на Латинскомъ языкѣ *notarii et librarii* (замѣчатели и запищики). Такимъ образомъ, хотя краснорѣчивость была равно почитаема Греками и Римлянами за существеннѣйшую и труднѣйшую часть риторскаго искуства; поелику относились къ сему, какъ говорятъ риторы, не только всѣ фигуры рѣченій, служащія украшеніемъ, но и

всѣ фигуры предложеній, составляющія, такъ сказать, душу выраженія; но я понимаю, что Цицеронъ старался болѣе, нежели Димосѳенъ, о томъ, что называется совершеннымъ изчисленіемъ подробностей, и что тѣмъ болѣе пексяонъ о красотѣ и богатствѣ выраженія, чѣмъ болѣе того отъ него ожидали. Сіе такъ справедливо, что почитавшіе себя любителями *аттицизма* (слога аттическаго) порицали Цицерона за излишнее украшеніе; а Квинтиліанъ, ревностный почитатель его, поставилъ себѣ обязанностію въ томъ его оправдывать, и опровергать сихъ мнимыхъ *аттиковъ*, кои въ самомъ дѣлѣ выступили изъ предѣловъ. *Аттицизмъ* состоялъ главнѣйше въ великой чистотѣ языка, совершенномъ удаленіи отъ всякой принужденности и въ нѣкоей благородной простотѣ, долженствовавшей имѣть вольность обыкновеннаго разговора, хотя гораздо съ большею, въ самомъ дѣлѣ, возвышенностію и одинаковою силою: въ семъ-то самомъ превосходенъ былъ Димосѳенъ. Но изъ сей простоты не исключались украшенія, непринужденно встрѣчающіяся, какъ то мнили вопреки тѣ безмѣрно разборчивые критики, кои сдѣлали бы рѣчь сухою и голою, стараясь сдѣлать ее простою. Изъ сей простоты исключалась, только принужденность, а Цицеронъ былъ чуждъ всякой принужденности. У него все текло изъ своего источника, и естьли онъ не кажется до такого степени, какъ Димосѳенъ, забывающимся вовсе какъ ораторъ, дабы показать только человѣка

государственнаго, но умѣетъ скрывать свое искуство, и вы примѣтите оное единственно по тому очарованію, какое заставляетъ васъ ощущать его краснорѣчіе.

Важность сужденій Сената, естественно различествующихъ отъ сужденій народа, всегда нѣсколько шумныхъ, возпрещала обыкновенно употреблять всю пылкость, всѣ способы для возбужденія страстей, какіе нужны были Демосѳену, для возбужденія вниманія и соучастія въ Аѳинянахъ. Посему-то Филиппическія рѣчи Цицероновы вообще гораздо слабѣе такових же рѣчей Греческаго оратора. Впорая, самая сильная изъ всѣхъ, не была говорена: она не одного рода съ прочими: она состоитъ изъ жестокаго ругательства противъ Антонія, въ отвѣтъ на ругательство же, какое Тріумвиръ сей изрыгнулъ противъ него въ его отсутствіи, посреди Сената. Въ другихъ рѣчахъ, которыя имѣли предметомъ побужденіе къ объявленію Антонія врагомъ отечества и вручѣнія полномочія Окталію вести противъ него войну, Цицерону предстояло гораздо меньше препятствъ къ преодолѣнію, нежели Димосѳену. Сенатъ, по крайней мѣрѣ большею частію, не доброжелательствовалъ Антонію; оставалось только направлять приемлемыя имъ мѣры, внушить въ него твердость и рѣшительность, и изтребить въ немъ недовѣрчивость, какую можно было имѣть къ Окталію. Цицеронъ сдѣлалъ все, чего ни желалъ, и издавалъ всѣ приговоры къ исполненію.

Онъ оказывалъ иногда, при сужденіяхъ Сената, пылкость Димосѳенову, но только противъ враговъ явныхъ, каковы были Катилина, Клодій, Пизонъ, Ватиній. Впрочемъ громъ краснорѣчія сберегалъ онъ для судебныхъ сраженій; тамъ-то имѣлъ онъ предъ собою поприще, соразмѣрное обилію и разнообразію своихъ способностей: тамъ-то торжествовалъ высокій даръ его. Но и въ сей самой части различествуетъ онъ отъ Димосѳена тѣмъ, что сей идетъ всегда прямо на непріятеля, всегда сталкиваясь и поражая его, а Цицеронъ дѣлаетъ, такъ сказать, осаду по правиламъ, захватываетъ всѣ изходы, и употребляя рѣчь свою на подобіе войска, окружаетъ непріятеля своего со всѣхъ сторонъ, и наконецъ подавляетъ его. Но прежде, нежели войдемъ въ подробное разсмотрѣніе его твореній, надлежитъ знать, въ какомъ состояніи было до него Римское краснорѣчіе.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О Римскихъ Ораторахъ, предшествовавшихъ Цицерону, и о томъ, гдѣ началъ сей Ораторъ свое поприще.

Цицеронъ въ книгѣ своей о *знаменитыхъ Ораторахъ*, гдѣ они бесѣдуютъ съ Аттикомъ и Брутомъ, поговоривъ о Грекахъ, отличившихся въ краснорѣчіи со временъ Перикла до Димитрія Фалерскаго, (который, хотя съ великою похвалою, началъ однако давать чувствовать нѣкое измѣненіе въ чистотѣ Аттическаго вкуса, и означилъ первую степень упадка), дошелъ наконецъ до Римлянъ, кои современъ самаго учрежденія Республики, прославились даромъ слова. Онъ дѣлаетъ имъ толь пространное изчисленіе, что можемъ мы понять, сколь давно уже къ сему искуству прилагаемо было стараніе, безъ оказанія примѣтныхъ успѣховъ, до времени Катона Ценсора, и даже до Гракховъ, которыхъ однихъ описываетъ онъ такъ; что оставляетъ въ насъ довольно великое понятіе не о совершенствѣ, (они были еще отъ сего далеки) но о высокомъ умѣ, который не былъ еще руководимъ искуствомъ, ниже очищенъ вкусомъ. Пылкость и чувствительность составляли свойство Гракховъ; важность и сила отличали Катона; но всѣмъ троимъ не доставало еще, той изящности, того согласія, того искуства разсмѣщать слова и составлять періоды, не доставало,

то есть, тѣхъ пособій, которыя занимаютъ весьма важное мѣсто въ риторской наукѣ, не меньше обязанной, какъ и стихотворство, почитать ухо путемъ къ сердцу. Гракхи были, кажется, изъ числа тѣхъ, кои прежде всѣхъ обучались Греческой словесности, начинавшей быть извѣстною въ Римѣ. Мы знаемъ изъ исторіи, что были они одолжены симъ ученіемъ, по тогдашнему времени довольно рѣдкимъ, превосходному воспитанію, какое получили отъ своей матери Корнеліи. Но Латинскій языкъ еще не былъ тогда усовершенствованъ: онъ приведенъ въ совершенство не прежде седьмаго столѣтія отъ созданія Рима, когда процвѣтали Антоній, Крассъ, Сцевола, Сулпицій, Котта, кои всѣ представляютъ важное лице въ разговорахъ Цицерона *объ Ораторѣ*. Похвала, имъ отъ него приписываемая, основана отъ части только на преданіи, удобно сохранившемся между толикимъ множествомъ слушателей и судей; ибо многіе ничего не писали, и тѣ, коихъ творенія находились въ рукахъ у Цицерона, не могли избѣгнуть вдкости времени. Намъ извѣстны они только по одобрительному его объ нихъ свидѣтельству, такъ что вся исторія о Римскомъ краснорѣчіи, и всѣ памятники, до насъ отъ томъ дошедшіе, заключаются въ однихъ писаніяхъ Цицерона.

Когда явился онъ на поприщѣ риторскомъ, Горгензій занималъ тамъ первое мѣсто: его называли *первенствующимъ во судныхъ*

дѣлахъ. Цицеронъ, съ самаго начала, встрѣтился съ симъ знаменитымъ соперникомъ, имѣлъ славу противоборствовать ему съ выгодою, и заслужить его почтеніе и дружбу. Но самъ же онъ повѣствуетъ, (и его дознанное безпристрастіе заставляетъ ему вѣрить) что Гортензій не поддержалъ славы своей до конца. Онъ не замѣтилъ, что блескъ и украшеніе, составлявшія главное достоинство рѣчей его, дѣйствованіе его пристойное болѣе на театрѣ, нежели въ судилищахъ, что всѣ сіи обольщенія, заставлявшія рукоплескать его молодости, не столько уже приличествовали лѣтамъ зрѣлѣйшимъ, отъ коихъ требуются качества важнѣйшія, и въ коихъ должно наблюдать въ словахъ своихъ всю осмотрительность и все достоинство, опытности принадлежащее. Гортензій сталъ унадать по мѣрѣ того, какъ Цицеронъ возвышался. Сіе неравное соперничество произвело нѣкоторую холодность въ ихъ дружбѣ. Цицеронъ почиталъ себя оскорбленнымъ отъ него во время своего изгнанія; сіе однакожъ не возпрепятствовало принести ему, при смерти его, дань болѣзнованія; толь добрый гражданинъ, каковъ былъ Цицеронъ, не могъ не признавать достоинства въ соперникѣ, и не пожалѣть объ немъ ради пользы общественной, которая часто приводила ихъ къ единомыслію.

Прекраснѣйшее шоржествіе, одержанное надъ нимъ Цицерономъ, было по дѣлу Верресову, о которомъ напишемъ я говоримъ

подробно. Но надобно замѣтить прежде, ко славѣ нашего оратора, что въ дѣлѣ семъ, такъ какъ и во многихъ другихъ, за которыя брался онъ, требовалось столько же мужества въ предпріятіи, сколько и чести предстояло въ успѣхѣ. Оно случилось во времена смятеній и развратa: происки, знать, сила часто превозмогали въ судилищахъ надъ справедливостію: часто бывалъ притеснитель толь силенъ, что притесненный не находилъ себѣ защитника. Какъ то оказалось при тяжбѣ Росція Америна, который въ то время, какъ неправедно опредѣляемыя Силлою казни заставляли молчать всѣ законы, лишенъ былъ своего имѣнія отъ двухъ родственниковъ своихъ, убившихъ отца его, (хотя онъ и не былъ изъ числа осужденныхъ), и боявшихся, чтобъ сынъ не сталъ отыскивать своего имѣнія, дерзнули обвинять его въ смертоубивствѣ, ими самими содѣянномъ, и доносить на него, какъ на отцеубійцу. Они были подкрѣпляемы силою Хрисогона, отпущенника Силлина, находившагося въ величайшей довѣренности у своего господина, который былъ тогда Диктаторомъ. Ни одинъ стряпчій не смѣлъ подвергнуться гнѣву толь страшнаго непріятеля. Цицеронъ, бывъ тогда двадцати шести лѣтъ отъ роду, возъимѣлъ сію благородную смѣлость. Подвигнутъ будучи негодованіемъ, какое внушаетъ несправедливость, и которое весьма часто охлаждается болзливою осторжностію въ лѣтахъ опытности, но которая возпламеняетъ кровь

благороженнаго юноши, стремящагося также, можетъ быть, и отличиться сею пылкостію, какъ свойствомъ приличнѣйшимъ юности; онъ одинъ отважился говорить, когда всѣ молчали; такое предпріятіе тѣмъ удивительнѣе, что то было первое общественное дѣло, которое Цицеронъ защищать хотѣлъ (*).

Другое достоинство не меньше удивительное состоитъ въ томъ, что онъ въ защитительной своей рѣчи употребилъ всю изворотливость и всю осторожность, каковыя не всегда наблюдаетъ смѣлость. Нападая на Хрисогона со всею силою, представляя его со всѣхъ сторонъ ненавистнымъ, щадитъ Силлу всевозможнымъ образомъ, и прибѣгаетъ къ самому благоразумному средству, когда надобно бороться со властію, то есть, предполагаетъ, что Силла ничего о томъ не вѣдалъ, да и вѣдать не могъ. Мы не знаемъ, чѣмъ кончилась сія тяжба; но извѣстно, что, спустя нѣсколько времени, онъ имѣлъ еще такую же благородную смѣлость защищать право нѣкоторыхъ Италійскихъ городовъ на гражданство Римское противъ точнаго закона Силлина, который ихъ лишалъ

(*) Общественными дѣлами назывались тѣ, о которыхъ предлагалось предъ Сенаторами или Рыцарями, и онѣ отличаемы были отъ дѣлъ частныхъ, подлежавшихъ сужденію низшихъ судилищъ.

того права. Плутархъ, писавшій спустя болѣе ста лѣтъ послѣ Цицерона, думаетъ, что путешествію его въ Грецію и двугодичному его отсутствію было истинною причиною не поправленіе здоровья его, какъ онъ самъ объявлялъ, но боязнь Силлина гнѣва. Сіе Плутархово мнѣніе опровержено другими гораздо достовѣрнѣйшими доказательствами, по которымъ видно, что Цицеронъ провелъ цѣлый годъ въ Римѣ, послѣ тяжбы Росціевой. Благородный и мужественный поступокъ, ознаменовавшій приступъ его къ судными дѣламъ, былъ въ послѣдствіи сладчайшимъ для него воспоминаніемъ въ старости. Онъ говоритъ объ немъ съ удовольствіемъ сыну своему, и приводитъ свой примѣръ въ наставленіе всѣмъ тѣмъ, кои опредѣляютъ себя на такое же служеніе, и кои должны быть совершенно увѣрены, что ничѣмъ лучше не льзя заслужить всеобщаго уваженія, какъ симъ благороднымъ рвеніемъ, которое не страшится опасности, когда идетъ дѣло о покровительствѣ невинности. Тоже самое чувствованіе одушевляетъ его при обвиненіи Верреса. Правда, вступилъ онъ въ дѣло сіе съ великими преимуществами. Онъ былъ въ самыхъ лучшихъ лѣтахъ, и находился уже на пути, ведущемъ къ почестямъ. Онъ отправлялъ Квесторскую должность въ Сициліи съ великою похвалою, и потомъ назначенъ былъ въ Эдили. Народъ Римскій, плѣненный его краснорѣчіемъ и увѣренный о добродѣтели его, изъявлялъ къ нему, во всѣхъ случаяхъ, отмѣнное добро-

желательство. Общенародныя рукоплескания сопровождали его повсюду; но справедливо и то, что при нападеніи на Верреса, надлежало ему преодолѣть великія препятствія. Верресъ, при всей своей винности, былъ поддерживаемъ самыми сильнѣйшими особами въ Римѣ. Вельможи, почитавшіе за одно изъ правъ своихъ набогащаться, при управленіи областей, несноснѣйшими грабежами, составляли общее съ Верресомъ дѣло, и въ грозящемъ ему наказаніи видѣли примѣръ страшный для самихъ себя. Всѣ возможныя средства употребляемы были къ избавленію его отъ строгости законовъ. Цицеронъ, къ коему Сициліане прибѣгали съ своими жалобами, какъ къ надежному покровителю сей области, со времени бытности его тамъ Квесторомъ, отправился на мѣсто для собранія свидѣтельствъ, которыя были ему нужны противъ обвиняемаго. Онъ истребовалъ три мѣсяца съ половиною для сего путешествія; но увѣдомился, что расположено было проволочить дѣло до слѣдующаго года, въ которомъ М. Метелъ долженъ быть Преторомъ, а К. Метелъ и Гортензій консулами; они были явные защитники Верреса, и сіе стеченіе обстоятельствъ подало бы имъ много средствъ къ его спасенію. Цицеронъ употребилъ такую дѣятельность, что въ пятьдесятъ дней окончилъ свой розыскъ. Онъ возвратился въ Римъ, когда наименѣе ожидали его, и разсуждая, что обыкновенное производство дѣла могло занять многія засѣданія и унести дра-

гоцѣнное время, принудилъ тотчасъ приступить къ выслушанію свидѣтелей, и говорилъ одну только рѣчь, въ которой, при каждомъ случаѣ, ссылался на тѣхъ свидѣтелей, которыхъ представлялъ противнику своему Гортензію, долженствовавшему ихъ допрашивать. Доказательства были толь ясны, показанія толь уразительны, ропотъ всего народа Римскаго, при семъ присутствовавшаго, возсталъ съ такою жестокостію, что устрашенный Гортензій не осмѣлился говорить вопреки очевидной истинѣ, и самъ присовѣтовалъ Верресу, не дожидаясь суда, добровольно удалиться изъ Рима. Читая въ Цицеронѣ подробное описаніе ужасныхъ и безчисленныхъ злодѣяній Верресовыхъ, изъ коихъ и единое достойно смерти, не льзя не подосадовать на Римское законодательство, во многомъ похвалы достойное, что оно имѣло больше уваженія къ званію Римскаго гражданина, нежели къ правосудію, соразмѣряющему наказаніе съ преступленіемъ, и что допускало, что бы всякій гражданинъ, осудившій самъ себя на изгнаніе, почитаемъ уже былъ довольно наказаннымъ. Правда, Верресъ погибъ бѣдственно; но злодѣянія его были къ тому только случаемъ, а не причиною. Проживъ нѣсколько времени въ изгнаніи, бывъ отъ всѣхъ оставленъ и презрѣнъ, возвратился онъ въ Римъ тогда, какъ самовластвовали Октавій и Антоній; и какъ вопреки благоразумію, не хотѣлъ отдать послѣднему прекрасныхъ Коринфскихъ сосудовъ и Греческихъ истукановъ, кои оставались

у него отъ грабительствъ въ Сициліи, то и внесенъ въ число осужденныхъ на смерть, и Верресъ погибъ такъ, какъ и Цицеронъ.

При семъ только случаѣ великій мужъ, непрестанно занимавшійся защищеніемъ обвиняемыхъ, сдѣлался обвинителемъ, и симъ любопытнымъ замѣчаніемъ самъ онъ начинаетъ первую свою рѣчь противъ Верреса. Оборотъ, какой приняло сіе дѣло, былъ причиною и предметомъ семи рѣчей, изъ которыхъ только двѣ первыя говорены были. Цицеронъ писалъ прочія для того, чтобъ оставить образецъ, какъ надлежитъ излагать и доказывать доводы во всѣхъ частяхъ онаго. Изъ послѣднихъ двухъ рѣчей противъ Верреса, почитаемыхъ вообще за превосходныя умопроизведенія, одна имѣетъ предметомъ хищеніе и грабительства Верреса, а другая жестокость и безчеловѣчіе его. Одна достопримѣчательна по подробностямъ, по разнообразію и пріятности повѣствованій, по искуству, какое употребляетъ Ораторъ для возбужденія любопытства въ слушателяхъ, разсказывая о великомъ множествѣ грабежей, но основаніе ея остается одно и тоже; другая достойна удивленія по причинѣ пылкости и поразительности, по всѣмъ средствамъ, какія употребляетъ Ораторъ для произведенія жалости къ притѣсненнымъ, и для возбужденія негодованія противъ виновнаго. Изъ сей-то послѣдней рѣчи почелъ я за нужное перевести нѣкоторыя мѣста: онѣ, дая намъ чувствовать краснорѣчіе Оратора, имѣютъ

еще для насъ ту пользу, что подаютъ намъ понятіе о самопроизвольной власти Римскихъ правителей во ввѣренныхъ имъ областяхъ, и о ужасномъ злоупотребленіи, какое они дѣлали изъ нея, когда развратомъ нравовъ попранна стала мудрость законовъ. Взирая на такія картины, человѣчество оскорбляющія, при всемъ блескѣ Римскаго величія, воображеніе поражающемъ, не льзя не благодарить Небо за уничтоженіе могущества толь тираническаго, которое, до какого бы излишества ни простиралось, надлежало сносить до истеченія срока настоящаго правительства; послѣ чего можно было приходить въ Римъ просить о неизвѣстномъ, слабомъ и медлѣнномъ отмщеніи, которое не заглаждало злодѣяній и не вознаграждало бѣдствій. По сей-то причинѣ, не останавливаясь на рѣчахъ, къ частнымъ дѣламъ относящихся, и подробности коихъ занимать насъ сами собою не могутъ, я взялъ преимущественно всѣ примѣры мои изъ такихъ рѣчей, гдѣ видима общественная польза, и гдѣ краснорѣчіе и исторія совокупно научаютъ и приводятъ насъ въ умиленіе.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Рѣчи противъ Верреса.

Въ то время, какъ Верресъ былъ Преторомъ въ Сициліи, морскіе разбойники производили грабежи на моряхъ, окружающихъ острова сей и берега Италіи. Должность его состояла въ томъ, чтобъ содержать морское ополченіе, которое вооружала Республика для пораженія ихъ и для прикрытія своей торговли. Но корысполюбивому Претору представился въ сихъ способахъ защищенія новый токмо предметъ грабительства и лихоимства; онъ, принуждая воиновъ и корабельныхъ служителей, долженствовавшихъ быть на галерахъ, откупаться отъ службы, освобождая за деньги союзные и даннические города отъ поставки того, что слѣдовало брать съ нихъ по договорамъ, и попуская претерпѣвать во всемъ недостатокъ малому числу людей, какое онъ почелъ за нужное оставить на небольшомъ количествѣ судовъ, на морѣ находящихся, никакъ не заботился о томъ, что подвергаетъ чрезъ сіе Сицилію набѣгамъ морскихъ разбойниковъ, алкалъ токмо обогатиться на щетъ Республики и вѣренной ему области. Надъ симъ ничтожнымъ вооруженіемъ начальство поручилъ онъ не Римлянину, но, чему и примѣра не бывало, Сициліанину, именемъ Клеомену, коего жена была явною любовницею Претора. То и случилось, чего ожидать

надлежало: Римскія суда обратились въ бѣгъ при видѣ разбойниковъ, и Клеоменъ первый ушелъ на берегъ. Другимъ начальникамъ галеръ, на коихъ было малое число изнуренныхъ всякою нуждою воиновъ, не оставалось ничего инаго дѣлать, какъ послѣдовать примѣру главнаго предводителя. Морскіе разбойники сожгли оставленныя суда, при самыхъ стѣнахъ Сиракузскихъ, и вошли даже въ пристань. Сіе поруганіе, нанесенное Римскому оружію, сія тревога, причиненная разбойниками въ городѣ толь сильномъ, каковъ Сиракузы, тотчасъ отозвались и въ самомъ Римѣ. Верресъ устрашился послѣдствій толь непріятной огласки, и чтобъ не показаться виновнымъ въ причиненіи сего нещастія, принялъ намѣреніе самое гнусное, какое только могло придти въ голову подлаго и жестокаго тирана. Онъ вздумалъ причесть все измѣнѣ Сицилійскихъ начальниковъ, коихъ невинность была извѣстна, и кои могли только сдѣлать то, что они сдѣлали, и безъ малѣйшаго доказательства, осудилъ ихъ на смертную казнь. Вся Сицилія содрогнулась отъ сего злодѣйскаго посягательства. Цицеронъ требуетъ за то отмщенія. Мы увидимъ, какими красками умѣлъ онъ описать Верресовы законопреступные поступки, и съ какою силою изчисляетъ всѣ ужасы оныхъ.

„Верресъ выходитъ изъ палатъ Пре-
„торскихъ, воспаленъ будучи злобою, не-
„истовствомъ, лютостію: поспѣшаетъ на

„общенародную площадь, требуетъ предъ „себя начальниковъ галеръ. Они безъ всякаго „страха и подозрѣнія являются немедлѣн„но. Но Верресъ на сихъ бѣдныхъ и невин„ныхъ людей наложить оковы повелѣваетъ. „Они призываютъ правосудіе народа Римска„го, и вопрошаютъ о причинѣ таковаго съ „ними поступка. Тогда Верресъ объявляетъ „имъ, что они заслужили сіе измѣнническою „сдачею галеръ разбойникамъ. Подъемлется „вопль въ народѣ; всѣ удивляются толикому „въ человѣкѣ безстыдству и дерзости, что „приписываетъ другимъ причину бѣдствія, „приключившагося единственно отъ его соб„ственнаго корыстылюбія: кто самъ сооб„щникомъ разбойниковъ почитаться могъ, „тотъ вину измѣны на другихъ возлагалъ: „да и обвиненіе сіе сдѣлано уже въ пятнад„цатый день по потеряніи галеръ. Тогда „всѣ вопрошали, гдѣ же Клеоменъ? не по то„му, что бы его за оную потерю достой„нѣйшимъ наказанія почитали; ибо что могъ „сдѣлать Клеоменъ? (ложно обвинять ни кого „не хочу) что могъ, говорю, Клеоменъ сдѣ„лать съ кораблями, по сребролюбію Верре„са въ худое состояніе приведенными? Его „видятъ сидящаго подлѣ Претора и ему на „ухо дружески, по обыкновенію своему, шеп„чущаго. Всѣмъ показалось дѣломъ самымъ „недостойнымъ, что люди честнѣйшіе и от„личнѣйшіе въ городахъ своихъ, заключены „въ узы, а Клеоменъ; ради беззаконнаго и „гнуснаго сообщества, находится въ превe„ликой дружбѣ съ Преторомъ. Не смотря

„на то представляется обвинитель, нѣкто „Турпіонъ Невій, который, при К. Сацердосѣ „Преторѣ, за разныя вины осужденъ былъ, „человѣкъ весьма способный къ содѣйствію „продерзостямъ Верреса, который въ собира„ніи податей, въ дѣлахъ уголовныхъ и во „всякой клевѣтѣ, имѣлъ его обыкновенно „предваришелемъ и споспѣшникомъ. Прихо„дятъ въ Сиракузы родители и ближніе не„щастныхъ юношей, симъ печальнымъ слу„хомъ о бѣдствіи ихъ подвигнутые: видятъ „въ оковахъ дѣтей своихъ, носящихъ на „выяхъ и главахъ своихъ наказаніе Верресова „любостяжанія: предстаютъ, защищаютъ, „вопіютъ: просятъ твоего, Верресъ, право„судія, коего тогда у тебя не было, да и „прежде никогда не бывало. Между родите„лями предсталъ Диксіонъ Тиндаритянинъ, „человѣкъ благороднѣйшій, гостепріимецъ „твой, у котораго бывалъ ты въ домѣ, ко„тораго называлъ пріятелемъ; ты, имѣлъ „въ рукѣ власть Преторскую, а его ви„дѣлъ въ бѣдственномъ состояніи; ни его „слезы, ни старость, ни знатная порода, ни „право гостепріимства, не могли тебя воз„звать отъ злодѣянія къ самомалѣйшей жа„лости. Другій отецъ былъ Евбулидъ Гер„битянинъ, мужъ знаменитый и почтенный, „который за то, что защищая сына своего, „оскорбилъ Клеомена, почти до нага раздѣтъ „былъ предъ народомъ. Чтожъ оставалось „говорить, какъ можно было защищаться? „О Клеоменѣ упоминать не позволено. — Но „*дѣло самое того требуетъ.* — Умрешь,

„ежели упомянешь. Верресъ никогда не гро-
„зилъ умѣренно. — *Такъ не было гребцовъ.* —
„Ты Претора обвиняешь! Отрубите голову. —
„Ежели ни о Преторѣ, ни о любимцѣ Пре-
„торовѣ, на которыхъ и дѣло все основано,
„упоминать не позволится; то чтожъ оспасти-
„ся дѣлать? Защищается также и Гераклій
„Сегестянинъ, человѣкъ родомъ своимъ зна-
„менитый. Удостойте вниманія, Судіи, какъ
„того ваше человѣколюбіе требуетъ. Вы
„услышите о великихъ притѣсненіяхъ и
„обидахъ союзникамъ. Сей Гераклій, ради
„тяжкой глазной болѣзни, не былъ всегда на
„судахъ съ прочими, а съ позволенія своего
„начальника, оставался въ Сиракузахъ. Безъ
„сомнѣнія, онъ не отдалъ галеръ непріятелю,
„не обратился въ бѣгство, опъ спраха, и
„не оставилъ войска. Однако и онъ въ томъ
„дѣло замѣшанъ, какъ бы уже въ преступ-
„леніи изобличенный, а на него и ложной
„даже вины взвести было не можно. Былъ
„въ числѣ оныхъ корабленачальниковъ одинъ
„Иракляninъ именемъ Фурій, мужъ, не толь-
„ко въ городѣ своемъ, во время жизни, но и по
„смерти своей, во всей Сициліи знаменитый;
„онъ былъ столь неустрашимъ, что Верреса,
„не только порицалъ смѣло; ибо, видя предъ
„собою неминуемую смерть, дѣлалъ то без-
„боязненно: но и осужденный уже на казнь,
„когда плачущая мать въ темницѣ подлѣ
„него дни и ночи проводила, писалъ свое за-
„щищеніе; и въ Сициліи нѣтъ ни единаго
„человѣка, который бы не имѣлъ онаго въ
„рукахъ, который бы о твоихъ, Верресъ,

„злодѣяніяхъ и лютости не воспоминалъ. Въ „сей защитительной рѣчи изчисляетъ онъ, „коликое число мореходцевъ взялъ ты отъ „его города, сколько и кого именно отпу„стилъ, сколько при себѣ оставилъ: тоже „самое и о прочихъ корабляхъ объявляетъ; и „когда онъ представлялъ о семъ тебѣ, его „били по глазамъ розгами. Онъ же, рѣшив„шись на смерть, спокойно сносилъ боль „плѣсную, вопіялъ только, да и на письмѣ „сіе оставилъ, что ты, къ несказанному „стыду, слезы безстыднѣйшей жены о спа„сеніи Клеомена уважаешь болѣе, нежели „слезы матери о сохраненіи сына . . . . „. . . . . “

„Верресъ осуждаетъ всѣхъ по приговору „совѣта своего; но въ дѣлѣ толикой важно„сти, и касающемся до толикаго числа гра„жданъ, не призываетъ къ себѣ на совѣтъ „ни П. Веттія, Квестора своего, ни П. Цервія, „мужа благоразумнаго, Легата своего, но „осуждаетъ всѣхъ по приговору разбойниковъ, „то есть, своихъ сообщниковъ. Отъ сего всѣ „Сициліане, вѣрнѣйшіе и древнѣйшіе союз„ники, многими благодѣяніями отъ предковъ „нашихъ осыпанные, сильно тревожатся, „страшатся бѣдствій и потерянія всѣхъ „имуществъ своихъ. Какъ? милосердіе и „кротость нашего правленія премѣнились въ „такую люотость и безчеловѣчіе? Вдругъ „осуждается такое множество людей безъ „всякаго преступленія? Злочестивый Пре„торъ ищетъ прикрышь грабежи свои самою

„недостойною смертію невинныхъ? Кажет-
„ся, ничего уже не можно, Судіи, прибавить
„къ таковому нечестію, таковому безумію
„и таковой люпости, да и справедливо ка-
„жется такъ; ибо всѣхъ далеко превзойдетъ
„въ нечестіи: но онъ споритъ самъ съ со-
„бою, стараясь всегда послѣднее свое пре-
„ступленіе новымъ злодѣяніемъ превысить.
„Я уже сказалъ, что Фаларгъ Центуриянинъ
„былъ изключенъ Клеоменомъ отъ общаго
„осужденія по тому, что Клеоменъ находился
„на его галерѣ: однакожъ юноша сей не могъ
„не страшиться, видя себя въ тѣхъ же са-
„мыхъ обстоятельствахъ, въ каковыхъ были
„и всѣ невинно погибавшіе; тогда приходитъ
„къ нему Тимархидъ съ удостовѣреніемъ,
„что ему болѣться топора не должно, а розгъ
„остеретаться надобно. Что говорить много?
„Вы слышали отъ самаго юноши, что онъ
„убоясь наказанія розгами, далъ Тимархиду
„деньги. Вотъ самыя легкія вины сего за-
„конопреступника, что начальникъ корабля,
„уроженецъ знамѣнитѣйшаго города, отъ
„розгъ деньгами откупился; сіе человѣко-
„любиво; что другій, для избѣжанія смертной
„казни, также далъ деньги; сіе есть дѣло
„обыкновенное: народъ Римскій не хочетъ,
„чтобъ Верресъ былъ обвиняемъ въ давнихъ
„законопреступленіяхъ, изъ обыкновенія вы-
„шедшихъ; онъ ожидаетъ новыхъ, не слы-
„ханныхъ; ибо думаетъ онъ, что судъ про-
„изводится не надъ Преторомъ Сициліи, но
„надъ тираномъ самымъ безчеловѣчнѣйшимъ.
„Осужденные заключаются въ темницу: казнь

„имъ опредѣляется, и во первыхъ испол-
„няется надъ нещастными ихъ родителями,
„коимъ возбраняется доступъ до дѣтей, воз-
„браняется приносить имъ пищу и одежду.
„Отцы сіи, которыхъ вы видите, лежали
„при дверяхъ, и бѣдныя матери ночевали
„при входѣ темничномъ; имъ возпрещалось
„обнимать дѣтей своихъ; и онѣ молили толь-
„ко о томъ, чтобы позволено было принять
„хотя послѣднее дыханіе чадъ ихъ. Стра-
„жемъ темницы былъ исполнитель неис-
„товствъ Преторовыхъ, страхъ и ужасъ
„товарищей и гражданъ, Ликторъ Сестій,
„который отъ всякаго воздыханія, отъ вся-
„кой скорби приобрѣталъ извѣстную ко-
„рысть. — Чтобы тебѣ войти, дай столько:
„чтобъ позволено тебѣ было принести туда
„пищу, дай столько; въ чемъ никто и не
„отказывалъ. Сколько даешь за то, чтобъ
„я однимъ ударомъ умертвилъ сына твоего?
„за то, чтобъ онъ не долго мучился? за то,
„что бы не былъ поражаемъ многократно?
„чтобъ безъ великой боли и мученія духъ
„испустилъ? — И даже за сіе давалася мзда
„Ликтору! О великая и нестерпимая скорбь!
„О тяжкое и горестное состояніе! Не
„жизнь дѣтей, но ускореніе смерти поку-
„пать принуждены были родители. Даже
„сами юноши о таковомъ же пораженіи, о
„томъ же единомъ ударѣ съ Сестіемъ дого-
„варивались, и какъ послѣдней милости у
„родителей своихъ просили, что бы, за об-
„легченіе мученій ихъ, деньги плачены были.
„Многія и тяжкія скорби изобрѣтены уже

„для родителей и присныхъ; многія, но по „крайней мѣрѣ смерть положитъ имъ ко„нецъ? Нѣтъ, сего не будетъ. Такъ уже „ли можетъ лютость далѣе простираться? „безъ сомнѣнія далѣе. Ибо, по отсѣченіи „головъ у сыновъ ихъ, тѣла ихъ бросятся „дикимъ звѣрямъ на снѣденіе. Естьли сіе „болѣзненно для родителя, то да купитъ „право погребенія. Вы слышали отъ Оназа „Сегестянина, мужа благороднаго, сколько „заплатилъ онъ Тимархиду за погребеніе ко„рабленачальника Гераклія. Изъ бывшихъ то„гда въ Сиракузахъ, кто не слыхалъ, кто „не знаетъ, что таковые договоры о погре„беніи дѣланы были Тимархидомъ съ осуж„денными еще заживо, что съ Тимархидомъ „явно договаривались о томъ, что родные „каждаго при томъ находились, что цѣна за „похороны явно постановлялась.“

„По учрежденіи всего того, выводятся „осужденные изъ темницы и привязываются „ся къ столбу. Кто былъ тогда толико же„стокъ и безчувственъ, толико безчеловѣченъ, „кромѣ тебя одного, Верресъ, что бы ни юно„стію, ни благородствомъ, ни злоключеніемъ „ихъ не могъ быть тронутъ! Кто не про„ливалъ тогда слезъ! Кто злополучія ихъ не „почиталъ за общее бѣдствіе? Поражаются „сѣкирою: при всеобщемъ плачѣ, ты одинъ „веселишься и торжествуешь: ты радуешься „что изтребилъ свидѣтелей корыстолюбія „твоего. Ты обманывался, Верресъ, грубо „обманывался, воображая, что скверну зло-

„дѣяній и грабежей твоихъ омоешь кровію
„невинныхъ гражданъ: ты безумствовалъ,
„думая, что зло, любостяжаніемъ причинен-
„ное, можешь загладить посредствомъ без-
„человѣчія. Ибо хотя свидѣтели злодѣяній
„твоихъ умерли; но остались еще родствен-
„ники ихъ, къ обличенію твоему и къ ихъ
„защищенію: даже изъ числа корабленачаль-
„никовъ нѣкоторые живы еще и здѣсь нахо-
„дятся; ихъ, какъ мнѣ кажется, сохранила
„судьба отъ казни, прочими понесенной, на-
„рочно на сей конецъ. Здѣсь предстоитъ
„Филаргъ Галунтянинъ, который, не похо-
„тѣвъ бѣжать вмѣстѣ съ Клеоменомъ, былъ
„побѣжденъ и взятъ разбойниками: ему бѣд-
„ствіе послужило спасеніемъ: естьли бы не
„былъ онъ взятъ морскими разбойниками,
„то впалъ бы въ руки сего грабителя союз-
„никовъ нашихъ. Онъ засвидѣтельствуетъ
„и объ отпускѣ корабельныхъ служителей,
„и о недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ, и
„о бѣгствѣ Клеоменовомъ. Здѣсь предсто-
„итъ Центурипянинъ Фаларгъ, въ знамени-
„томъ городѣ отъ знаменитыхъ родителей
„произшедшій: онъ тоже утверждаетъ, ни
„въ чемъ не разногласитъ. О Судіи! что вы
„о семъ думаете? съ какимъ духомъ слуша-
„те сіе? . . . . . .
„Гдѣ искать прибѣжища союзникамъ нашимъ?
„У кого просить имъ помощи? Какая надежда
„подкрѣпитъ ихъ въ жизни, ежели вы ихъ оста-
„вите? . . . . . Здѣсь единое убѣжище, здѣсь
„пристанище, здѣсь крѣпость, здѣсь жертвен-
„никъ союзниковъ нашихъ. Они приходятъ

„нынѣ сюда не съ тѣмъ, чтобъ требовать „своего, какъ прежде бывало: не сребра, не зла„та, не одеждъ, не рабовъ требуютъ обратно; „сіи люди, по простотѣ своей, болятся, не съ „позволенія ли и не по волѣ ли уже Римскаго „народа все сіе отъемлется. Ибо давно уже сно„симъ и молчимъ, видя, что все и всѣхъ наро„довъ богатство перешло въ руки не многаго „числа людей частныхъ; мы тѣмъ равноду„шѣе, по видимому, сіе сносимъ и на сіе соизво„ляемъ, что никто изъ таковыхъ не ста„рается и не помышляетъ скрывать своего „любостяжанія. Въ прекрасномъ и велико„лѣпномъ городѣ нашемъ находится ли ка„кое изваяніе или живописное изображеніе, „которое было бы не отъ побѣжденныхъ „непріятелей взято и сюда пренесено? А „ихъ загородные домы украшены и исполне„ны лучшими вещами, у самыхъ вѣрныхъ „союзниковъ похищенными. Гдѣ, вы думаете, „находятся сокровища, взятыя отъ чуже„земныхъ народовъ, кои всѣ нынѣ претер„пѣваютъ великую бѣдность, когда Аѳины, „Пергамъ, Кизикъ, Милетъ, Хіосъ, Самосъ, „всю наконецъ Асію, Ахаію, Грецію, Сици„лію въ немногихъ загородныхъ домахъ ви„дите заключенными? Но все сіе, Римляне, „все сіе союзники ваши уже оставляютъ, „не брегутъ о семъ, и вотъ въ какомъ со„стояніи къ вамъ прибѣгаютъ! Воззрите, „воззрите, Римляне, на печальную одежду „и уничиженіе союзниковъ вашихъ. Сѳеній „Ѳермитянинъ (*) сей съ разпрепанными

(*) Ѳерма составляла часть Сицилія.

„волосами и въ рубищѣ, хотя весь домъ его „разграбленъ, уже не упоминаетъ о хище- „ніяхъ твоихъ, Верресъ; онъ ничего не тре- „буетъ обратно: отъ тебя взыскуетъ онъ „только *самаго себя*; ты жестокостію и „злодѣйствомъ твоимъ отторгъ его отъ „отечества, въ коемъ, по многимъ добродѣ- „телямъ и благотвореніямъ своимъ, былъ „онъ первымъ гражданиномъ. Сей Дексіонъ, „коего видите, не того, что ты явно въ „Тиндарисѣ похитилъ, ниже того, что тай- „но вынудилъ у него, но единственнаго сы- „на, юношу превосходнаго и невиннаго, „отъ тебя требуетъ; по осужденіи тебя къ „платежу, не деньги обратно, но по наказа- „ніи тебя, желаетъ принесши костямъ и „праху сына своего нѣкое утѣшеніе. Сей „престарѣлый Евбулидъ, при концѣ дней „своихъ предпринялъ толико трудное путе- „шествіе не для того, что бы возвратить „какую либо часть своего имущества, но „чтобъ только тебя осужденна видѣть тѣ- „ми же глазами, коими видѣлъ онъ окрова- „вленное тѣло сына своего. Ежели бы Л. Ме- „теллъ (*) позволилъ, Римляне, то пришли бы „сюда ихъ матери, жены и сестры; одна „изъ таковыхъ, когда я ночью подъѣзжалъ „къ Гераклѣѣ, вышла мнѣ на встрѣчу со „всѣми того города женами, при зажженныхъ „свѣточахъ и называя меня своимъ спаси- „телемъ, а тебя, Верресъ, палачемъ, и съ

(*) Преемникъ и защитникъ Верресовъ.

„рыданіемъ произнося имя сына своего, по-
„верглась къ ногамъ моимъ, какъ будто бы
„я могъ возкресить сына ея. То же самое
„дѣлали и въ прочихъ городахъ престарѣлыя
„*матери* и малолѣтныя *дѣти* нещастныхъ,
„прося отъ меня состраданія и попече-
„нія, а отъ васъ милосердія и защиты.
„И такъ сію, Судіи, кромѣ другихъ, при-
„несла мнѣ жалобу Сицилія. Бывъ возбужденъ
„слезами, а не желаніемъ славы, приступилъ
„я къ сему дѣлу; но дабы ложныя обвиненія,
„темница, оковы, біеніе, топоры, мученіе
„союзниковъ, кровь невинныхъ, бездыханныя
„тѣла мертвыхъ, сѣтованіе родителей и
„ближнихъ, не могли градоначальникамъ на-
„шимъ служить средствомъ къ насыщенію
„корыстолюбія. Ежели я осужденіемъ Верре-
„са, при вашемъ безпристрастіи и правосу-
„діи, избавлю Сицилію таковаго на предбу-
„дущее время страха; то почту, что удо-
„влетворилъ я и долгу моему и желанію Си-
„циліанъ, сего отъ меня требовавшихъ.“

Цицеронъ, тщательно наблюдая правила риторическаго шествія, предоставляетъ себѣ говорить уже подъ конецъ о величайшемъ изъ законопреступленій Верреса, то есть, что онъ повелѣвалъ умерщвлять или сѣчь розгами гражданъ Римскихъ; ибо сіе было строго запрещено законами, естьли не послѣдовало на то приговора отъ народа, или опредѣленія отъ Сената, который давалъ Консуламъ власть чрезвычайную. Ораторъ наиболѣе разпространяется о казни,

произведенной надъ Гавіемъ. Послѣ того, что мы уже слышали, трудно понять, чтобъ онъ нашелъ еще новыя выраженія противъ Верреса; но можно положиться на неизтощимое обиліе высокаго его разума. Онъ превозходитъ, кажется, самаго себя въ своемъ красноречіи, по мѣрѣ того, какъ Верресъ превозходитъ самаго себя въ злодѣяніяхъ. Вспомнимъ только, дабы имѣть точное понятіе о негодованіи, которое возбудитъ онъ долженствовалъ, вспомнимъ о томъ глубокомъ почтеніи, о томъ благоговѣйномъ уваженіи, какое имѣли, во всѣхъ областяхъ Рима и во всемъ почти извѣстномъ тогда мірѣ, къ имени гражданина Римскаго: оно было толь священно, что никакая власть не могла оскорбить его безъ наказанія. Республика не однократно предпринимала дальнія и бѣдственныя брани, единственно для отмщенія за поруганіе, Римскому гражданину нанесенное: въ томъ заключалась высокая политика, питавшая гордость народную, которую поддерживать всегда полезно, а паче обаявшая чужестранные народы, и заставлявшая чтить повсюду имя Римлянъ.

„Что скажу я о П. Гавіѣ, гражданинѣ „вольнаго города Козаны? Съ какою си„лою голоса, съ какимъ напряженіемъ словъ, „съ какимъ сокрушеніемъ духа говорить о „немъ мнѣ должно? Весь духъ объятъ скор„бію; но мнѣ предлежитъ трудный подвигъ „въ томъ, что бы и приличнымъ сокрушенію „моему образомъ, и въ соотвѣтственныхъ

„самому дѣлу выраженіяхъ, возмогъ я про-
„должать мое слово. Я не думалъ, что бы та-
„ковое законопреступленіе, когда мнѣ объ
„ономъ донесено было, принадлежать могло
„къ предмету моему; ибо хотя и зналъ я
„совершенно, что оно произведено въ дѣй-
„ство, но почиталъ его невѣроятнымъ. На-
„конецъ подвигнутъ будучи слезами всѣхъ
„Римскихъ гражданъ, торги свои въ Сициліи
„отправляющихъ, и основываясь на свидѣ-
„тельствахъ Валентинянъ, людей весьма че-
„стныхъ, всѣхъ Регинянъ и многихъ рыца-
„рей Римскихъ, въ Мессинѣ тогда по слу-
„чаю бывшихъ, я, при первой моей рѣчи,
„представилъ столько свидѣтелей, что о
„истинѣ дѣла никто сомнѣваться не могъ.
„Но что дѣлать буду нынѣ, когда уже нѣ-
„сколько часовъ говорю объ одномъ, то есть,
„о нестерпимой жестокости Верреса; когда
„всю почти силу выраженій, злодѣяніемъ
„Верресовымъ приличныхъ, истощилъ уже
„на другія дѣла, не предвидя, что повѣсто-
„ваніемъ о многоразличныхъ преступленіяхъ
„долженъ я занять вниманіе ваше: какимъ
„образомъ говорить буду о толь важномъ
„дѣлѣ? Я нахожу единое средство, единый
„способъ: представлю вамъ только, какъ
„произходило сіе дѣло: оно само по себѣ
„такъ достовѣрно и ясно, что ни моего
„краснорѣчія, которое ничтожно есть,
„ниже кого либо другаго, не нужно къ воз-
„бужденію негодованія вашего. Сей Гавій, о
„которомъ я говорю, уроженецъ города Ко-
„заны, былъ отъ Верреса, въ числѣ прочихъ,

„заключенъ въ оковы, но какимъ-то спосо-
„бомъ убѣжалъ изъ темницы, и пришелъ въ
„Мессину: увидѣвъ вблизи Италію и стѣны
„Регинскія, и какъ бы свѣтомъ вольности
„и ощущеніемъ законовъ возбужденъ будучи,
„отъ ужаса и мрака смерти перешелъ къ жи-
„зни. Въ Мессинѣ началъ явно говорить и
„жаловаться, что онъ не смотря на то,
„что гражданинъ Римскій, заключенъ былъ
„въ оковы, что идетъ прямо въ Римъ, и
„что будетъ просить суда на Верреса. Не-
„щастный не зналъ того, что такъ гово-
„рить въ Мессинѣ было все равно, что и
„говорить предъ самымъ Преторомъ; ибо
„сей городъ, какъ я уже изъяснилъ вамъ,
„избранъ имъ къ тому, чтобы имѣть его
„себѣ помощникомъ въ злодѣяніяхъ, укры-
„вателемъ грабленій, и во всѣхъ беззаконіяхъ
„сообщникомъ. Итакъ Гавій тотчасъ при-
„водится къ судіямъ Мессинскимъ: по слу-
„чаю, въ тотъ же самый день пріѣзжаетъ
„Верресъ въ Мессину; доносятъ ему, что
„нѣкоторый гражданинъ Римскій жаловался
„на то, что былъ содержанъ въ тюрьмахъ
„Сиракузскихъ; что онъ, когда уже садился
„на корабль, съ величайшими угрозами про-
„тивъ Верреса, задержанъ; и находится подъ
„стражею на томъ конецъ, дабы самъ Пре-
„торъ сдѣлалъ объ немъ рѣшеніе по усмо-
„трѣнію своему. Онъ благодаритъ судей и
„похваляетъ ихъ къ себѣ усердіе и вѣрность.
„Потомъ, воспаленный злобою и неистов-
„ствомъ, приходитъ на площадь; глаза его
„пламенѣли: во всѣхъ чертахъ лица изобра-

„жалась лютость. Всѣ ожидали, къ чему онъ „приступитъ, или что дѣлать будетъ: онъ „потчасъ повелѣваетъ схватить Гавія, об„нажить посреди площади, и, связавъ, сѣчь „розгами. Нещастный вопіялъ, что онъ *гра„жданинъ Римскій*, житель союзнаго горо„да Козаны, что служилъ вмѣстѣ съ Л. Пра„тіемъ, знаменитымъ рыцаремъ Римскимъ, „который по торговымъ дѣламъ своимъ на„ходится въ Палермѣ: отъ него Верресъ уз„нать о семъ можетъ. Верресъ говоритъ, „якобы извѣстился что Гавій присланъ „въ Сицилію отъ предводителей бѣглецовъ „*для соглядатайства:* чему ни примѣтъ, ни „слѣда, ниже подозрѣнія не было. Приказы„ваетъ потомъ взять его и прежестоко на„казывать. Били розгами среди Мессинской „площади гражданина Римскаго; между тѣмъ „никакого стенанія, никакого крика отъ се„го нещастнаго, во время страданія и при „громко раздающихся ударахъ, не было слы„шно, кромѣ сего: *я гражданинъ Римскій.* „Онъ чаялъ, что воспоминаніемъ сего граж„данства отвратитъ всѣ удары, и удалитъ „всѣ мученія отъ своего тѣла. Чрезъ сіе не „только не получилъ онъ себѣ никакого об„легченія отъ побоевъ; но еще, когда часто „воспоминалъ и призывалъ въ помощь имя горо„да Рима, крестъ, крестъ, говорю, готовился „на мученіе сему нещастному и оскорблен„ному человѣку, который ни мало не вооб„ражалъ, что бы какая либо власть такъ по„ступить съ нимъ могла. О сладкое имя „вольности! О изящное право нашего града!

„О законъ Порціевъ и законы Семпроніевы!
„О превожделенная, и иногда народу Рим-
„скому уступаемая власть трибунская! Уже
„ли до того все изпровержено, что бы гра-
„жданинъ Римскій въ области народа Рим-
„скаго, въ городѣ союзническомъ, могъ быть
„связанъ и на площади сѣченъ розгами по
„приказанію того, кто и пуки розгъ и то-
„поры, по милости народа Римскаго имѣетъ?
„Какъ, Верресъ, ты осмѣлился употребить
„огонь, разкаленное желѣзо и прочія мучи-
„тельства? Естьли не остановили тебя ни
„горькія жалобы, ни жалостные вопли сего
„нещастнаго, то какъ не тронулся ты сле-
„зами и зельнымъ стенаніемъ гражданъ Рим-
„скихъ, при семъ тогда бывшихъ? Ты дерз-
„нулъ осудить на крестъ такого человѣка,
„который называлъ себя гражданиномъ Рим-
„скимъ? Я не хотѣлъ въ первой рѣчи моей
„говорить такъ сильно о семъ дѣлѣ, не хо-
„тѣлъ; ибо вы сами видѣли, Судіи, что на-
„родъ, онъ негодованія и ненависти къ Вер-
„ресу, начиналъ уже волноваться: я почелъ
„за нужное быть умѣреннѣе въ рѣчи моей,
„и такову же умѣренность хранить совѣ-
„товалъ моему свидѣтелю, К. Нумиторію,
„рыцарю Римскому, человѣку почтенному:
„я радовался, что Глабріонъ (Преторъ), по
„благоразумію своему, вдругъ, среди самаго
„разсужденія о дѣлѣ, выслалъ свидѣтеля изъ
„собранія. Нынѣ поелику всѣмъ уже извѣст-
„но, въ чемъ состоитъ дѣло, и что съ то-
„бою, Верресъ, послѣдовать должно, я такъ
„поступлю съ тобою: . . . . . буду того

„только держаться, что я отъ самаго тебя
„слышалъ: для меня довольно и сего. Что
„ты самъ недавно, смутяся отъ народнаго
„шума и волненія, и вставъ съ мѣста свое-
„го, что ты говорилъ? Что Гавій называлъ
„себя Римскимъ гражданиномъ для того, да-
„бы только отдалить часъ казни своей; что
„онъ въ самомъ дѣлѣ былъ согладатай. . . .
„. . . . . Я сего держуся, на семъ остано-
„вюся, Судіи, я симъ однимъ доволенъ: о
„всемъ прочемъ умалчиваю: надлежитъ, что
„бы онъ собственнымъ своимъ признаніемъ
„обиченъ и осужденъ былъ. Ты не зналъ, кто
„онъ таковъ? Ты подозрѣвалъ его въ согла-
„датайствѣ? я не спрашиваю, по чему? соб-
„ственными словами твоими уличаю тебя:
„онъ называлъ себя Римскимъ гражданиномъ.
„Естьли бы ты, Верресъ, будучи взятъ Пер-
„сами, или на отдаленныхъ предѣлахъ Индіи
„веденъ былъ на казнь, то что иное ты во-
„піялъ бы, какъ не сіе, что ты гражданинъ
„Римскій? И естьли бы тебѣ незнаемому у
„незнаемыхъ, у варваровъ, у людей, живу-
„щихъ въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ свѣ-
„та, знаменитое и славное имя града твоего
„послужило спасеніемъ: то какъ же тотъ,
„кто бы онъ ни былъ, котораго ты повѣ-
„сить повелѣлъ, могъ быть тебѣ не извѣ-
„стенъ, когда называлъ себя гражданиномъ
„Римскимъ; и отъ тебя яко Претора, не
„только защиты, но ниже *отсрочки* смерти
„воспоминаніемъ и призываніемъ имени гра-
„да твоего, получить не могъ? . . . . . .

„Отними сію надежду, отними сіе огра-
„жденіе у Римскихъ гражданъ: учпанови,
„чтобъ ни къ чему не служило сіе изреченіе
„*я гражданинъ Римскій*. . . . . тогда всѣ
„области, всѣ Государства, всѣ вольные го-
„рода, весь шаръ земный, который повсюду
„открытъ для соотечественниковъ нашихъ,
„были бы затворены для гражданъ Римскихъ.
„. . . . Но для чего болѣе говорить о Гавіѣ!
„какъ будтобъ ты ему одному непріязненъ
„былъ, а не имени, не состоянію, не правамъ
„гражданъ: нѣтъ, ты не сему только чело-
„вѣку, но общимъ правамъ вольности врагъ
„былъ. Ибо для чего снявши крестъ, копо-
„рый Мессинцы, по обычаю и своимъ поста-
„новленіямъ, имѣли за городомъ на дорогѣ
„Помпѣевой, для чего приказалъ ты перене-
„сти оный на мѣсто, противъ самаго про-
„лива находящееся? Не ты ли сказалъ, и
„въ томъ запереться не можешь, ибо ска-
„залъ ты всенародно, что избрано тобою
„сіе мѣсто для того, что бы называвшійся
„гражданиномъ Римскимъ могъ со креста
„видѣть Италію и домъ свой? Сей одинъ
„крестъ, съ самаго основанія Мессины, былъ
„на томъ мѣстѣ поставленъ. Мѣсто сіе, на-
„ходящееся въ виду самой Италіи, избрано
„Верресомъ для того, что бы нещастный, въ
„скорби и мученіяхъ умирая, видѣлъ, коль
„малое разстояніе отдѣляетъ рабство отъ
„свободы: а Италія видѣла бы питомца сво-
„его безчестнѣйшею и рабамъ только опре-
„дѣляемою казнію пораженна.

„Наложить узы на гражданина Римскаго „есть покушеніе ужасное: сѣчь его розгами, „величайшее преступленіе: отнять у него „жизнь, почти отцеубивство: что скажу „пригвоздить его ко кресту? Нѣтъ выраже- „нія пристойнаго, коимъ бы толь законо- „преступное дѣло назвать было можно. Но „Верресъ тѣмъ еще не былъ доволенъ: *пусть „смотритъ на отечество: пусть умретъ „предъ лицемъ законовъ и вольности*, во- „шіетъ онъ. Ты здѣсь не Гавія, не одного „человѣка, не одного гражданина Римскаго, „но всеобщую вольность и весь народъ Рим- „скій удручилъ таковымъ мученіемъ и ко „кресту пригвоздилъ. Уже видите дерзость „его: не подумаете ли, что ему прискорбно „было, что не могъ креста того для граж- „данъ Римскихъ поставить на площади, по „среди народныхъ собраній, на кафедрѣ ора- „торской? Ибо какое только могъ въ своей „провинціи избрать мѣсто, и по стеченію „народа симъ мѣстамъ весьма подобное, и „къ Италіи ближайшее, онъ таковое и из- „бралъ: онъ хотѣлъ, что бы памятникъ зло- „дѣянія и дерзости его былъ предъ очами „Италіи, при входѣ въ Сицилію, при проѣз- „дѣ всѣхъ тамо плавающихъ.“

Заключеніе рѣчи показываетъ, съ какою твердостію вооружился Цицеронъ противъ высокомѣрія и жестокости вельможъ, завистствовавшихъ счастію и возвышенію тѣхъ, коихъ называли они *людьми новыми*, то есть, кои, кромѣ собственнаго своего дос-

тоиѵства, не имѣли никакой другой подпоры. Цицеронъ, все заимствовавшій единственно отъ своего достоинства, и бывъ всѣмъ одолженъ той справедливости, какую отдавалъ ему народъ Римскій, думалъ; что ничѣмъ лучше не могъ изъявить ему своей благодарности, какъ поддерживая мужественно ту некончаемую войну, которая по необходимости существуетъ между людьми честными и злыми. Онъ явно грозитъ судьямъ, что изобличитъ ихъ предъ народомъ, естьли они попустятъ подкупить себя отъ Верреса. Сей наглый грабитель, не таясь, говорилъ, что трехгодичному своему правленію Сициліею, сдѣлалъ слѣдующее разпредѣленіе: одинъ годъ назначилъ для себя, другій для своихъ стряпчихъ, а третій для судей. Онъ полагался не только на краснорѣчіе, но и на великую силу Гортензія, который былъ не столь разборчивъ, какъ Цицеронъ, въ разсужденіи средствъ, употребляемыхъ имъ къ защищенію судныхъ дѣлъ. Цицеронъ обращается къ нему, и его предувѣдомляетъ, что будетъ тщательно смотрѣть за его поведеніемъ, и что принудитъ его дать въ томъ отчетъ. Надлежитъ припомнить, что рѣчи сіи хотя не были говорены всенародно, но сдѣлались всѣ извѣстными, и слѣдственно Ораторъ зналъ, какому негодованію и какимъ опасностямъ подвергала его сія безкорыстная твердость.

„Можетъ быть, спроситъ кто: не уже-
„ли ты намѣренъ возпріять толикій трудъ,

„и подвергнуть себя ненависти толикаго
„числа людей? По истинѣ, никакъ сего не
„ищу, ниже хочу. Но для меня непозволи-
„тельно поступать такъ, какъ дѣлаютъ ро-
„жденные отъ благородныхъ, *или всѣ бла-*
„*годѣянія* отъ Римскаго народа *достаются*
„такъ сказать, *стяжаніемъ*: мнѣ въ семъ го-
„родѣ и въ семъ состояніи совсѣмъ иначе
„жить должно. Ибо приходитъ мнѣ на мысль
„М. Катонъ, мужъ благоразумнѣйшій, кото-
„рый добродѣтелію, а не породою, мня за-
„служить уваженіе отъ народа Римскаго, и
„желая самъ положить роду своему начало
„и прославить свое имя, не устрашился не-
„доброжелательства людей самыхъ сильныхъ,
„и въ величайшихъ трудахъ, до глубокой
„даже старости съ отличною славою про-
„жилъ. Также Помпей, произшедшій изъ бѣд-
„наго и низкаго рода, не претерпѣніемъ ли
„премногихъ *враждебствъ*, не отвагою ли
„на величайшія опасности и неутомимыми ли
„трудами достигъ до высочайшихъ поче-
„стей? Мы видѣли Л. Фимбрія, К. Марія, К.
„Целія подвергавшихъ себя и ненависти
„и переносившихъ не малые труды, для до-
„стижанія тѣхъ честей, до коихъ вы *не*
„*заботясь и шутя* дошли. Я тотъ же образъ
„поведенія предположивъ себѣ, симъ мужамъ
„послѣдую, и правила ихъ наблюдаю. Я ви-
„жу, съ какою завистѝю, съ какою ненави-
„стію взираютъ нѣкоторые изъ благород-
„ныхъ на добродѣтель и трудолюбіе *людей*
„*новыхъ*: при малѣйшей неосторожности
„нашей, сѣть уже готова: хотя малый по-

„водъ подадимъ къ подозрѣнію, или видъ по-
„дозрѣнія, то уже и наказанію подвергнуть-
„ся должно: вижу, что намъ надлежитъ все-
„гда трудиться. . . . . Почти ни-
„кто изъ благородныхъ не благопріятствуетъ
„дѣятельности нашей; приобрѣсть благо-
„склонность ихъ ничѣмъ не можемъ: они
„будучи не одинакой породы и произхожде-
„нія съ нами, различествуютъ отъ насъ и
„духомъ и волею. Для чего же опасаться
„непріязни тѣхъ, коихъ сердца завиству-
„ютъ прежде, нежели вражду ихъ возбудишь?
„Желательно мнѣ, Судіи, чтобъ сей преступ-
„никъ былъ послѣдній изъ обвиняемыхъ мною,
„когда тѣмъ будетъ удовлетворено народу
„Римскому, и возпріятое ходатайство
„о Сицилianахъ, *покровительствуемыхъ*
„*мною*, получитъ желаемый конецъ. Но,
„ежели въ послѣдствіи обманусь въ томъ
„мнѣніи, какое объ васъ, Судіи, имѣю, то
„рѣшился я преслѣдовать не только тѣхъ,
„кои въ подкупленіи окажутся наиболѣе ви-
„новными, но и тѣхъ, кои хотя мало въ
„томъ участвовать будутъ. И такъ, естьли
„кто силою или дерзостію, или происками
„намѣренъ склонить судей въ пользу винов-
„наго, тотъ да будетъ готовъ имѣть дѣло
„со мною предъ народомъ Римскимъ; ежели
„при обвиненіи сего преступника (Верреса),
„который мнѣ сдѣлался врагомъ по Сицилія-
„намъ, показалъ я довольно напряже-
„нія, твердости и бдительности: то да
„знаетъ всякъ, что я противъ тѣхъ людей,
„на коихъ вооружусь за благо народа Рим-

„скаго, буду гораздо пастоятельнѣе и стро-
„же.

Онъ оканчиваетъ рѣчь свою весьма красноречивымъ и трогающимъ обращеніемъ ко всѣмъ божествамъ, коихъ храмы Верресомъ были ограблены. Сіе обращеніе, кое имѣло свое дѣйствіе сообразно тѣмъ понятіямъ, каковыя производимы были въ Римлянахъ именами боговъ ихъ, не можетъ быть таковой же важности для насъ, не обыкшихъ чтить Юпитера и Юнону. И такъ я приведу здѣсь только послѣднія выраженія изъ сего обращенія.

„Васъ также призываю и молю, святѣй-
„шія богини, васъ, которыя обитаете при
„водахъ и въ рощахъ Енненскихъ, и покро-
„вительствуете всей Сициліи, мнѣ подъ за-
„щиту ввѣренной; . . . . . И васъ, прочіе
„боги, съ храмами и служеніемъ коихъ Вер-
„ресъ, возбужденъ будучи ужаснымъ нѣкіимъ
„бѣшенствомъ и дерзостію, святотатственную и нечестивую войну велъ непрестанно,
„васъ молю и прошу: Ежели при обвиненіи
„сего преступника и во всемъ дѣлѣ семъ
„всѣ мои начинанія ко благу союзниковъ, къ
„достоинству народа Р. и къ доказательству моей искренности клонились; ежели всѣ
„мои попеченія, бдѣніе и помышленія были
„единственно устремлены къ наблюденію
„*должности* и *истины*: то каково было
„мое намѣреніе при начатіи дѣла, и каково
„чистосердечіе въ *продолженіи* онаго, да

„будутъ таковыя же чувствованія и въ Су-
„діяхъ: наконецъ да Верресъ, изобличенный
„въ продерзости, непотребствахъ, вѣролом-
„ствѣ, сребролюбіи, жестокости и во всѣхъ
„своихъ ужасныхъ злодѣяніяхъ, возпріиметъ,
„по суду вашему, конецъ достойный тако-
„вой жизни и дѣлъ: да удовлетворится Ре-
„спублика и мое благонамѣреніе симъ еди-
„нымъ обвиненіемъ: да позволено мнѣ будетъ
„послѣ сего лучше быть защитителемъ до-
„брыхъ, нежели принужденнымъ обвините-
„лемъ злыхъ.“

У Римлянъ, было въ обыкновеніи, какъ то и у насъ бываетъ, что истецъ постановляетъ цѣну претерпѣнныхъ убытковъ: вѣроятно также, что судьи убавляли, какъ водится и нынѣ, сію оцѣнку, которую можно почитать увеличенною. Но извѣстно то, что, по свидѣтельству Асконія, писателя современнаго, отъ коего имѣемъ превосходныя примѣчанія на рѣчи Цицероновы, Верресъ присужденъ былъ возвратить Сицилiанамъ не болѣе, какъ сумму, равняющуюся почти пяти миліонамъ нашей (французской) нынѣшней монеты; и что по изчисленію Цицерона, требовавшаго двѣнадцати миллiоновъ пяти сотъ тысячъ ливровъ, вытребованная имъ уплата убытковъ не составляла и половины того, что похитилъ Верресъ въ Сициліи.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Рѣчи противъ Катилины.

Кто бы подумалъ, что Цицеронъ и въ наши времена имѣлъ еще, не говорю, критиковъ, (слава великаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ занимались имъ во всѣхъ вѣкахъ) но непріятелей, поносителей, клевещущихъ на душевныя свойства, и унижающихъ дарованія ума его, съ несправедливостію равно ненавистною и нелѣпою? Я знаю, что, къ удовольствію нашему, могутъ мнѣ отвѣтствовать: какихъ непріятелей! какихъ поносителей! Одно имя ихъ есть уже отвѣтъ на ихъ ругательства. Сіе справедливо; но надлежитъ съ прискорбіемъ замѣтить, что таковая странная злость заставляетъ людей, по прошествіи двухъ тысячь лѣтъ, вооружаться противъ великаго человѣка, безъ всякой другой выгоды, безъ всякой другой причины, какъ только по ненависти къ добродѣтели, которая ненависть кажется быть врожденнымъ побужденіемъ злыхъ. Они читая сочиненія его, безъ сомнѣнія говорятъ къ самимъ себѣ: естьли бы жили мы во время сего человѣка, онъ былъ бы нашимъ непріятелемъ. (Ибо писанія и дѣла человѣка честнаго обличаютъ совѣсть того, въ комъ нѣтъ честности). Можетъ быть нынѣ стараются болѣе прежняго показывать сію сожалѣнія достойную странность, чтобы отвергать то, что всѣ-

ми вообще принято за истинное. Какъ изъяснишь иначе напечатанное недавно, что будто бы *заговоръ Катилины былъ пустая выдумка, которую тщеславіе Цицеронова заставило Римлянъ почитать существенною?* Конечно, послѣ О. Гардуина, который, вставая по утрамъ весьма рано, для ученыхъ своихъ изысканій, дошелъ наконецъ до того, что и не во снѣ сталъ бредить, и нѣкогда возмнилъ, яко бы нашелъ, что большая часть сочиненій древныхъ писателей были составлены монахами среднихъ вѣковъ; послѣ сего глупца, который былъ соблазномъ и посмѣшищемъ ученаго свѣта, не выдумано ничего толь страннаго, толь непонятнаго, какъ опроверженіе всѣхъ древнихъ дѣписателей, и особливо Саллюстія, писателя современнаго, Цицерону неблагопріятствовавшаго, и который, повидимому, вздумалъ описывать нарочно исторію мнимаго заговора. Не знаю, какъ назвать такое безуміе; но достопримѣчательно и вмѣстѣ упѣшительно то, что мы нынѣ такъ привыкли къ симъ страннымъ и нелѣпымъ мнѣніямъ, что уже и вниманія на нихъ не обращаемъ. Сіе самое мнѣніе, которое привело мнѣ на память Цицероновы рѣчи противъ Катилины, предметомъ намъ служащія, пало непримѣтнымъ образомъ, и мы все, во зло употребляя, получили по крайней мѣрѣ ту выгоду, что самое сумазбродство не служитъ уже средствомъ къ опличенію себя въ свѣтѣ.

Изъ четырехъ рѣчей Цицероновыхъ противъ Катилины, двѣ достойны удивленія тѣмъ паче, что по обстоятельствамъ видно, что Оракторъ, произнесшій оныя, не могъ ихъ приготовить; и хотя, издавая ихъ въ свѣтъ, конечно пересмотрѣлъ ихъ со тщаніемъ, какое имѣлъ о всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, но великое дѣйствіе, какое произвели онѣ съ первой минуты, должно изтребить въ насъ всякое сомнѣніе о достоинствѣ, какое онѣ имѣли, даже и тогда, когда сочинитель еще ихъ и не выправлялъ. Можетъ быть спросятъ меня, какъ онъ могъ припамятовать рѣчи, внушаемыя ему великимъ даромъ его при случаяхъ неожиданныхъ, и долженствовавшія быть довольно длинны. Дѣписатели повѣствуютъ намъ, какое средство употреблялъ къ сему Цицеронъ. Онъ приводилъ въ Сенатъ переписчиковъ, коихъ училъ писать посредствомъ сокращеній, почти также скоро, какъ говорилъ. Сіе искуство въ послѣдствіи было усовершенствовано, и мы видимъ, что то изобрѣтеніе, давно потерянное, и въ наши времена возобновленное, принадлежитъ Цицерону, хотя и не знаемъ точно, какъ онъ употреблялъ его.

Когда продерзостный Катилина нечаянно явился посреди собравшагося Сената, въ ту самую минуту, какъ Консулъ объяснялъ тамъ о заговорѣ; кто могъ ожидать, чтобъ онъ имѣлъ безстыдство предстать туда?

Тѣмъ меньше сіе понять можно, что такая отчаянная дерзость не имѣла никакой цѣли, что онъ не могъ ласкаться обмануть ни Сенатъ, ни Консула, и что сія глупая отвага могла единственно обратиться къ посрамленію его. Саллюстій, коего свидѣтельство не можетъ быть подозрительно, говоритъ точно сими словами: „Тогда-то Цицеронъ, произ„несъ сію прекрасную рѣчь, которую издалъ „потомъ въ свѣтъ.“ Естьли бы между рѣчію, произнесенною и рѣчію написанною, было великое различіе, то такъ ли бы изъяснился о семъ непріятель? Слова Саллюстія составляютъ похвалу тѣмъ меньше подозрительную, что на томъ же самомъ мѣстѣ вырывается у него злобное выраженіе, показывающее недружбу его: *или* по тому, говоритъ, что *устрашился онъ присутствія Катилины или что возлыщенъ былъ негодованіемъ.* Второе побужденіе толь очевидно, что было бы противъ совѣсти, предполагать другое. Когда бы всегдашнее поведеніе Консула колико твердое, толикожъ благоразумное и бдительное, не доказывало довольно, что онъ никогда не боялся злодѣя, противъ коего вооружался, то посреди ли Сената, окруженнаго Римскими рыцарями съ обнаженными мѣчами, на сѣдалищѣ ли своего могущества и власти могъ Цицеронъ страшиться Катилины? Мы увидимъ, что онъ не страшился самыхъ очевидныхъ опасностей, каковыя готовила ему патріотическая его твердость; онъ зналъ, что ему завидуютъ, и ожидалъ неблагодарности; но не взи-

ралъ ни на то, ни на другое. Въ одномъ прекрасномъ сочинѣніи, гдѣ сія великая душа изображена, со всею точностію, гдѣ нѣтъ ни излишней похвалы при величіи, ни пышнаго многословія при высокомъ, въ трагедіи *Спасенный Римъ*, Цицеронъ самъ, кажется, внушилъ сей стихъ удивительный въ простотѣ своей: *Спасемъ Римлянъ, хотя бъ они послѣ и неблагодарными сдѣлались.*

Въ самомъ дѣлѣ, чтобъ лучше узнать цѣну сихъ рѣчей, изъ коихъ намѣренъ я выписать нѣкоторыя мѣста, надобно представить себѣ состояніе, въ какомъ находилась тогда Республика. Древній духъ Рима не существовалъ уже: униженіе душъ послѣдовало за развращеніемъ правовъ? Марій и Силла показали, что Римляне могли сносить Тирановъ, и довольно было такихъ людей, коихъ честолюбіе и надежда возбуждались симъ примѣромъ: Любовь къ вольности и отечеству, основанная на равенствѣ и законахъ, не могла уже существовать вмѣстѣ съ симъ чудовищнымъ могуществомъ и симъ непомѣрнымъ богатствомъ, каковыя доставило Римлянамъ завоеваніе многихъ странъ. Цезарь, коего подозрѣвали уже въ участвованіи въ одномъ заговорѣ, бывъ огорченъ преимуществомъ Помпея надъ собою, и особливою къ нему приверженностію Сената, только и помышлялъ о томъ, какъ бы возстановить крамолу Марія. Помпей, не домогаясь явно Тиранніи, желалъ, что бы мятежи и безпорядки, произшедшіе отъ возмути-

тельнаго духа, повсюду тогда царствовавшаго, довели Римлянъ до того, чтобъ они прибѣгли подъ его покровительство, сдѣлавъ его Диктаторомъ. Вельможи, для коихъ добычи отъ трехъ частей свѣта едва могли быть достаточны къ удовлетворенію роскоши и любоспяжанія ихъ, страшились всего того, что могло возстановить власть законовъ, и прекратить хищенія и грабежи ихъ. Небольшое число добрыхъ гражданъ, подъ руководствамъ Цицерона, поддерживало Республику, къ паденію наклонившуюся, а сего уже было довольно, что бы сдѣлаться предметомъ тайной или явной ненависти всѣхъ тѣхъ, кои находили свою выгоду въ низпроверженіи государства. При таковыхъ-то обстоятельствахъ Катилина, коему Цицеронъ возпрепятствовалъ получить Консульское достоинство, бывъ обремененъ долгами, погруженъ въ распутство и попустясь на всякія преступленія, коихъ ненаказанность доказывала, до какого степени своевольства и разврата дошли тогда Римляне, приобщаетъ къ себѣ всѣхъ, сколько ни было гражданъ, столь же порочныхъ и такъ же промотавшихся, какъ и онъ; приемлетъ намѣреніе зажечь Римъ, умертвить всѣхъ Сенаторовъ и первостатейныхъ гражданъ; посылаетъ Манлія, одного изъ лучшихъ чиновниковъ, служившихъ подъ знаменами Силлы, возбудить къ мятежу старыхъ воиновъ (Ветерановъ), коимъ Диктаторъ раздѣлилъ земли, и кои искали только новаго грабленія.

Манлій составляетъ изъ нихъ часть войска между Фезулами и Аретіемъ (города) и обѣщаетъ приближиться къ Риму въ день, назначенный для убивствъ и зажигательства, соединившись съ Катилиною, чтобъ все предать огню и мѣчу, низпровергнуть правленіе и раздѣлить добычу. Сей ужасный заговоръ начиналъ уже со всѣхъ сторонъ показываться: извѣстны были соглашенія Манлія съ Катилиною; всѣ знали, что старые воины приняли оружіе, и что заговорщики имѣли сообщниковъ въ Пренестѣ, въ одномъ изъ городовъ, Римъ прикрывавшихъ. Уже прошли тѣ времена, когда, гораздо при меньшихъ опасностяхъ, были преданы смерти, безъ всякаго суда, Мелій и Кассій; ибо тогда первый законъ состоялъ въ спасеніи отечества. Ужасъ разпространился по всему Риму: каждому казалась опасность гораздо большею, нежели была въ самомъ дѣлѣ; и Цицеронъ одинъ занимался способами къ отвращенію оной. Въ слѣдствіе того Сенатскаго опредѣленія, по содержанію коего въ крайнихъ бѣдствіяхъ давалась Консуламъ неограниченная власть, бодрствовалъ надъ безопасностію города, укрѣплялъ угрожаемыя непріятелемъ мѣста, набиралъ войска въ Италіи, выставлялъ противъ Манлія небольшое число ратниковъ, сколько ихъ набрать было можно; ибо надобно признаться, что Катилина и его сообщники избрали самое благопріятное предпріятію ихъ время. Не было въ Италіи никакого значущаго войска: Легіоны находились въ Азіи, подъ предводительствомъ

Помпея. Сіи обстоятельства, разпространившаяся уже шревога, принятыя уже предосторожности, словомъ, все предувѣдомляло Катилину, что надлежитъ поспѣшить исполненіемъ. Онъ созываетъ ночью вѣрнѣйшихъ своихъ сообщниковъ, и даетъ имъ послѣднія приказанія. Лишь только разошлись они, какъ Цицеронъ узнаетъ обо всѣмъ чрезъ Фульвію, любовницу Курія, одного изъ заговорщиковъ, который, чтобъ къ ней болѣе подслужиться, ввѣрилъ ей всѣ подробности заговора. Сія женщина пришла отъ того въ ужасъ, и немедлѣнно извѣстила обо всемъ Цицерона, который тотчасъ собралъ Сенатъ въ Храмъ Юпитера Статора, довольно укрѣпленный. Туда-то осмѣлился предстать Катилина, совсѣмъ не воображая, чтобъ Консулу былъ извѣстенъ послѣдній его поступокъ. Не знавъ совершенно нравовъ Римскихъ и исторіи того времени, можно подивиться, по чему Консулъ не приказалъ задержать его; по опредѣленію Сената, состояло то въ его власти; но онъ оскорбилъ бы все сословіе благородныхъ, и даже многихъ гражданъ, до крайности привязанныхъ къ своимъ преимуществамъ, естьли бы захотѣлъ употребить всю свою силу для задержанія Патрикія, который не только уличенъ, но ниже обвиняемъ не былъ. И такъ сей поступокъ, противный обыкновенному судопроизводству, былъ бы весьма опасенъ. Цицеронъ самъ объяснитъ намъ и другія причины, не меньше важныя, которыми долженствовалъ онъ руководствоваться въ своемъ поведеніи, и мы

увидимъ, въ сильномъ обращеніи рѣчи его къ Катилинѣ, оратора, Консула и Государственнаго человѣка.

„Доколѣ будешь, Катилина, во зло упо-
„треблять терпѣніе наше? Долго ли бѣшенст-
„во твое посмѣваться намъ будетъ? Когда
„необузданною дерзостію твоею похваляться
„перестанешь? Развѣ не возмущаетъ тебя
„нощное защищеніе горы Палатинской, ни
„стража по всему граду, ни страхъ народ-
„ный, ни стеченіе всѣхъ добрыхъ гражданъ
„на сіе весьма укрѣпленное, для собранія Се-
„наторовъ избранное, мѣсто, ни взоры, ни
„лица ихъ? Ты не чувствуешь, что начина-
„нія твои сдѣлались явны? Ты не видишь,
„что уже всѣмъ мужамъ симъ заговоръ твой
„извѣстенъ. Кого изъ насъ думаешь найти,
„который бы не зналъ, что ты въ нынѣш-
„нюю, что въ прошедшую ночь дѣлалъ, гдѣ
„былъ, кого созывалъ, какое возприялъ намѣ-
„реніе? О времена! О нравы! Сенатъ все сіе
„знаетъ, Консулъ видитъ: а Катилина живъ
„еще! Онъ живъ! И даже въ Сенатъ пришелъ:
„купно съ нами о государственныхъ дѣлахъ
„совѣтовать думаетъ: онъ глазами назна-
„чаетъ на смерть тѣхъ изъ насъ, коихъ по-
„губить опредѣлилъ; а мы, мужи храбрые
„думаемъ, что удовлетворяемъ Республикѣ,
„когда только отъ его неистовства и ору-
„жія избавляемся. Давно уже надлежало бы
„тебя, Катилина, по повелѣнію Консульскому
„вывести на смертную казнь. . . . . .
„Ежели прикажу взять и умертвить тебя,

„Катилина, по мнѣ, думаю, опасаться надоб-
„но, чтобъ таковый поступокъ мой всѣмъ
„благомыслящимъ не показался позднымъ
„паче, нежели жестокимъ. Но я того, что
„давно уже сдѣлать надлежало, еще не сдѣ-
„лаю по извѣстной причинѣ. Я предамъ те-
„бя смерти тогда, когда уже не сыщется
„ни единаго человѣка толь злаго, толь раз-
„вращеннаго, толь подобнаго тебѣ, который
„бы не призналъ, что сіе учинено справедли-
„во. Доколѣ защищать тебя кто отважит-
„ся, ты жить будешь; но жить такъ, какъ
„живешь нынѣ, многими и крѣпкими стра-
„жами отъ меня окруженный, чтобы ни ма-
„лѣйшаго покушенія противъ Республики сдѣ-
„лать не возможно тебѣ было. Глаза и уши
„многихъ присматривать и наблюдать за
„тобою будутъ, какъ то и доселѣ дѣлано бы-
„ло такъ, что ты сего не примѣтишь. И
„чего ты ожидаешь еще, Катилина, когда
„уже ни темнота нощная сокрыть беззакон-
„ныхъ твоихъ сборищъ, ни стѣны частнаго
„дома удержать гласа заговора твоего не
„могутъ? Когда уже все явно, все наружу
„вышло?... Полуденнаго свѣта яснѣе намъ
„всѣ твои предпріятія; я то докажу тебѣ.
„Помнишь ли, какъ я 21 Октября говорилъ
„въ Сенатѣ, что въ извѣстный день, и имен-
„но 27 Октября, подъиметъ оружіе К. Ман-
„лій, сообщникъ и исполнитель твоей дер-
„зости? Ошибся ли я, Катилина, не только
„въ разсужденіи толь ужаснаго, толь невѣ-
„роятнаго дѣла, но чему наиболѣе дивиться
„должно, и въ разсужденіи самаго назначенія

„дня. Я сказалъ и въ Сенатѣ, что ты убив-
„ство Сенаторовъ отложилъ до 28 дня Ок-
„тября, когда многіе знатнѣйшіе граждане
„изъ Рима, не столько для собственной без-
„опасности, сколько для отвращенія начи-
„наній твоихъ, удалились. Не уже ли можешь
„запереться въ томъ что ты въ сей самый
„день моимъ стараніемъ, принятыми мною
„мѣрами, былъ долгого доведенъ, что не льзя
„тебѣ было ничего предпринять противъ
„Республики, хотя ты и говорилъ, что, за
„разъѣздомъ прочихъ Сенаторовъ, будешь
„доволенъ погубленіемъ оставшихся? Что?
„Когда ты, 1 дня Ноября напавъ ночью на
„Пренесте, завладѣть имъ надѣялся, не по-
„зналъ ли ты, что городъ сей, по моему при-
„казанію, и моимъ вспомогательствомъ, огра-
„жденъ былъ бдительною стражею. Что ты
„ни дѣлаешь, что ни предпріемлешь, что ни
„замышляешь, я все то не только слышу,
„но вижу и совершонно чувствую. Наконецъ
„вспомни со мною прошедшую ночь и ты
„познаешь, что я тщательнѣе бодрствую для
„спасенія Республики, нежели ты для погуб-
„ленія оной. Я сказываю, что ты въ ту
„ночь пришелъ, въ сопровожденіи вооружен-
„ныхъ, (не буду говорить скрытно) въ домъ
„М. Лекки: собрались туда многіе того же
„безумія и беззаконія согласники. Не уже ли
„дерзнешь запереться? Что молчишь? Изоб-
„личу, ежели запираться станешь. Ибо я ви-
„жу и здѣсь въ Сенатѣ нѣкоторыхъ, съ то-
„бою вмѣстѣ бывшихъ. О безсмертные Боги!
„Въ какомъ мы теперь народѣ? *Въ какомъ*

„*городѣ живемъ? Какую имѣемъ Респуб-*
„*лику?* Здѣсь, здѣсь между нами, почтенные
„Сенаторы, въ семъ священнѣйшемъ на зем-
„номъ кругѣ и преименитомъ совѣтѣ, есть
„такіе люди, кои умышляютъ погубить ме-
„ня и всѣхъ насъ, изтребить городъ сей, и
„слѣдовательно всю вселенную. Я Консулъ ви-
„жу ихъ, и о дѣлахъ государственныхъ мнѣ-
„нія у нихъ спрашиваю: и которыхъ мечемъ
„погубить надлежало, тѣхъ еще ни словомъ
„не уязвляю. И такъ былъ ты, Катилина, въ
„ту ночь у Лекки въ домѣ; раздѣлилъ на ча-
„сти Италію: положилъ, куда кому итти;
„выбралъ, кому въ Римѣ остаться, и кого
„съ собою взять; разписалъ части города къ
„зазженію: принялъ намѣреніе уже и самъ
„оставить городъ: ты говорилъ, что тебя
„удерживаетъ на нѣкоторое время только
„то, что я еще въ живыхъ остаюся. На-
„шлись два всадника, кои тебя отъ сей забо-
„ты избавить обѣщались, въ сію же самую
„ночь до разсвѣта убивъ меня въ постелѣ.
„Едва кончилось собраніе ваше, какъ я обо
„всемъ томъ извѣстился: домъ мой оградилъ
„и укрѣпилъ многочисленнѣйшею стражею,
„не допустилъ къ себѣ присланныхъ тобою
„по утру навѣстить меня: приходили же
„тѣ самые, о которыхъ я напередъ сказы-
„валъ многимъ почтеннымъ мужамъ, что
„они придутъ ко мнѣ точно въ сіе время.
„Когда такъ, Катилина, свершай преднамѣ-
„ренное; выйди наконецъ изъ города; ворота
„отворены, поѣзжай: уже чрезъ мѣру долго
„ожидаетъ тебя, яко предводителя своего,

„Манліемъ собранное войско: выведи съ собою
„и всѣхъ твоихъ сообщниковъ, или хотя
„большую часть оныхъ: очисти городъ: опъ
„великаго страху избавишь меня, коль скоро
„между мною и тобою градская стѣна бу-
„детъ: съ нами быть тебѣ болѣе не можно,
„не снесу, не стерплю, не попущу. . . . .
„Чтожъ, Катилина? Не уже ли сомнѣваешься
„сдѣлать, по моему признанію, то, что ты
„добровольно дѣлалъ? . . . . . Выдти изъ
„города Консулъ врагу повелѣваетъ. Да и
„что тебя, Катилина, можетъ веселить въ
„семъ городѣ, гдѣ нѣтъ никого, кромѣ раз-
„вращенныхъ сообщниковъ твоего заговора,
„ктобъ тебя не боялся, ктобъ тебя не нена-
„видѣлъ? Какимъ пятномъ домашняго раз-
„пустства не очернена жизнь твоя? . . . .
„Какимъ злодѣяніемъ не осквернены руки
„твои? . . . Какую ты нынѣ жизнь ведешь?
„Ибо я говорить съ тобой буду такъ, какъ
„бы чувствовалъ къ тебѣ не ненависть, ка-
„кую ты заслужилъ, а сожалѣніе, котораго
„ты не достоинъ. Пришелъ ты въ Сенатъ:
„кто изъ толикаго числа Сенаторовъ, изъ
„толикаго числа друзей и пріятелей твоихъ
„съ тобою поклонился? Послѣ сего не слы-
„ханнаго безчестія, не уже ли ожидаешь,
„чтобъ голоса всѣхъ противъ тебя возстали,
„когда уже пораженъ ты жесточайшимъ *су-*
„*домъ молчанія*! При входѣ твоемъ, стулья
„сіи остались около тебя пусты; всѣ Кон-
„сулярныя особы, которыхъ ты не однокра-
„тно убить опредѣлялъ, коль скоро ты сѣлъ,
„ту самую сторону совсѣмъ оставили;

„съ какимъ духомъ перенести оное думаешь?
„По истинѣ, ежели бы служители мои меня
„такъ боялись, какъ тебя боятся всѣ твои
„сограждане, тобъ я и домъ свой оставить
„почелъ за нужное: а ты городъ оставить
„не думаешь? ..... Ты сомнѣваешься удалить-
„ся въ какія нибудь дальнія страны, и жизнь
„твою, отъ толь многихъ справедливыхъ
„казней избавленную, предать бѣгству и уеди-
„ненію? Предложи, говоришь, Сенату, (ибо
„ты сего требуешь) и ежели Сенатъ за-
„благоразсудитъ произнести приговоръ, ты
„пойдешь въ ссылку, по словамъ твоимъ, съ
„покорностію. Не предложу о томъ Сенату;
„сіе противно моему свойству; однако дока-
„жу тебѣ ясно, какъ думаютъ о тебѣ Сена-
„торы. Удались изъ города, Катилина, осво-
„боди отъ страха Республику: въ ссылку,
„ежели сего слова ожидаешь, въ ссылку иди.
„Что Катилина? понимаешь, примѣчаешь
„молчаніе ихъ? Позволяютъ мнѣ говорить,
„молчатъ: по что ожидаешь приказанія го-
„ворящихъ, когда и молчащихъ волю ты ви-
„дишь? Но ежели бы я то же самое сказалъ
„сему преизящному юношѣ, П. Секстію, или
„прехраброму мужу М. Марцеллу; то бы Се-
„наторы въ семъ же храмѣ, и весьма пра-
„ведно, на меня Консула руки и оружіе под-
„няли. А о тебѣ, Катилина когда безмолв-
„ствуютъ, одобряютъ; кои позволяютъ мнѣ
„говорить, произносятъ приговоръ; когда
„молчатъ, вопіютъ.

„Таковыхъ же мыслей о тебѣ и рыцари
„Римскіе, тѣ пречестные и изящные мужи,

„и прочіе храбрые граждане, Сенатъ окру-
„жающіе, коихъ и многолюдство видѣть, и
„чувствованія угадать, и голоса слышать
„за нѣсколько предъ симъ ты могъ; коихъ
„руки и оружіе, противъ тебя устремлен-
„ныя уже едва удерживаю; я и ихъ уговорю
„удобно, чтобъ они тебя оставляющаго го-
„родъ, который опустошить ты давно уже
„замышляешь, до самыхъ воротъ проводили...
„И для того, какъ я уже сказалъ, удались
„изъ города; и ежели на меня, какъ твоего,
„по словамъ твоимъ, непріятеля, ненависть
„обратить хочешь, то прямо иди въ ссыл-
„ку; прискорбно мнѣ будетъ слышать люд-
„скіе толки, естьли ты сіе сдѣлаешь: при-
„скорбно мнѣ нести тяжесть той ненави-
„сти, естьли ты, по повелѣнію Консула, въ
„ссылку пойдешь. Ежели же ты похвалъ и
„славѣ моей споспѣшествовать желаешь, то
„выйди изъ города съ ненавистною толпою
„злоумышленниковъ, ступай къ Манлію, воз-
„мути худыхъ гражданъ, отдѣлись отъ до-
„брыхъ, нанеси войну Отечеству, веселись
„нечестивымъ разбоемъ, что бы видно было,
„что ты отъ меня не выгнанъ къ чужимъ,
„но къ своимъ приглашенъ. . . . . Тамъ, ка-
„кую радость вкушать ты будешь? Какимъ
„веселіемъ возхитишься? Въ какое удоволь-
„ствіе погрузишься, когда въ толикомъ чи-
„слѣ твоихъ единомышленниковъ ни объ од-
„номъ добромъ человѣкѣ не услышишь и ни
„одного таковаго не увидишь. . . . . Нынѣ,
„чтобъ мнѣ нѣкоторую почти справедливую
„жалобу отечества отвратить отъ себя,

„прошу васъ, Сенаторы, внимательно выслу-
„шать меня, и слова мои углубить въ серд-
„цахъ и умахъ вашихъ. Ибо ежели отечест-
„во, которое мнѣ гораздо дороже моей жиз-
„ни, ежели цѣлая Италія, ежели вся Респу-
„блика говорить мнѣ станетъ: что ты дѣ-
„лаешь, Туллій? Ты ли познанному тобою
„непріятелю, очевидному предводителю вну-
„треннія войны, и ожидаемому въ непріяз-
„тельскомъ станѣ повелителю, начальнику
„беззаконія, зачинщику бунта, вызывателю
„рабовъ и злонамѣренныхъ гражданъ, выдши
„позволишь, и тѣмъ покажешь, что ты его
„не выпускаешь изъ города, но впускаешь въ
„городъ? Ты не велишь обременить его уза-
„ми, влачить на смерть, умучить жесточай-
„шею казнію? Что тебѣ препятствуетъ?
„Обыкновеніе ли предковъ? Но часто и про-
„стые люди въ Республикѣ сей вредныхъ гра-
„жданъ смерти предавали. Законы ли, о ка-
„зни Римскихъ гражданъ установленные? Но
„никогда въ семъ городѣ отпавшіе отъ Ре-
„спублики правами гражданъ не пользовались.
„Ненависти ли отъ потомковъ боишься? Пре-
„славное же благодареніе воздаешь ты наро-
„ду Римскому, который, познавъ тебя чрезъ
„тебя самаго, а не по предкамъ твоимъ, толь
„скоро чрезъ всѣ степени чести, на верхов-
„ную степень власти возвелъ тебя, ежели,
„боясь ненависти, или спрашась каковой ли-
„бо опасности, не радишь о спасеніи согра-
„жданъ твоихъ. . . . .

„На сей священный гласъ Республики, и
„на мнѣнія людей, по же мыслящихъ, я

„отвѣтствую кратко. Ежели бы предать „смерти Катилину, почиталъ я за лучшее „дѣло, то не попустилъ бы сему мечебойцу „ни одного часа жить на свѣтѣ. Ибо, ежели „великіе мужи и знаменитые граждане смер- „тію Сатурнина и Гракховъ, и Флакка, и мно- „гихъ другихъ, не только не посрамили себя, „но и прославили; то конечно не надлежало „и мнѣ опасаться, чтобъ за истребленіе сего „убійцы гражданъ потомство меня возненa- „видѣло. А хотя бы и то послѣдовать мо- „гло, но я всегда такихъ былъ правилъ, что „ненависть, добродѣтелію произведенную, „почиталъ за славу, а не за ненависть. Но „и въ семъ сословіи находятся такіе, кои „или предстоящей опасности не видятъ, „или видя оную, притворствуютъ; кои сла- „быми своими приговорами надежду въ Ка- „тилинѣ умножили, и начинающійся бунтъ, „почитая оный невѣроятнымъ, подкрѣпили; „которымъ, изъ подобострастія, послѣдовали „многіе, не только злонамѣренные, но и ма- „лосмысленные граждане; естьли бы я нака- „залъ Катилину, они сказали бы, что я по- „ступилъ жестоко и тирански. Теперь я ду- „маю, что, ежели Катилина въ Манліевъ „станъ, какъ-то и намѣренъ сдѣлать, уда- „лится, то никто такъ ослѣпленъ не будетъ, „что бы не увидѣлъ, что заговоръ существ- „вуетъ, и никто столь безсовѣстенъ, чтобъ „того не призналъ. Я думаю, что ежели „одинъ Катилина убитъ будетъ, то нѣсколь- „ко сія государственная язва умалится, но „не истребится. Ежели же онъ удалится, и

„своихъ единомышленниковъ выведетъ съ со-
„бою, и шудажъ прочихъ отовсюда собран-
„ныхъ бездѣльниковъ соберетъ, то не толь-
„ко сія, толико усилившаяся, государствен-
„ная язва, но и корень и сѣмя всѣхъ бѣдъ
„погибнетъ и изтребится.„

„Уже давно мы, почтенные Сенаторы,
„въ сихъ опасностяхъ и ковахъ мятежныхъ
„находимся; но не знаю, какимъ образомъ
„зрѣлость всѣхъ беззаконій и давняго неис-
„товства и дерзости ко времени моего Кон-
„сульства подоспѣла. Ежели изъ сего разбой-
„ническаго скопища одинъ Катилина изтре-
„бится, то, можетъ быть; покажется намъ,
„что мы на нѣкоторое краткое время отъ
„заботъ и страха избавились; однакожъ опас-
„ность останется, и разольется по жиламъ
„и внутренности Республики. . . . . И такъ
„да удалятся злонамѣренные, да отдѣлятся
„отъ благомыслящихъ, да соберутся въ од-
„но мѣсто, и стѣнами наконецъ, какъ я не-
„однократно говорилъ; да отдѣлятся отъ
„насъ; да престанутъ строить ковы Консу-
„лу въ собственномъ домѣ его, окружать су-
„дилище градоначальника, обступать съ
„оружіемъ Сенатъ, приготовлять зажигатель-
„ныя орудія для опустошенія огнемъ города:
„да будетъ написано на челѣ каждаго граж-
„данина, что онъ о Республикѣ помышляетъ.
„Обѣщаю вамъ, почтенные Сенаторы, что
„будетъ въ насъ Консулахъ столько бодр-
„ственности, у васъ столько власти, у Рим-
„скихъ рыцарей столько мужества, у всѣхъ

„добрыхъ гражданъ столько единодушія, что, „по отбытіи отсюда Катилины, все от- „кроется, объяснится, отвратится, загла- „дится.„

„При таковыхъ предвѣщаніяхъ о неру- „шимой цѣлости Республики, о твоей, Ка- „тилина, напасти и погибели, и о пагубѣ „всѣхъ, съ тобою беззаконіемъ и убійствомъ „соединившихся, иди, Катилина, на злоче- „стивую и законопреступную войну. Ты же, „Юпитеръ, коему отъ Ромула учрежденo „служеніе при таковыхъ же счастливыхъ „предзнаменованіяхъ, при какихъ и Римъ „основанъ, ты, котораго мы заступникомъ „сего города и Имперіи справедливо называ- „емъ, ты отъ сего Катилины и его сооб- „щниковъ сохранишь олтари твои и прочіе „храмы, домы и стѣны градскія, жизнь и „имѣніе гражданъ: и всѣхъ непріятелей до- „брымъ людямъ, враговъ отечества, разбой- „никовъ Италіи, союзомъ беззаконій и злоче- „стивою крамолою между собою совокупив- „шихся, вѣчными казньми живыхъ и мерт- „выхъ попребишь.“

Безъ сомнѣнія, сіе было первымъ наказаніемъ для Катилины, что былъ онъ принужденъ выслушать толь поразительную рѣчь. Прибытіе его въ Сенатъ возбудило на него сію бурю. Не было никакого средства прервать рѣчи у Консула, говорящаго посреди Сенаторовъ; обычай не позволялъ даже прерывать словъ Сенатора, подающаго свое

мнѣніе. Однакожъ ни гласъ Цицерона, ни гласъ совѣсти, не могли привести Катилины въ такую робость, чтобъ возражать онъ не осмѣлился. Принявъ на себя лицемѣрный видъ, всталъ, чтобъ отвѣтствовать; но едва произнесъ нѣсколько неопредѣлительныхъ словъ, которыя сохранилъ для насъ Саллюстій, и которыя относились къ тому, какое мнѣніе подать о немъ должна порода, противоположная породѣ Цицероновой, какъ ропотъ, со всѣхъ сторонъ возставшій, доказалъ ему ясно, что уже въ немъ не признавали правъ Сенатора. Тотчасъ всеобщій крикъ возпрепятствовалъ ему продолжать рѣчь; названія убійцы и зажигателя поражали слухъ его; тогда надлежало сбросить личину; и онъ, не владѣя уже самъ собою, оставилъ, на прощанье, Сенату сіи нейстовыя слова, упоминаемыя многими историками, и коихъ выразительность достойна примѣчанія: „поелику я окружающими меня враг„ами доведенъ уже до отчаянія, то подъ „развалинами погашу пожаръ, около меня „возжигаемый?“

Событіе оправдало политику Цицеронову. Въ слѣдующую ночь Катилина вышелъ изъ Рима съ тремя стами вооруженныхъ, и принялъ начальство надъ Манліевымъ войскомъ. Извѣстно, чѣмъ кончилась сія война; въ кровопролитномъ сраженіи, на коемъ онъ былъ разбитъ, почти всѣ его воины погибли, и избавили Римъ и Италію отъ всего того, что ни было тамъ порочнѣйшаго и опаснѣй-

шаго для общаго покоя. Ежели кто спроситъ, для чего Катилина, предъ которымъ Цицеронъ обнаружилъ свои намѣренія и виды, предпріемлетъ точно то, чего желалъ отъ него Консулъ? Для того, что ему не оставалось другаго средства; для того, что все уже было обнаружено, и Римъ оберегаемъ былъ толь тщательно, что ему не можно было ничего предпріять въ ономъ, и слѣдовательно не оставалось ему другаго пособія, кромѣ открытой силы и Манліева войска.

Коль скоро оставилъ онъ городъ, Цицеронъ взошедъ на каѳедру, отдалъ отчетъ народу Римскому во всемъ произшедшемъ: сіе составляетъ содержаніе второй рѣчи противъ Катилины. Ораторъ старается здѣсь особенно опровергнуть ложные и коварные слухи, какіе разсѣвали тайные приверженцы Катилины, увеличивая силы его и опасность Республики. Симъ подлымъ и вѣроломнымъ внушеніямъ противополагаетъ Цицеронъ вѣрную картину силъ обѣихъ сторонъ, и могущество Римскаго народа скопищу отчаянныхъ разбойниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, не льзя было опасаться отъ Катилины, ничего кромѣ отважнаго какого нибудь предпріятія, кромѣ одного изъ такихъ нечаянныхъ и непредвидимыхъ покушеній, которыя могутъ опустошить городъ. Въ Римѣ только былъ онъ дѣйствительно страшенъ: бывъ принужденъ вести войну, долженствовалъ погибнуть. Итакъ все показываетъ, что Цицеронъ имѣлъ виды столько же безопи-

бочные, сколько благороденъ и благонамѣренъ былъ его поступокъ.

Бунтовщики, съ своей стороны, поступали такъ неосторожно, что ускорили погибель свою гораздо прежде погибели своего начальника. Онъ оставилъ въ Римѣ Ленпула и Цетега съ нѣкоторыми другими изъ главныхъ своихъ согласниковъ, на томъ конецъ, чтобъ они старались найти случай убить, естьли можно, сего неутомимаго Консула, какъ поставляющаго величайшее препятствіе всѣмъ его замысламъ, что бы зажли Римъ и напали на Сенатъ, коль скоро Катилина появится у воротъ съ войскомъ своимъ, и что бы до того времени увеличивали число приверженцевъ всѣми возможными способами. Они покусились склонять къ бунту и повѣренныхъ отъ Аллоброговъ, и сообщили имъ планъ заговора за своею подписью. Тотчасъ все принесено было къ Цицерону. Имѣя въ рукахъ такія доказательства, созываетъ онъ Сенатъ, требуетъ къ себѣ Ленпула, Цепега, Цепарія, Габинія и Спатилія, кои не думая, чтобъ были измѣнены, повинуются его приказанію. Онъ захвативъ ихъ ведетъ съ собою въ Сенатъ, куда повелѣваетъ тотчасъ ввести и повѣренныхъ отъ Аллоброговъ. Выслушиваютъ ихъ показанія; читаютъ письма; доказательства были ясны. Виновные принуждены были признать свою подпись и свои печати. При семъ-то случаѣ, какъ сказываютъ, произнесъ Цицеронъ прекрасное увѣщаніе Ленпулу. Сей бунтовщикъ былъ изъ роду Корне-

ліевъ, самаго знаменитаго въ Римѣ. Онъ и самъ былъ тогда Преторомъ. На его печати изображена была голова одного предка его, который былъ честнѣйшій гражданинъ. *Узнаешь ли ты сію печать?* сказалъ ему Консулъ. *Сіе есть изображеніе твоего предка, который оказалъ превеликія заслуги Республикѣ. Единое воззрѣніе на сію почтенную голову какъ не удержало тебя, когда ты готовился употребить ее на утвержденіе злодѣйства?*

Сенатъ опредѣляетъ награду Аллоброгамъ, благодаренія и безпримѣрныя почести Консулу: учреждаетъ празднества, называемыя общенародными молебствіями, которыя, послѣ тріумфа, были самымъ высокимъ награжденіемъ за побѣды. Цицеронъ произноситъ рѣчь къ народу, и увѣдомляетъ его обо всемъ, что происходило въ Сенатѣ, и отъ какой опасности Римъ избавленъ: и сія была третья рѣчь противъ Катилины. Наконецъ, оставалось только рѣшить участь виновныхъ. Силанъ, назначенный Консулъ на слѣдующій годъ, присуждаетъ ихъ къ смертной казни. Его мнѣнію послѣдуютъ всѣ тѣ, кои послѣ него говорили, даже до Цезаря, который подаетъ голосъ, чтобъ наказать ихъ вѣчнымъ заточеніемъ и отобраніемъ ихъ имѣній. Онъ былъ уже въ великой силѣ, и его мнѣніе могло за собою увлечь тѣмъ большее число голосовъ, что даже и тѣ, кои наиболѣе привязаны были къ Цицерону, опасаясь, чтобъ не было когда нибудь потребовано отвѣта за проли-

тую кровь гражданъ, кои, по обыкновенному порядку, не могли быть осуждаемы на смерть, какъ только народомъ, являли себя склонными больше къ милосердію, дабы не подвергнуть опасности великаго мужа, ими любимаго. Они, казалось старались угадать по глазамъ его, что имъ говорить надлежало. Цицеронъ увидѣлъ новую опасность, угрожавшую Республикѣ при сихъ запрудительныхъ обстоятельствахъ: онъ зналъ, что друзья и сообщники мятежниковъ помышляли единственно о томъ, какимъ бы способомъ извлечь ихъ изъ темницы; и ежели Сенатъ поступитъ слабо въ толь важномъ дѣлѣ, то сего уже довольно будетъ для возстановленія крамолы Катилининой. Неустрашимый Консулъ всталъ и началъ говорить; и въ сей-то особенно рѣчи, которая противъ Катилины есть четвертая, явилъ онъ возвышенность своихъ чувствованій и ту твердость души истинно Римской, которая видѣла собственную напасть свою, но презирала ее, чтобъ только спасти отечество.

„Вижу, почтенные Сенаторы, что лица „и глаза всѣхъ васъ на меня обратились: ви„жу, что вы не только о себѣ и Республи„кѣ, но и обо мнѣ, ежели опасность Республи„ки отвращена будетъ, заботитесь. Сладка „мнѣ въ бѣдствіи, и приятна въ скорби ваша „ко мнѣ благосклонность: но, прошу васъ име„немъ безсмертныхъ боговъ, оставьте оную, и „отложивъ ваше обо мнѣ попеченіе, о себѣ са„михъ и дѣтяхъ вашихъ помышляйте. Моя

„же, по должности Консула, участь такова,
„чтобъ сносить всѣ прискорбія, всѣ бѣды и
„мученія; и я снесу ихъ не только мужест-
„венно, но и охотно, когда труды мои вамъ
„и народу Римскому достоинство и безопас-
„ность сохранили. Я такой Консулъ, поч.
„Сенаторы, для коего ни судилище, гдѣ вся-
„кая справедливость наблюдается: ни Марсо-
„во поле, гдѣ Консулы избираются: ни Се-
„натъ, верховное покровительство всѣхъ на-
„родовъ: ни домъ, общее убѣжище: ни ложе,
„для успокоенія опредѣленное: ниже, нако-
„нецъ, сіе почтенное мѣсто, на коемъ сижу,
„никогда не были безопасны отъ покушенія
„на жизнь. Я о многомъ молчалъ, многое пере-
„несъ, многое простилъ, собственною скор-
„бію моею ваши опасенія много облегчилъ.
„Нынѣ ежели безсмертные боги таковый жре-
„бій Консульству моему опредѣлили, чтобъ
„я васъ, поч. Сенаторы, и народъ Римскій
„отъ бѣдственнаго убійства, женъ и дѣ-
„тей вашихъ и дѣвицъ Вестальскихъ отъ
„жесточайшаго озлобленія, храмы и алта-
„ри, сіе прекрасное отечество, всѣхъ
„насъ отъ ужаснѣйшаго пламени, всю Ита-
„лію отъ войны и опустошенія избавилъ;
„по какова бы меня одного ни постигла
„участь, снесу великодушно. Ибо, ежели П.
„Лентулъ, положась на прорицателей, воз-
„мнилъ, что имя его назначено судьбою быть
„гибельнымъ для Республики, по чему же мнѣ
„не радоваться, воображая, что Консульство
„мое предопредѣлено для спасенія Республи-
„ки? Сего ради, поч. Сенаторы, помышляйте

„о себѣ, заботьтесь объ отечествѣ; сохра-
„ните себя самихъ, женъ, дѣтей, имуще-
„ство ваше; славу и благосостояніе народа
„Римскаго защищайте: обо мнѣ заботиться
„и думать перестаньте. Ибо, вопервыхъ я
„долженъ надѣяться, что боги, покровители
„сего города, вознаградятъ меня по заслу-
„гамъ моимъ: послѣ того, ежели что и слу-
„чится со мною, я равнодушно умереть го-
„товъ. Ибо смерть не можетъ быть без-
„честна для человѣка мужественнаго, ни
„безвременна для проходившаго уже Консуль-
„ское званіе, ниже достойна сожалѣнія
„для мудраго. Однакожъ я не такъ безчув-
„ственъ, чтобъ печалію дражайшаго и любез-
„нѣйшаго брата, здѣсь находящагося, и сле-
„зами всѣхъ сихъ около меня сидящихъ не
„трогался; чтобъ мысли моей часто не
„обращали къ дому отчаянная жена, пора-
„женная страхомъ дочь и малолѣтный
„сынъ, коего, мнѣ кажется, объемлетъ Рес-
„публика, какъ залогъ моего Консульства;
„также и зять, который предстоитъ взору
„моему, ожидая окончанія дня сего. Все сіе
„меня трогаетъ, но трогаетъ для того,
„чтобъ съ вами и они всѣ были невредимы;
„пусть лучше я одинъ отъ какого нибудь
„насилія погибну, нежели бы они и мы вмѣ-
„стѣ съ Республикою погибли. И для того,
„Сенаторы, старайтеся о спасеніи Респуб-
„лики: обратите взоръ на всѣ бури, которыя
„готовятся низринуться на васъ, естьли
„ихъ не отвратите. Не Т. Гракхъ, который
„въ другой разъ Трибуномъ народнымъ сдѣ-

„латься хотѣлъ; не К. Гракхъ, который воз-
„будить къ мятежу желающихъ раздѣла зе-
„мель старался; не Л. Сатурнинъ, который
„убилъ К. Меммія, къ отвѣту требуются, и
„на строгій судъ вашъ приводятся. Мы пред-
„ставляемъ вамъ тѣхъ, кои, для зазженія го-
„рода, для истребленія всѣхъ васъ, для при-
„нашія Катилины, остались въ Римѣ: мы
„имѣемъ письма, печати, подписи, и нако-
„нецъ признаніе каждаго: наущаются къ бун-
„ту Аллоброги: возбуждаются рабы: Кати-
„лина призывается: таково принятіо намѣ-
„реніе, чтобъ, по истребленіи всѣхъ, никого
„не осталось, ктобъ могъ оплакать имя Рес-
„публики, и возрыдать надъ паденіемъ толь
„великаго Государства. О всемъ томъ изо-
„бличители донесли, виновные признались,
„а вы уже многажды судъ свой произнесли:
„во первыхъ, вы отлично благодарили мнѣ
„на словахъ, и подписали приговоръ, что
„моимъ усердіемъ и тщаніемъ злодѣйскій за-
„говоръ открытъ былъ: во вторыхъ, вы П.
„Лентула принудили сложить Преторское
„достоинство: по томъ опредѣлили какъ его
„такъ и прочихъ сужденныхъ вами, взять
„подъ стражу: и особливо, именемъ моимъ
„общенародныя мольбы учредили, каковая по-
„честь никому изъ чиновъ гражданскихъ до
„меня не была воздаваема: наконецъ, вче-
„рашняго дня посламъ Аллоброгскимъ и Тилу
„Вултурцію дали великія награжденія; все сіе
„показываетъ, что взятые подъ стражу
„безъ всякаго сомнѣнія осуждены вами. Но
„я почелъ за нужное предложить вамъ снова

„и о злодѣяніи, чтобъ вы о немъ посудили,
„и о наказаніи, какое положить благоволите.
„Я скажу только то, что до Консула при-
„надлежитъ. Я уже давно видѣлъ, что въ
„Республикѣ великое буйство разпростра-
„няется, и злые замыслы начинаются: но
„никогда не думалъ, чтобы сей толь страш-
„ный и толь пагубный заговоръ отъ граж-
„данъ произойти могъ . . . . Ежели вообра-
„жаете, что въ заговоръ семъ не многіе уча-
„ствуютъ, то вы весьма ошибаетесь. Зло
„сіе разпространилось далѣе, нежели ду-
„маете: оно разлилось не только по Италіи,
„но чрезъ Алпійскія горы перешло, и, тай-
„комъ протекая, уже многія области наво-
„днило. Терпя и медля, никоимъ образомъ
„отвратить его не можно. Какія мѣры ни
„угодно вамъ принять, только немедлѣнно
„рѣшиться надлежитъ.“

Въ семъ мѣстѣ разбираетъ онъ мнѣніе Силана и мнѣніе Цезаря, однакожъ съ величайшею осторожностію въ разсужденіи послѣдняго. Онъ искусно даетъ даже чувствовать, что не надлежитъ думать, яко бы мнѣніе его было внушено беззаконнымъ потворствомъ. Онъ даже защищаетъ, съ нѣкоторою уловкою, мысль Цезаря, который, не хотя показать и виду, что щадитъ бунтовщиковъ, почиталъ, по видимому, вѣчное заточеніе за казнь гораздо строжайшую, нежели смерть, которая не иное что есть, какъ конецъ всѣхъ бѣдствій. Онъ останавливается на сей мысли, и присуждаетъ на

смертную казнь виновныхъ только для того, что обстоятельства и польза общественная требуютъ онаго. Послѣ сихъ подробностей, онъ возпринимаетъ, кажется, новыя силы, что бы внушить Сенаторамъ мужество, его самаго одушевлявшее; и сія послѣдняя часть рѣчи его производитъ то съ удивленіемъ смѣшанное соучастіе, которое есть одно изъ прекраснѣйшихъ дѣйствій краснорѣчія.

„Но что я слышу, Сенаторы, о томъ „умолчать не могу. Ибо носятся, и до мо„ихъ ушей доходятъ рѣчи тѣхъ, которые „опасаются, по видимому, что я не имѣю „довольно средствъ исполнить того, что вы „въ нынѣшній день опредѣлите. Все уже и „предусмотрѣно, и приготовлено и учрежде„но, Сенаторы, какъ моимъ крайнимъ попе„ченіемъ и бдительностію, такъ паче еще „ревностію народа Римскаго о поддержаніи „верьховнаго владычества и о сохраненіи об„щаго благосостоянія. Предстоятъ здѣсь „люди всякаго званія и всякаго возраста: „полна площадь, полны храмы, около площади „стоящіе, полны всѣ дороги, ведущія къ се„му мѣсту и храму. Ибо, по созданіи Рима, „сіе только одно нашлось дѣло, въ которомъ „всѣ принимаютъ равное участіе, кромѣ „тѣхъ, кои, увидѣвъ, что имъ погибнуть „надлежало, захотѣли лучше со всѣми, неже„ли одни погибнуть. Я сихъ людей изклю„чаю и отдѣляю охотно. Ибо думаю, что „ихъ не только въ числѣ худыхъ гражданъ, „но и въ числѣ жесточайшихъ враговъ по-

„„читать должно. Прочіе же, о безсмертные
„„боги, какое единодушное усердіе являютъ
„„къ защищенію общаго достоинства и благо-
„„состоянія? По что мнѣ упоминать здѣсь
„„о рыцаряхъ Римскихъ, кои вамъ первую
„„степень и власть уступая, спорятъ толь-
„„ко о любви къ отечеству; коихъ, послѣ
„„многолѣтняго несогласія, къ сему сословію
„„обративъ, нынѣшній день и сіе дѣло съ ва-
„„ми соединяетъ? Ежели таковое соединеніе,
„„при консульствѣ моемъ утвержденное, со-
„„хранимъ навсегда ненарушимымъ, то я увѣ-
„„ряю васъ, что никакое внутреннее зло ни
„„къ какой государственной части не при-
„„коснется. Съ равною ревностію къ защи-
„„щенію Республики собравшихся вижу я глав-
„„ныхъ казначеевъ, мужей честнѣйшихъ, и
„„всѣхъ также письмоводителей, кои, собрав-
„„шись сего дня къ казнохранилищу, поза-
„„были о полученіи надлежащихъ имъ денегъ
„„и о всѣхъ выгодахъ своихъ, и къ общему
„„спасенію мысли свои обратили. Всѣ собра-
„„лись сюда свободнорожденные, и самые бѣд-
„„нѣйшіе. Да и кому бы храмы сіи, видъ
„„града, наслажденіе вольностію, наконецъ
„„сей самый свѣтъ и сія общая отечествен-
„„ная земля не была столько же драгоцѣнна,
„„сколько приятна и вожделенна. Надлежитъ
„„также, Сенаторы, обращать вниманіе и на
„„усердіе отпущенниковъ, кои заслугами свои-
„„ми получивъ право гражданства, почита-
„„ютъ Римъ за истинное свое отечество: а
„„нѣ, кои здѣсь родились, и родились отъ
„„знаменитыхъ предковъ, почли оный не

„за отечество свое, но за городъ непріятельскій. Но на что мнѣ упоминать о людяхъ того состоянія, кои и частными выгодами, и общественною пользою, и желаніемъ сохранить вольность, которая есть благо наисладчайшее, на защищеніе отечества побудились? Нѣтъ раба, коему рабство хотя нѣсколько сносно, который бы не имѣлъ отвращенія къ дерзости гражданъ, который бы не желалъ государственнаго благосостоянія, и который бы не доброхотствовалъ общему благу по всей своей возможности? Того ради, ежели кого изъ васъ превожатъ сіи слухи, что якобы нѣкій подустритель, приверженный къ Лентулу, старается подкупить бѣдныхъ и скудоумныхъ ремесленниковъ: то я скажу, что подлинно было таковое покушеніе; но не нашлось ни одного ни столь убогаго, ни столь злонамѣреннаго, который бы не пожелалъ сохранить мѣсто жилища, труда и повсядневнаго прибытка своего, и который бы согласился лишиться ложа своего, и оставить сей родъ праздной жизни. Наибольшая часть изъ нѣхъ, кои сидятъ въ лавкахъ, или лучше сказать, вообще всѣ сіи люди весьма любятъ праздность. Ибо всѣ ихъ пособія, весь трудъ и прибыль зависятъ отъ многолюдства, поддерживаются праздностію: ежели прибыль ихъ обыкновенно уменьшается, когда бываютъ лавки запворены, что жъ когда будетъ, когда оныя сгорятъ? Слѣдовательно, Сенаторы, васъ не оставляетъ безъ помощи народъ Римскій: чтобъ

„вамъ его не оставить, о семъ помышляйте.
„Вы имѣете Консула, отъ многихъ опасно-
„стей и кововъ, и даже отъ самой смерти
„предохраненнаго не для него самаго, но для
„вашей безопасности: всѣ чины, всѣ состоя-
„нія мыслію, волею, усердіемъ, мужествомъ,
„словомъ спасти Республику готовы: общее
„отечество, угрожаемое огнемъ и мечемъ
„отъ злочестиваго заговора, къ вамъ съ мо-
„леніемъ простираетъ руки: вамъ себя,
„вамъ жизнь всѣхъ гражданъ, вамъ Крѣпость
„и Капиполію, вамъ жертвенники домашнихъ
„боговъ, вамъ неугасаемый и вѣчный огнь
„Весты, вамъ всѣ храмы боговъ, вамъ спѣны
„града и домы препоручаетъ. Сверхъ того,
„нынѣшній день вы должны произнести судъ
„о жизни вашей, о жизни женъ и дѣтей
„вашихъ, о имѣніи всѣхъ, о сохраніи домовъ
„и жилищъ вашихъ . . . . . Помыслите, ка-
„кими трудами основанная Имперія, какимъ
„мужествомъ утвержденная вольность, ка-
„кою благостію боговъ собранное и умноже-
„ное богатство единая ночь едва не истре-
„била. Нынѣ надлежитъ принять мѣры,
„что бы таковое покушеніе не только въ
„дѣйство произведено быть, но ниже на
„мысль кому либо изъ гражданъ приходить
„могло. Я говорилъ о семъ, не для того,
„что бы возбудить васъ, ревностію меня са-
„маго предваряющихъ: но чтобъ голосъ мой,
„долженствующій быть первымъ въ Респу-
„бликѣ, показалъ, что я должность Консула
„исполняю . . . . Вижу, что я обратилъ про-
„тивъ себя столькоже враговъ, сколько есть

„заговорщиковъ: а вамъ извѣстно, коль вели-
„ко число ихъ; но я почитаю ихъ подлыми,
„слабыми и презрѣнія достойными. Но еже-
„ли бы они, бывъ поддерживаемы чьимъ либо
„бѣшенствомъ и злобою, и превозмогли ва-
„ши права и права Республики; однакожъ я
„тогда ни о дѣлахъ, ни о словахъ моихъ не
„разкаюсь. Ибо смерть, которою мнѣ, мо-
„жетъ быть, угрожаютъ, для всѣхъ неизбѣ-
„жна: но та похвала, какою вы меня, по опре-
„дѣленіямъ своимъ, почтили, мнѣ одному
„предоставлена. Другимъ за оказанныя замлу-
„ги отечеству, а мнѣ одному за спасеніе она-
„го благодареніе опредѣлили. Да пребудетъ
„навсегда славенъ тотъ Сципіонъ, коего благо-
„разумiемъ и храбростію Аннибалъ изъ Ита-
„ліи выдти и въ Африку возвратиться при-
„нужденъ былъ: да возносится похвалами дру-
„гій Сципіонъ Африканскій, который два го-
„рода, враждебнѣйшіе Риму, Карѳагенъ и Ну-
„мантію раззорилъ, да прославляется Л. Па-
„велъ Эмилій, котораго торжественную ко-
„лесницу нѣкогда сильный и знаменитый
„Царь Персей, веденный за оною, почтилъ:
„да будетъ вѣчная слава Марію, который
„дважды Италію отъ нашествія враговъ и
„отъ страха рабства избавилъ: да предпо-
„чтенъ будетъ всѣмъ Помпей, котораго слав-
„ные подвиги и добродѣтели тѣми же стра-
„нами и предѣлами ограничиваются, какими
„и теченіе солнца: безъ сомнѣнія, между по-
„хвалами сихъ останется мѣсто и для на-
„шей славы, естьли не болѣе заключается
„важности въ томъ, чтобъ открывать намъ

„путь въ области, куда бы мы выходить мог
„ли, нежели о томъ стараться; чтобъ и вы
„шедшіе имѣли куда побѣдителями возвра
„шиться. Хотя съ одной стороны побѣд
„внѣшняя славнѣе, нежели домашняя, тѣмъ,
„что иноземные непріятели, или бывъ по-
„бѣждены, служатъ съ покорностію, или
„бывъ благосклонно приняты, признаютъ
„себя одолженными; но тѣхъ, кои изъ числа
„гражданъ, нѣкоторымъ безумствомъ раз-
„вращены будучи, однажды отечеству сво-
„ему врагами быть начали, тѣхъ; хотя и
„удержишь ихъ отъ нанесенія пагубы Рес-
„публикѣ, но ни силою усмирить, ни благо-
„дѣяніями преклонить не можно. По чему
„вижу, что надлежитъ мнѣ съ злонамѣрен-
„ными гражданами имѣть вѣчную войну, ко-
„торую я при вашей и всѣхъ честныхъ лю-
„дей помощи, при воспоминаніи толикихъ
„опасностей, которыя не только между симъ
„народомъ, который спасенъ отъ погибели,
„но и между всѣми племенами забвенны
„и умолчаны никогда не будутъ, удобно от-
„вратить отъ себя и отъ моихъ присныхъ
„надѣюсь. И всеконечно не найдется такой
„силы, которая бы согласіе ваше и рыцарей
„Римскихъ и толикое единомысліе всѣхъ до-
„брыхъ гражданъ нарушить и опровергнуть
„могла.

„Итакъ, Сенаторы, за то, что я отъ
„предводительства войскомъ, отъ управленія
„Провинціею, отъ Тріумфа и другихъ почё-
„стей отказался, дабы мнѣ удобнѣе было

„бдѣть о безопасности вашей и всего Рима;
„за покровительство и гостепріимство къ
„иногороднымъ, которое я здѣсь не съ мень-
„шимъ трудомъ и попеченіемъ сохраняю, съ
„каковымъ и снискиваю; и такъ за все сіе,
„и за особенныя мои объ васъ попеченія, и
„за сію ревность мою о сохраненіи Респуб-
„лики, я ничего инаго отъ васъ не требую,
„какъ только памятованія о нынѣшнемъ
„времени и о моемъ Консульствѣ: ежели о
„семъ помнить будете, то почту себя о-
„гражденнымъ крѣпчайшею защитою. Естьли
„же усиліе злыхъ людей обманетъ и уничто-
„житъ надежду мою; то препоручаю вамъ
„малолѣтнаго сына моего: уже онъ довольно
„помощи имѣть будетъ, ежели вы не забу-
„дете, что онъ сынъ того человѣка, кото-
„рый, съ опасностію для себя одного, обще-
„ственное благосостояніе поддержалъ.

„По сему о спасеніи вашемъ и народа
„Римскаго, Сенаторы, о женахъ и дѣтяхъ
„вашихъ, о жилищахъ, о храмахъ и жерт-
„венникахъ, о домахъ цѣлаго города, о вла-
„дычествѣ, вольности и безопасности Италіи,
„обо всей наконецъ Республикѣ теперь про-
„изнесть приговоръ надлежитъ вамъ, не те-
„ряя времени и вооружась возможною твер-
„достію. Имѣете вы такого Консула, кото-
„рый и повиноваться опредѣленіямъ вашимъ
„готовъ, и оныя защищать и къ приведенію
„въ дѣйство споспѣшествовать, доколѣ живъ
„будетъ, можетъ.“

Вотъ какимъ образомъ приводятся въ робость злые, ободряются слабые, одушевляются добрые! вотъ какъ душа одного человѣка дѣлается душею цѣлаго Собранія, цѣлаго народа! Приговоръ къ смерти былъ произнесенъ почти единогласно, и тотъ же часъ исполненъ. Послѣ сего вскорѣ нашелъ Цицеронъ на общенародной площади еще толпившихся соучастниковъ, друзей и родственниковъ заговорщиковъ. Они не вѣдали о участи виновныхъ, и не теряли еще надежды. *Ихъ ужъ нѣтъ въ живыхъ,* сказалъ Консулъ, оборотясь къ нимъ; и сіи слова были громовымъ ударомъ, который всѣхъ ихъ разсыпалъ въ одну минуту. Тогда была уже ночь: Цицеронъ сопровожденъ былъ въ домъ свой главнѣйшими изъ Сенаторовъ, при возклицаніяхъ всего народа. Къ воротамъ домовъ выносимы были факелы, для освѣщенія шествія его. Женщины смотрѣли изъ оконъ, гдѣ онъ проходилъ, и указывали на него дѣтямъ своимъ. Спустя нѣсколько времени, Катонъ предъ народомъ, а Катулъ въ Сенатѣ, предложили назвать его *отцемъ отечества*, титло толико славное, что, въ послѣдствіи, ласкательство присоединило оное къ Императорскому достоинству; но свободный Римъ, какъ весьма удачно сказалъ Ювеналъ, придалъ его одному Цицерону.

Roma patrem patriae Ciceronem libera dixit.

Свободный Римъ нарекъ Цицерона отцемъ отечества.

Всѣ сіи произшествія столь извѣстны, и намъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ нашего ученія такъ знакомы, что я даже не упомянулъ бы объ нихъ, естьли бы не составляли онѣ нужной части того предмета, коимъ мы занимаемся, и тѣхъ сочиненій, которыя разсматриваемъ: и я тѣмъ охотнѣе сіе исполняю, что, повѣствуя исторію ума человѣческаго, весьма приятно повѣствовать въ то же время и исторію добродѣтели.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

О другихъ рѣчахъ Цицероновыхъ.

Въ то самое время, какъ опасности Рима непрестанно занимали Цицерона; когда, по изгнаніи Катилины изъ Рима, наблюдалъ онъ всѣ шаги заговорщиковъ и старался обнаружить доказательства злодѣйскаго умысла, онъ взялся защищать дѣло важное; къ сему побуждали его и дружба, и слава краснорѣчія его, и политика. Трудно понять, какъ успѣвалъ онъ, при заботахъ о дѣлахъ государственныхъ, упражняться еще въ дѣлахъ судныхъ; какъ при толикомъ множествѣ трудныхъ занятій, которыя едва позволяли имѣть нѣсколько часовъ для сна, Консулъ находилъ еще время быть стряпчимъ, и сочинять защитительныя рѣчи толь тщательно обработанныя, какова есть та, о коей говорить я намѣренъ. Но извѣстно, какую удивительную способность къ трудамъ получилъ онъ отъ природы и привычки, и что въ состояніи сдѣлать человѣкъ, приобыкшій къ безпрестанному употребленію и времени и ума своего. Впрочемъ, польза государственная, которая была для Цицерона всего дороже, призывала его на защищеніе Лициніа Мурены, на слѣдующій годъ назначеннаго Консула, но тогда обвиняемаго въ происках, и который по суду могъ бы лишиться полученнаго достоинства. Онъ былъ гражданинъ весьма честный и мужественный, который

съ величайшимъ отличіемъ служилъ подъ начальствомъ Лукулла, и былъ весьма привержень къ Цицерону и отечеству. При смятеніи и безпорядкѣ дѣлъ государственныхъ, было крайне нужно, чтобъ осталась таковая подпора для благомыслящихъ, что бы Мурена въ назначенный день вступилъ въ должность, и что бы отвращена была опасность, дабы не приступили къ новому избранію. Защищеніе Мурены сдѣлалось, по обстоятельствамъ, затруднительнымъ и нѣжнымъ. Самъ Цицеронъ, по просьбѣ всѣхъ честныхъ людей, негодовавшихъ на подкупы, усилившіеся при избраніяхъ, издалъ противу происковъ законъ гораздо строжайшій прежнихъ. На Мурену доносилъ одинъ изъ его сопребователей Консульства, Сулпицій, славный законовѣдецъ и бывшій также изъ числа друзей Цицероновыхъ. Но наиболѣе силы придавало доносу то, что былъ оный подкрѣпляемъ такимъ человѣкомъ, коего свойство нравовъ вообще было уважаемо Катономъ, коему въ сіе самое время доставалась въ руки власть Трибунская. Желая показать примѣръ строгости, онъ явно говаривалъ, что не пройдетъ года безъ доноса на кого нибудь изъ бывшихъ Консуловъ. Можно думать, что, по избытку ревности своей, поступилъ онъ въ дѣлѣ семъ нѣсколько опрометчиво и запальчиво; ибо, по увѣренію историковъ, Мурена хотя несовершенно былъ правъ, но не подлежалъ суду по законамъ: онъ употребилъ только то исканіе благосклонности, которое вошло уже въ обыкновеніе, и къ которому прибѣгать не-

стыдились самые честные люди. Не льзя было приписать ему никакого точнаго преступленія, и слѣдовательно не можно показать на немъ примѣра: по чему и былъ онъ оправданъ единогласно. Мы уже слышали, какъ Ораторъ Римскій гремѣлъ противъ Вереса и Катилины со всею силою, со всѣмъ напряженіемъ духа, со всею стремительностію краснорѣчія, оживотворяемаго добродѣтелію и любовію къ отечеству. Теперь посмотримъ, какъ могли дарованіе и слогъ примѣниться совсѣмъ къ различному случаю. Мы здѣсь переходимъ отъ высокаго къ простому, и увидимъ, какъ удачно прибираетъ онъ всѣ черты свойственныя сему роду риторическаго сочиненія; какое искуство являетъ въ разсматриваніи дѣла и выборѣ примѣровъ; какую пріятность, остроту, нѣжность и даже веселость, однакожъ совмѣстную съ родомъ предлагаемаго дѣла, употребляетъ въ оборотахъ! Цицеронъ, въ приступѣ сколько благородномъ, столько и плѣнительномъ, изъяснивъ отношенія и связи, прилепляющія его къ Муренѣ, и опровергнувъ показанія Сулпиція, продолжаетъ тако:

„Теперь я буду говорить о М. Катонѣ, „который есть подпора и укрѣпленіе всего „доноса; онъ есть однакожъ тотъ важный „и сильный доноситель, что я болѣе до„вѣренносіи, нежели доказательствъ его „боюся. Въ разсужденіи таковаго доноси„теля, Судіи, я вопервыхъ буду просить, „что бы ни достоинство, ни ожидаемое при„бунство, ни блескъ цѣлой жизни его не

„послужили во вредъ Л. Муренѣ и что бы всѣ „М. Катона преимущества, которыми ода„ренъ онъ для того, дабы могъ полезнымъ „быть многимъ, одному Муренѣ не обрати„лись въ погибель. Сципіонъ Африканскій „былъ дважды Консуломъ, и два неприязнен„ные и спрашные Риму города Карфагенъ и „Нуманпію раззорилъ, когда обвинялъ А. Кот„пу: онъ былъ весьма честенъ, и имѣлъ та„кую довѣренность, какую имѣть должен„ствовалъ человѣкъ, коего тщаніемъ власть „народа Римскаго поддерживалась. Я часто „слыхалъ отъ старыхъ людей, что сіе пре„восходное достоинство доносителя весьма „много послужило къ пользѣ Л. Коттѣ: тѣ „благоразумнѣйшіе мужи, кои судили тогда „сіе дѣло, не хотѣли, чтобъ чей либо на „судѣ проигрышъ казался быть слѣдствіемъ „превосходной силы соперника. Что? Сер. „Гальбу (ибо мы знаемъ изъ преданій) не из„бавилъ ли народъ Римскій отъ преслѣдова„ній прадѣда твоего, Катона, мужа весьма „честнаго и знаменитаго, но усиливавшагося „погубить Гальбу? Въ семъ городѣ и народѣ, „и мудрые, и далеко въ будущее проникаю„щіе судіи излишне великимъ силамъ доноси„телей всегда противились. Я не хочу, чтобъ „доноситель приносилъ съ собою въ судили„ще могущество, великую силу, превосход„ную власть, или излишнюю довѣренность: „да служатъ всѣ сіи преимущества ко спа„сенію невинныхъ, къ оборонѣ слабыхъ, къ „помощи нещастнымъ: но при бѣдствіи и „гибели гражданъ да отвергнутся онѣ.

„Можетъ быть, скажетъ кто, что Катонъ „не приступилъ бы къ обвиненію, ежели „бы прежде не судилъ уже дѣла: но щотъ по„становитъ законъ неправедный, и устро„итъ бѣдственную для подсудимыхъ участь, „кто возмнитъ, что сужденіе доносителя о „виновномъ надлежитъ почитать уже нѣ„кіимъ *предварительнымъ судомъ.* Я пове„денія твоего, Катонъ, изъ особеннаго ува„женія къ твоей добродѣтели, охуждать не „смѣю: но, можетъ быть, нѣчто въ немъ „перемѣнить и не много поправить могу... „Я по истинѣ скажу, что ты ни мало не „погрѣшаешь, и нѣтъ въ тебѣ ничего тако„го, въ чемъ бы тебя поправить паче, неже„ли умѣрить нѣсколько надлежало. Ибо сама „природа образовала тебя для честности, „важности, умѣренности, справедливости, „великодушія; она сдѣлала тебя великимъ „мужемъ во всѣхъ добродѣтеляхъ. Но къ „симъ преимуществамъ присоединились пра„вила ученія не умѣреннаго, не кроткаго, „но, какъ мнѣ кажется, нѣсколько строжай„шаго и жесточайшаго, нежели какое истина „и природа терпѣть могутъ. И поелику я „здѣсь предлагаю слово сіе не простому на„роду, или въ собраніи невѣждъ, то буду го„ворить нѣсколько посмѣлѣе о нравоуче„ніи, которое вамъ и мнѣ извѣстно и при„ятно.“

„И такъ Судіи, преизящныя и божест„венныя добродѣтели, которыя видимъ въ „М. Катонѣ, за собственныя его почитайте;

„а примѣчаемые въ немъ недостатки не
„отъ природы, но отъ учителя происходятъ.
„Былъ нѣкій мужъ великаго ума, Зенонъ,
„коего послѣдователи называются стоики.
„Его мнѣнія и правила суть таковы: не дол-
„жно мудрому преклоняться на милость, ни-
„кому не прощать въ преступленіи: мило-
„сердъ бываетъ только глупый и легкомы-
„сленный: мужу неприлично склоняться на
„просьбы и удерживать гнѣвъ: одни мудрые
„прекрасны, хотя бы они совсѣмъ были изу-
„родованы: одни они богаты, хотя бы ни-
„чего не имѣли: они въ самомъ рабствѣ ца-
„ри: а насъ, кои не изъ числа тѣхъ мудре-
„цовъ, называютъ они бѣглецами, ссылочны-
„ми, врагами и наконецъ безумцами: всѣ со-
„грѣшенія у нихъ равны: всякій проступокъ
„ставятъ за величайшее беззаконіе, у нихъ
„не за меньшее преступленіе почитается,
„когда кто убьетъ пѣтуха безъ нужды, какъ
„и топъ, кто удавитъ отца своего: мудрый
„ни о чемъ не судитъ, ни о чемъ не разкае-
„вается, ни въ чемъ не обманывается, ни-
„когда мнѣнія своего не перемѣняетъ. “

„Таковыя правила мужъ великаго ума,
„М. Катонъ, почерпнулъ изъ ученѣйшихъ пи-
„сателей, не для состязанія, какъ то дѣла-
„ютъ многіе, но чтобъ учредить по оныхъ
„образъ жизни своей. Требуютъ чего либо
„откупщики? — Берегись сдѣлать что ни-
„будь изъ милости. Приходятъ нѣкоторые
„бѣдные и нещастные просители? — Будешь
„подлый законопреступникъ, ежели, милосер-

„дѣемъ движимъ, что либо сдѣлаешь. При-
„знается кто нибудь въ проступкѣ, и про-
„ситъ прощенія? — Прощать есть дѣло без-
„законное. Но проступокъ маловаженъ. —
„Проступки всѣ равны. Сказалъ ли ты что
„нибудь, не обдумавши? То твердо и непре-
„мѣнно быть должно. Ты былъ увлеченъ не
„существомъ дѣла, но всеобщимъ мнѣ-
„ніемъ. — Мудрый не слѣдуетъ мнѣнію. Въ
„чемъ нибудь обманулся ты? — Сего ска-
„зать не льзя. Вотъ послѣдствія сего уче-
„нія! Я сказалъ въ Сенатѣ, что сдѣлаю до-
„носъ на назначеннаго Консула: но ты ска-
„залъ сіе въ гнѣвѣ. — Обманывать есть дѣ-
„ло человѣка безсовѣстнаго: преклоняться
„на просьбы, законопреступно: сожалѣть,
„беззаконно.“

„Но наши (ибо признаюсь, Катонъ, что
„и я въ молодости, не довѣряя собственно-
„му уму, искалъ помощи въ ученіи филосо-
„фовъ) наши, говорю, послѣдователи Плато-
„на и Аристотеля, ученіемъ ихъ умягченные,
„говорятъ, что мудрый преклоняется ино-
„гда на милость; что сожалѣть есть знакъ
„человѣка добраго; что есть различные роды
„преступленій, и не равны должны быть
„наказанія; что у человѣка твердаго есть
„мѣсто и прощенію; что мудрый послѣ-
„дуетъ мнѣнію другихъ въ томъ, чего самъ
„не знаетъ; иногда гнѣвается, смягчает-
„ся просьбами, умилостивляется; перемѣ-
„няетъ выговореннoе, ежели того требуетъ
„справедливость; отступаетъ иногда отъ

„своего мнѣнія; и что наконецъ всѣ добродѣ-
„тели должны быть нѣкоторою посредствен-
„ностію умѣряемы.“

„Естьли бы съ таковыми наставниками
„тебя, Катонъ, при твоихъ свойствахъ по-
„знакомилъ случай: ты хотя и не былъ бы
„честнѣе, постояннѣе, воздержнѣе, справед-
„ливѣе, (ибо сіе не возможно), но сдѣлался бы
„нѣсколько наклоннѣе къ снисхожденію: ты,
„не бывъ возбужденъ враждою, ниже раздра-
„женъ какою либо обидою, не сталъ бы до-
„носить на человѣка весьма скромнаго, бла-
„городства и честности преисполненнаго:
„ты бы разсудилъ, что, когда въ одинъ и
„тотъ же годъ тебѣ и Муренѣ случилось
„быть охранителями Республики, сопряженъ
„ты съ нимъ нѣкимъ союзомъ любви къ отче-
„честву: что уже сказано тобою въ Сенатѣ
„въ запальчивости, того бы ты или не ска-
„залъ, или бы забылъ о томъ, или бы далъ
„тому не такой строгій толкъ. Ты теперь
„и нѣкоторымъ стремленіемъ духа возбуж-
„даешься, и силою нрава и ума увлекаешься,
„и приверженностію къ наставникамъ сво-
„имъ воспламеняешься; но нѣкогда, какъ
„я думаю, опытъ преклонитъ, время смяг-
„читъ, лѣта укротятъ тебя. Ибо мнѣ ка-
„жется, что самые твои учители, самые на-
„ставники въ добродѣтели, предѣлы должно-
„стей человѣческихъ простерли далѣе, неже-
„ли позволяетъ природа. Духомъ мы мо-
„жемъ возноситься до безконечности, но на
„дѣлѣ, гдѣ надлежитъ, останавливаться дол-

„жны. Не прощай ни за что. — По крайней
„мѣрѣ иногда и за что нибудь. Не дѣлай ни-
„чего изъ милости. — Не дѣлай сего, когда
„долгъ и справедливость того потребу-
„ютъ. Не преклоняйся состраданіемъ. —
„Такъ, не сострадай до того, чтобъ ослабить
„власть законовъ: однакожъ человѣколюбіе
„иногда похвально. Будь твердъ въ своемъ
„мнѣніи. — Такъ, но доколѣ другое лучшее
„не превозможетъ онаго. Таковъ былъ Сци-
„піонъ, который также, какъ и ты, Катонъ,
„имѣлъ, при себѣ ученѣйшаго мужа, опъ на-
„ставленій коего, хотя онѣ точно были тѣ
„же, которыя и тебя плѣняютъ, не сдѣлал-
„ся онъ суровѣе, но какъ я слышалъ отъ
„стариковъ, самымъ кроткимъ. Кто былъ
„благосклоннѣе К. Лелія? Кто пріятнѣе его,
„хотя онъ того же ученія держался? Кто
„былъ разсудительнѣе, благоразумнѣе его?
„То же самое могу сказать о Л. Филиппѣ,
„о К. Галлѣ: но я тебя обращаю къ собствен-
„ному дому твоему. Кто былъ обходитель-
„нѣе, благосклоннѣе и во всѣхъ случаяхъ умѣ-
„реннѣе Катона, прадѣда твоего? Ты, говоря
„о превосходныхъ добродѣтеляхъ его, самъ
„сказалъ, что имѣешь въ немъ домашній
„образецъ къ подражанію. Сей образецъ ты
„видѣлъ въ своемъ домѣ, и свойство нравовъ
„предка твоего удобнѣе къ тебѣ какъ про-
„изшедшему отъ него, нежели къ кому либо
„изъ насъ, перейти могло: а подражать оно-
„му столько же мнѣ, сколько и тебѣ, поз-
„волено. Ежели бы ты къ твоей важности
„и строгости примѣшалъ нѣсколько тихо-

„сти его и снизходительности; то качества „твои не были бы лучшими, (ибо онѣ и безъ „того въ тебѣ совершенны); но конечно сдѣ- „лались бы любезнѣйшими.“

„Итакъ, я возвращусь къ прежде сказан- „ному, да не помянется въ дѣлѣ семъ имя „Катоново: да отложится и удалится вся- „кая довѣренность и сила, которыя въ су- „дилищахъ или ни къ чему, или къ спасенію „невиннаго служить долженствуютъ: пусть „опровергаютъ меня самыми дѣлами. Въ „чемъ обвиняешь, Катонъ? Что на судъ пред- „лагаешь? Обвиняешь въ происках? не за- „щищаю. Уличаешь меня, что защищаю то, „противъ чего самъ же издалъ строгій за- „конъ. Я издалъ законъ противъ происковъ, „а не противъ невинности. Происки самые „обвинять вмѣстѣ съ тобою буду, естьли „ты хочешь. Докажи, что Мурена дѣлалъ „оные, тогда не стану защищать содѣлан- „наго противъ закона.“

Сія одна, между прочими; выписка даетъ намъ довольно чувствовать всю оборотли- вость ума въ Цицеронѣ. Нужно было отъ вѣсовъ правосудія удалить тотъ перевѣсъ, каковый могло сдѣлать имя Катона. Онъ от- важивается употребить противъ него на- смѣшку; но естьлибъ не умѣлъ смягчить оной, чтобъ не потерпѣлъ никто такого поступка противъ толь почтеннаго мужа. Тогда въ Катонѣ почли бы себя оскорбленными не только люди честные, но и тѣ, кои не были таковыми; ибо, когда кто отъ всѣхъ вообще

признанъ за добродѣтельнаго, то даже и тѣ, кои не любятъ добродѣтели, хотятъ, чтобъ она была въ немъ почитаема: жертва, мало стоющая, и ни къ чему не обязывающая! Съ какимъ искуствомъ, съ какою тонкостію отдѣляетъ онъ особу Катона отъ его ученія! какъ нѣжно издѣвается надъ однимъ, нимало не ослабляя уваженія должнаго другой! Его стрѣлы, упадая на *Стоицизмъ* Катона, никакъ до него не доходятъ; осыпая его похвалами, отнимаетъ у него, непримѣтнымъ образомъ, всю важность его мнѣнія. Ибо коль скоро удалось ему однажды разсмѣшить, не оскорбивъ его, то уже важность не имѣетъ болѣе силы: уже нѣтъ для нее мѣста. Почему самъ Катонъ не могъ сохранить своей важности; онъ самъ улыбался при описаніи, какое дѣлалъ Цицеронъ о Стоической строгости; и, частію смѣясь, частію негодуя, сказалъ, выходя изъ присутствія: *по истинѣ, мы имѣемъ весьма забавнаго Консула.*

Впрочемъ сими забавными описаніями умѣрялъ Ораторъ, сколько могъ, суровость слога судебнаго; такіе *епизоды*, всегда кстати помѣщенные, облегчали усталость судей при разбирательствѣ споровъ и разпрей, и при скучной крикливости стряпчихъ. Вотъ что дѣлало краснорѣчіе Цицерона толь пріятнымъ для Римлянъ, и заставляло собирать съ такою жадностію всѣ его рѣчи, въ тожъ почти время, какъ онъ произносилъ ихъ. Никто съ такимъ искуствомъ, какъ онъ, не умѣлъ придавать пріятности самымъ сухимъ

предметамъ : а доказательство истинна-
го превосходства : состоитъ въ томъ ,
чтобъ говорить такимъ образомъ обо всѣхъ
предметахъ, и, принимаясь за всѣ роды пи-
санія, знать оборонъ и мѣру , каждому изъ
нихъ приличныя.

Что самое и сдѣлалъ онъ , защищая Ар-
хію , знаменитаго Греческаго стихотворца,
коего, вопреки всей справедливости, не хотѣ-
ли признавать за гражданина Римскаго. Онъ
родился въ Антіохіи; но получилъ право граж-
данства въ Иракліи, городѣ союзномъ, кото-
рый пользовался преимуществами гражданъ
Римскихъ. Архивы (грамотохранилища) сего
города, во время междоусобной войны, сгорѣ-
ли; и спустя двадцать восемь лѣтъ послѣ
того, нѣкто по имени Грамій, непріятель Ар-
хіи , вздумалъ обратить противъ него сей
случай, который лишилъ его доказательствъ
на вышепомянутое званіе. По счастію, онъ
имѣлъ въ томъ свидѣтелемъ Лукулла , чрезъ
покровительство коего получилъ сію милость
онъ жителей Ираклійскихъ. Онъ былъ защи-
щаемъ Цицерономъ, и Ораторъ увѣдомляетъ
насъ въ приступѣ своемъ, какое право имѣлъ
стихотворецъ на его дружбу и даже на бла-
годарность. Надобно замѣтить, что Цице-
ронъ, во всякомъ защитительномъ словѣ, на-
чинаетъ показаніемъ личныхъ причинъ, кото-
рыя его къ тому побудили; и стараніе, съ
какимъ оныя излагаетъ, доказываетъ, что,
не зависимо отъ самаго дѣла , надлежало со-
хранять еще нѣкоторую особенную при-

стойность, чтобъ принять на себя, со все общимъ одобреніемъ, лице или доносителя или защитника. Сіе было для знатныхъ людей государственною должностію, сопряженною часто съ пользою отечества, и совсѣмъ не ограничивающеюся множествомъ тѣхъ небольшихъ частныхъ споровъ, которые знаменитыми Ораторами и людьми чиновными оставляемы были второстепеннымъ стряпчимъ, кои называются полатынѣ causidici. Дѣло объ Архіи должно, кажется, принадлежать къ числу послѣднихъ. Оно заключалось только въ разобраніи весьма простаго случая; особливо зависѣло отъ показанія свидѣтелей, и могло быть окончено въ нѣсколько минутъ. Рѣчь Цицеронову можно прочитать почти въ полчаса, а предметъ самаго дѣла не занимаетъ и четырехъ страницъ. Все прочее составляетъ похвалу Поэзіи и словесныхъ наукъ, изчисленіе выгодъ и пріятностей, какія отъ нихъ получаемъ, и почестей, какія имъ воздавать должно. Цицеронъ, повсюду показывая, что отмѣнно любитъ стихотворство и упражняющихся въ ономъ, кажется, радъ былъ, что нашелъ случай изъявить къ нимъ уваженіе. Весьма лестно было для Архіи имѣть такого защитника. Мы увидимъ, что сей поступокъ дѣлаетъ столько же чести душевнымъ свойствамъ Цицерона, сколько и достоинству защищаемаго имъ человѣка.

Было великое разстояніе между Консуломъ Римскимъ и стихотворцемъ Греческимъ;

слѣдственно и дѣло не требовало усилій Оратора. По сему и рѣчь не имѣетъ почти ничего похожаго на слогъ судебный; онъ подходитъ гораздо болѣе къ *доказательному*. Мы уже видѣли Цицерона въ высокомъ и простомъ; теперь я выпишу изъ него слѣдующую статью въ примѣръ слога умѣреннаго, который отличается пріятностію и красотою.

„Естьли имѣю, Судіи, какое дарованіе, „(и я чувствую, коль слабо оно), или какой „навыкъ въ словѣ, (въ чемъ я съ посредст„веннымъ успѣховъ упражнялся) или нѣко„торое познаніе въ сей наукѣ, прилѣжаніемъ „и ученіемъ снисканное, отъ чего ни въ какое „время жизни моей не отвращался: то плода „всѣхъ сихъ преимуществъ требовать отъ „меня имѣетъ право А. Лициній. Ибо, сколь„ко могу мыслію моею обратиться на про„шедшее время, и припомнить первоначаль„ныя лѣта моего дѣтства, съ той самой „поры былъ онъ мнѣ руководителемъ и на„ставникомъ въ краснорѣчіи. Ежели голосъ „сей, наставленіями и правилами его образо„ванный, былъ нѣкогда спасителенъ для нѣ„которыхъ сограждан; то я безъ сомнѣнія „долженъ, сколько силъ моихъ есть, защи„щать и охранять того, отъ кого заим„ствовалъ способы, чрезъ кои инымъ спо„моществовать, а другихъ спасши я могъ. „И, дабы кто не удивился сказанному нынѣ „мною, поелику Архія имѣвшъ нѣкоторую

„особую способность ума, и упражняется не
„въ краснорѣчіи; то скажу, что и я не од-
„нимъ симъ ученіемъ всегда занимался. Ибо
„всѣ науки, къ просвѣщенію ума относящіяся,
„имѣютъ нѣкоторую общую связь между со-
„бою, и какъ бы родствомъ соединяются.„

„Но что бы вамъ не показалось стран-
„нымъ, что при случаѣ, законному изслѣдо-
„ванію подлежащемъ, и въ судилищѣ обще-
„народномъ, когда дѣло разсматривается
„предъ Римскимъ Преторомъ, мужемъ до-
„стойнѣйшимъ, и предъ судіями строжайши-
„ми, въ присутствіи толь многочисленнаго
„собранія, произношу я такую рѣчь, кото-
„рая не только отъ приказнаго порядка от-
„ступаетъ, но и на судебный слогъ не похо-
„дитъ: то прошу отъ васъ снисхожденія,
„обвиняемому приличнаго, и для васъ, какъ
„надѣюсь, не тягостнаго: прошу, что бы мнѣ,
„защищающему превосходнѣйшаго стихо-
„творца и человѣка ученѣйшаго, при такомъ
„стеченіи людей просвѣщеннѣйшихъ, при та-
„кой вашей любви къ наукамъ, при толь про-
„свѣщенномъ Преторѣ, здѣсь предсѣдатель-
„ствующемъ, позволено было о свободныхъ
„наукахъ поговорить нѣсколько простран-
„нѣе, и для такого человѣка, который, любя
„покой и ученіе, въ судахъ и тяжбахъ ни-
„когда не обращался, употребить почти но-
„вый и не обыкновенный образъ слова. Ежели
„явите мнѣ таковое снисхожденіе, то надѣ-
„юсь доказать, что А. Лициній, будучи за-
„подлинно гражданинъ Римскій, не только не

„долженъ быть изключенъ изъ числа граж-
„данъ; но что, естьли бы и не былъ тако-
„вымъ, то надлежало бы его причислить къ
„гражданамъ Рима.“

„Архія, вышедъ изъ отроческихъ лѣтъ, и
„обучась всему тому, чѣмъ обыкновенно дѣти
„приготовляются къ вышшимъ наукамъ, на-
„чалъ заниматься сочиненіемъ книгъ: сперьва
„въ Антіохіи (ибо въ семъ городѣ нѣкогда слав-
„номъ и богатомъ, процвѣтавшемъ какъ уче-
„ными людьми, такъ и свободными науками,
„родился онъ отъ предковъ благородныхъ),
„скоро всѣхъ своихъ сверстниковъ превзо-
„шелъ умомъ и прославился. Потомъ въ про-
„чихъ мѣстахъ Азіи и во всей Греціи при-
„нимаемъ былъ съ великою честію, такъ что
„ожиданіе прибытія его превышало славу да-
„рованій, а по прибытіи удивленіе превыше
„ожиданія было. Словесность и науки, меж-
„ду Греками бывшія, разпространялись то-
„гда по всей Италіи, и въ Латинскихъ горо-
„дахъ процвѣтали болѣе, нежели нынѣ; да и
„въ самомъ Римѣ, по поводу мирнаго состоя-
„нія Республики, не были пренебрегаемы. По
„сему и Тарентинцы, и Региняне, и Неапо-
„литане Архію правомъ гражданства и дру-
„гими наградами почтили, и всѣ, знавшіе цѣ-
„ну дарованій, знакомства своего и госте-
„пріимства удостоили.“

„Архія, по таковой славѣ ставъ уже и
„въ отсутствіи извѣстенъ, прибылъ въ Римъ
„при Маріѣ и Катулѣ Консулахъ; онъ нашелъ

„здѣсь такихъ Консуловъ, изъ коихъ одинъ „могъ доставить великія дѣла, описанія до- „стойныя, а другой присовокупивъ къ вели- „кимъ дѣламъ и великія познанія, умѣлъ слу- „шать того, кто бы прославлять оныя пред- „принялъ. Архія, бывъ еще въ юношескомъ „возрастѣ, принятъ въ домъ Лукулловъ; и „сіе не только уму и сочиненіямъ, но свой- „ству нравовъ и добродѣтели приписать „надлежитъ, что тотъ же самый домъ, ко- „торый ему былъ первымъ убѣжищемъ въ „юношествѣ, покоитъ нынѣ его старость. „Его любилъ тогда Метелль Нумидійскій, „также и сынъ его Пій: съ удовольствіемъ „слушалъ его М. Эмилій: онъ жилъ вмѣстѣ „съ Катулами, отцемъ и сыномъ: почита- „емъ былъ отъ Л. Красса: съ Лукуллами же, „Друзомъ, Октавіями, Катономъ и со всѣми „Гортензіями имѣя тѣснѣйшую связь, еще „тою наслаждался честію, что почитали „его не только тѣ, кои желали отъ него „нѣчто слышать и чему либо научиться, но „и тѣ, кои одинъ видъ сего показывали.“

За симъ слѣдуетъ весьма краткое и яс- ное изложеніе дѣла; и Цицеронъ могъ бы тѣмъ кончить, естьли бы хотѣлъ только вы- играть тяжбу: истина была очевидна: но онъ въ приступѣ своемъ обѣщалъ говорить дру- гое, а не защитительное слово; онъ испол- няетъ свое обѣщаніе, и обращая рѣчь къ до- носителю, продолжаетъ такъ:

„Ты спросишь у меня, Гратій, для чего „я столько люблю Архію? Для того, что

„доставляетъ мнѣ то, чѣмъ и духъ, послѣ „сего судебнаго шума, ободряется, и слухъ, „спорами утружденный, успокоевается. Или „ты думаешь, что могу я найти въ самомъ „себѣ довольно пособій къ повсядневному „разсужденію о предметахъ толь разнообраз- „ныхъ, ученіемъ не обогащая ума моего; „или духъ мой можетъ выдержать такое „напряженіе, не бывъ тѣмъ же ученіемъ осла- „бляемъ? Признаюсь, что я углубился въ „ученіе: да постыдятся тѣ, кои упраж- „няются въ наукахъ такъ, что изъ нихъ „ничего ни къ общему благу почерпнуть ни- „же въ свѣтъ издать не могутъ! А мнѣ че- „го стыдиться, Судіи? я столько лѣтъ жи- „ву такимъ образомъ, что никогда отъ спо- „моществованія на судъ согражданамъ меня „ни собственный покой не отвлекалъ, ни „забавы не отзывали, ниже сонъ не удер- „живалъ. Ктожъ меня опорочитъ за сіе, „или кто по справедливости на меня посѣ- „туетъ, естьли я на ученіе употреблю „столько же времени, сколько его употре- „бляютъ другіе на исправленіе собственныхъ „дѣлъ своихъ, сколько на позорища въ празд- „ничные дни, сколько на другія забавы и „на самое успокоеніе духа и тѣла, сколько „наконецъ на пиршествахъ, сколько въ игрѣ „мячемъ и костьми провождаютъ? И сіе „тѣмъ паче должно быть мнѣ позволено, что „къ ученію принадлежитъ и рѣчь сія, и сей „даръ слова, который, сколь ни слабъ во „мнѣ, но никогда не оставлялъ друзей въ „опасности. Пусть оное покажется кому

„либо маловажнымъ; но я чувствую совер-
„шенно, изъ какого источника почерпаю все
„превосходное. И въ самомъ дѣлѣ, естьли
„бы я многимъ чтеніемъ и многими прави-
„лами не удостовѣрилъ себя отъ самой юно-
„сти, что ничего въ жизни столько желать
„не должно, какъ славы и добродѣтели, и
„что для снисканія сего всѣ тѣлѣсныя му-
„ченія, всѣ бѣдствія, изгнаніе и смерть ни
„во что вмѣнять надлежитъ: то никогда,
„для спасенія вашего, не вошелъ бы я въ
„такія препиранія и не подвергалъ бы себя
„повсядневнымъ нападеніямъ отъ людей раз-
„вращенныхъ (*). Но всѣ книги, всѣ изреченія
„мудрыхъ, всѣ примѣры древнихъ временъ
„повелеваютъ намъ сіи наставленія, кото-
„рыя остались бы во мракѣ, ежели бы свѣтъ
„ученія не озорилъ ихъ. Коль много изо-
„бражній великихъ мужей оставили намъ и
„Греческіе и Латинскіе писатели, не только
„для удовлетворенія любопытства, но и для
„подражанія? Я представлялъ ихъ себѣ во
„все время моего управленія Государствен-
„ными дѣлами, и помышляя о сихъ великихъ
„людяхъ, старался образовать и душу и ра-
„зумъ мой.“

„Кто либо спроситъ: сіи великіе люди,
„коихъ добродѣтели описаны въ книгахъ,
„были ли сами наставлены въ той наукѣ,
„которую ты превозносишь похвалами? Я
„не могу утверждать сего о всѣхъ; однако

(*) Во время заговора Катилины.

„то справедливо, что отвѣтствовать буду:
„многіе люди добродѣтелію и разумомъ пре-
„восходны были безъ ученія, но по одной
„природѣ, почти боговдохновенной, и сами
„собою сдѣлались и мудрыми и добрыми; къ
„сему прибавлю еще и то, что природа безъ
„ученія способствовала чаще ко славѣ и до-
„бродѣтели, нежели ученіе безъ природы. Но
„при томъ утверждаю, что ежели къ прево-
„сходному природному дарованію присовоку-
„плено будетъ наставленіе въ наукахъ: то
„обыкновенно произходитъ изъ сего нѣчто
„изящное и удивительное.“

„Изъ таковыхъ былъ великій мужъ, Сци-
„піонъ Африканскій, котораго отцы наши
„видѣли: изъ таковыхъ Леліи и Фурій, люди
„умѣреннѣйшіе и скромнѣйшіе; изъ таковыхъ
„мужественный и въ оныя времена ученѣй-
„шій мужъ, Катонъ старшій: они, безъ со-
„мнѣнія, не стали бы упражняться въ на-
„укахъ, ежели бы оныя не способствова-
„ли имъ познавать и исполнять добродѣ-
„тели.“

„Но ежели бы отъ нихъ и не такая
„польза произходила, ежели бы онѣ доставля-
„ли одно только увеселеніе; то вы, какъ я
„думаю, и сіе самое увеселеніе почтете за
„весьма благородное и приличное человѣку.
„Ибо прочія забавы не всякому времени, не
„всякому возрасту, не всякому мѣсту при-
„личествуютъ: науки юношество просвѣща-
„ютъ, старость услаждаютъ, благополучіе
„украшаютъ, въ злоключеніяхъ прибѣжище и
„отраду подаютъ, увеселяютъ въ домѣ, не

„мѣшаютъ внѣ дома, съ нами бодрствуютъ, съ „нами странствуютъ, за нами въ поля слѣ„дуютъ; и ежелибъ мы сами въ нихъ упраж„няпься, и собственнымъ чувствіемъ познать „цѣны ихъ не могли, по и въ другихъ видя „оныя, удивляпься имъ должны. . . . .“

„Знаменитые и преученые мужи намъ „доказали, что прочія дарованія приобрѣта„ются ученіемъ, трудомъ и руководст„вомъ; а стихотворецъ отъ самой природы „все имѣетъ, возбуждается силою ума, и „аки бы нѣкоторымъ божественнымъ духомъ „движимъ бываетъ. По сему нашъ Енній на„зываетъ стихотворцевъ священными; ибо „они, въ глазахъ нашихъ, отличаются дара„ми боговъ. И такъ, Судіи, да будетъ свя„щенно между вами, яко людьми просвѣщен„нѣйшими, имя стихотворца, имя, которое „и у самыхъ варваровъ никогда не было въ „презрѣніи. Камни и пустыни гласу стихо„творцевъ отвѣтствуютъ; часто свирѣпые „звѣри пѣніемъ ихъ преклоняются и умяг„чаются: мы ли науками просвѣщенные гла„сомъ ихъ не подвигнемся? Омира называ„ютъ Колофоняне своимъ гражданиномъ, Хі„ане себѣ присвояютъ, Саламиняне своимъ „почитаютъ, а Смирняне, утверждая себѣ „принадлежащимъ, и храмъ въ своемъ городѣ „въ честь ему воздвигли: сверьхъ того мно„гіе другіе народы о томъ же спорятъ меж„ду собою. И такъ они чужаго, поелику онъ „былъ стихотворецъ, и даже по смерти его, „своимъ согражданиномъ имѣть желаютъ:

„мы ли сего Архію, въ живыхъ находящагося,
„и по собственному его произволенію, и по
„законамъ къ намъ принадлежащаго, отвер-
„гнемъ, особливо когда онъ все стараніе и
„все остроуміе свое употреблялъ на просла-
„вленіе народа Римскаго! Онъ войну съ Ким-
„врами описалъ еще въ юности своей и тѣмъ
„снискалъ къ себѣ благосклонность отъ Ма-
„рія, хотя сей и не уважалъ словесныхъ на-
„укъ. Ибо нѣтъ никого столь неприязненна-
„го къ Музамъ, кто бы не пожелалъ, что бы
„похвальныя дѣла его не были стихотвор-
„ствомъ преданы вѣчной памяти. Сказыва-
„ютъ, что Ѳемистоклъ, оный знаменитый
„Аѳинянинъ, бывъ вопрошенъ, какую рѣчь,
„или чей голосъ слышалъ бы онъ съ боль-
„шимъ удовольствіемъ, отвѣтствовалъ: *того,*
„*кто бы подвиги мои наилучшимъ образомъ*
„*прославилъ*. . . . Война противъ Митрида-
„та, великая и многопрудная, коея произше-
„ствія были толь различны на сушѣ и на
„морѣ, вся описана Архіею: сіе сочиненіе не
„только Лукулла, мужа знаменитаго и храб-
„раго, но и имя народа Римскаго прославля-
„етъ. Ибо народъ Римскій, предводитель-
„ствовавшу Лукуллу, отворилъ себѣ входъ
„въ Понтъ, и Царскими войсками, и самымъ
„мѣстоположеніемъ укрѣпленный. Народа Рим-
„скаго воинство, при томъ же полководцѣ,
„въ небольшемъ количествѣ бывшее, разбило
„безчисленныя силы Арменіи: народу Рим-
„скому принадлежитъ слава, что дружест-
„венный городъ Кизикъ, благоразуміемъ то-
„го же полководца, отъ всѣхъ нападеній

„Царя и отъ всѣхъ бѣдствій войны изхи-
„щенъ и сохраненъ: на всегда будетъ незаб-
„венно и прославляемо наше невѣроятное
„морское при Тенедосѣ сраженіе, на кото-
„ромъ Лукулль, побивъ вождей, неприятель-
„скій флотъ потопилъ: сіи суть трофеи, на-
„ши памятники, наши тріумфы. По сему, они-
„сывающіе таковыя дѣла прославляютъ имя
„народа Римскаго.“

„Любимъ былъ нашъ Енній отъ старшаго
„Сципіона Африканскаго: по чему думаютъ,
„что между гробницами Сципіоновъ и его мар-
„морное лице изображеніе поставлено. Тако-
„выми похвалами не только тѣ сами, кои
„похваляются, но также имя народа Рим-
„скаго украшается. До небесъ возносится
„прадѣдъ нашего Катона: симъ честь народа
„Римскаго усугубляется: и наконецъ Максимы,
„Марцеллы, Фулвіи похваляются такъ, что
„похвала ихъ и на всѣхъ насъ относится.
„И такъ когда сего Рудійскаго уроженца,
„оныхъ мужей похвалявшаго, предки наши
„въ число сограждан приняли; то мы ли
„Архію Ираклійскаго, многими городами при-
„глашаемаго, а въ Римѣ и законами утвер-
„жденнаго, отъ себя отвергнемъ? Ибо кто
„мнитъ, что меньшую славу получить можно
„отъ стихотворцевъ Греческихъ, нежели отъ
„Латинскихъ, тотъ весьма ошибается, по-
„елику Греческія сочиненія читаются во всѣхъ
„народахъ, а Латинскія въ своихъ, и то
„тѣсныхъ предѣлахъ заключаются. По чему,
„естьли подвиги наши одними предѣлами
„вселенныя ограничиваются, по желать мы

„должны, что бы и слава наша проникла ту-
„да, куда оружіе наше достигло. Ежели са-
„мымъ народамъ, которыхъ подвиги описы-
„ваются, сіе весьма приятно, то величай-
„шимъ побужденіемъ къ презрѣнію опасно-
„стей и къ преодолѣнію прудовъ служитъ
„тѣмъ, кои, ради славы, сражаются, жизни
„не жалѣя. Коль многихъ описателей дѣлъ
„своихъ имѣлъ при себѣ Александръ Великій!
„но, когда остановился на Сигейскомъ мысу
„при гробѣ Ахилла, сказалъ: *о какъ ты*
„*счастливъ, юноша, что Омира иміешь*
„*провозвѣстникомъ дѣлъ твоихъ.* И въ са-
„момъ дѣлѣ естьлибъ не было Иліады, то
„бы могила, тѣло его сокрывшая, купно и
„имя его отъ насъ сокрыла. Да и нашъ ве-
„ликій Помпей, коего счастіе равно было его
„мужеству, не провозгласилъ ли, предъ вой-
„скомъ, Ѳеофана Митиленскаго, описателя
„дѣлъ своихъ, гражданиномъ Римскимъ? И
„наши храбрые, по состоянію своему, без-
„грамотные и грубые воины, упоясь нѣкоею
„сладостію славы, какъ будто бы раздѣляли
„оную съ своимъ начальникомъ, не одобрили
„ли того громкими возклицаніями?“

„Да и не должно скрывать того, чего
„утаить не можно: а паче обнаруживать то
„надлежитъ: мы всѣ любимъ похвалу, и до-
„стойнѣйшій человѣкъ наиболѣе плѣняется
„славою. Самые философы даже и въ тѣхъ
„книгахъ, которыя пишутъ они о презрѣніи
„славы, имя свое подписываютъ: и тѣмъ са-
„мымъ, пренебрегая похвалу и прославленіе,

„похвалы и отличія желаютъ. Децимъ Брутъ,
„знаменитый оный гражданинъ и полково-
„децъ, стихами друга своего, Аттія, храмы
„и памятники, имъ воздвигнутые, украсилъ.
„Фулвій, который, во время похода сво-
„его противъ Етолянъ, имѣлъ при себѣ Ен-
„нія, не усумнился добычи Марсовы посвя-
„тить Музамъ. И такъ, въ томъ городѣ, гдѣ
„военачальники, почти всегда вооруженные,
„имя стихотворцевъ и храмы Муэъ чтили,
„не надлежитъ судіямъ мирнымъ отъ почте-
„нія къ Музамъ и отъ покровительства спи-
„хотворцевъ отрицаться.“

„А чтобъ вы, Судіи, охотнѣе къ сему
„приступили, я хочу о себѣ вамъ объявить
„и признаться въ томъ, что и я люблю сла-
„ву, люблю, можетъ быть, излишно, однако
„не нарушая честности. Ибо, что я во время
„Консульства моего купно съ вами для благо-
„состоянія сего города и правительства,
„что для сохраненія гражданъ, и что для
„пользы всей Республики сдѣлалъ, то все на-
„чалъ Архія описывать стихами, по выслу-
„шаніи которыхъ, почелъ я сіе предпріятіе
„толь важнымъ и пріятнымъ, что увѣще-
„валъ его къ окончанію онаго. Ибо добродѣ-
„тель за труды и бѣдствія никакого друга-
„го награжденія не желаетъ, кромѣ похвалы
„и славы; ежели же сіе побужденіе отнять,
„Судіи, то для чего намъ въ жизни, толь
„краткой и скоротечной, толикими трудами
„отягощаться? И по истинѣ, естьли бы мы
„духомъ ничего не предощущали въ будущемъ,

„и естьли бы конецъ житія нашего полагалъ
„предѣлъ и всѣмъ помышленіямъ нашимъ:
„то бы не удручали мы себя толикими тру-
„дами, не мучились толикими заботами и
„бдѣніями, не подвергали жизни своей толь
„часто бѣдствіямъ; однако во всякой благород-
„ной душѣ есть нѣкая потаенная сила, ко-
„торая денно и нощно духъ нашъ къ сла-
„вѣ возбуждаетъ, внушая, что память име-
„ни нашего должна кончиться не съ жизнію,
„но дойти до самыхъ позднѣйшихъ потом-
„ковъ. Или мы, которые въ Республикѣ, бу-
„дучи обурѣваемы житейскими попеченіями
„и бѣдами, до послѣдняго часа, не имѣя спо-
„койнаго и свободнаго духа, или мы толь
„слабоумны будемъ, что подумаемъ, аки бы
„все умретъ съ нами вмѣстѣ. Когда многіе
„великіе люди старались оставлять по себѣ
„истуканы и изображенія, которыя не души,
„но тѣла подобіе представляютъ, то не луч-
„ше ли намъ должно желать оставить по
„себѣ изображеніе ума и добродѣтелей на-
„шихъ, составленное и украшенное отъ лю-
„дей въ томъ искусныхъ? Что касается до
„меня, я что ни дѣлалъ, въ то же время вооб-
„ражалъ, что незабвенную память дѣлъ мо-
„ихъ разпростираю и какъ бы сію по всему
„шару земному. Сія память будетъ ли для
„меня чужда по смерти, или, по мнѣнію му-
„дрыхъ, составитъ нѣкую часть меня са-
„маго; но я нынѣ по крайней мѣрѣ нѣкото-
„рымъ помышленіемъ и надеждою услажда-
„юсь.“

„И такъ, Судіи, сохраните человѣка, ко-
„его честность и качествомъ и давностію
„почтенныхъ друзей доказывается; коего
„дарованія таковы, что самые знаменитые и
„ученые мужи сообщества его искали; коего
„невинность и благостію закона, и доказа-
„тельствами союзнаго города, и свидѣтель-
„ствомъ Лукулла, и книгами Метелла под-
„тверждается. . . . Того, который васъ, пол-
„ководцевъ вашихъ, и подвиги народа Рим-
„скаго всегда прославлялъ; который оказан-
„ное при бывшихъ недавно домашнихъ на-
„шихъ бѣдствіяхъ благоразуміе ваше предать
„незабвенной памяти потомства обѣщается;
„который наконецъ есть изъ числа тѣхъ,
„кои всегда и у всѣхъ народовъ священными
„и неприкосновенными почитаются, того
„примите въ покровительство ваше такъ,
„что бы онъ былъ человѣколюбіемъ вашимъ
„облегченъ паче, нежели оскорбленъ строго-
„стію.„

Читая рѣчь сію, видимъ съ удовольст-
віемъ, какъ Ораторъ описываетъ въ ней са-
маго себя и обнаруживаетъ въ себѣ ту непри-
творную чувствительность, и то спремле-
ніе къ славѣ, которыя почитаются тщесла-
віемъ и слабостію отъ людей неспособныхъ
имѣть такія качества. Вопреки сему ска-
зать можно, что гораздо лучше произво-
дить великія дѣла, не помышляя о похвалахъ
и славѣ; но извѣстно также, что легче да-
вать въ томъ наставленія, нежели находить
примѣры; сей родъ добродѣтели будетъ

всегда толь рѣдокъ и толь пруденъ, что несравненно лучше, для пользы общей, не охуждать сего побужденія, которое есть, по крайней мѣрѣ, благороднѣйшее изъ всѣхъ, и которое произвело и можетъ произвести много добра. Весьма не благоразумно, отнимать бодрость у тѣхъ, кои, дѣлая все для насъ, требуютъ отъ насъ одной только похвалы. Ежели происходитъ оное отъ тщеславія, то желательно, чтобъ таковое тщеславіе сдѣлалось всеобщимъ; сіе желаніе есть, по мнѣнію моему, самое полезное и самое благоразумное, какое только можно имѣть для благополучія человѣковъ.

Переводя отрывокъ сей, можетъ быть я, и самъ не примѣчая, увлекся удовольствіемъ, что бы показать вамъ, сколько почиталъ Цицеронъ науку стихотворства. Но я имѣлъ и другую причину, побудившую меня перевести сію рѣчь и многія другія мѣста, избранныя изъ словъ Цицероновыхъ; и именно, что нѣтъ писателей, которыхъ бы сочиненія были такъ мало извѣстны незнающимъ Латинскаго языка. Еще нѣтъ перевода рѣчей Цицероновыхъ, который бы былъ во всеобщемъ употребленіи. Читаемъ обыкновенно одинъ письма сего Оратора, довольно исправно переведенныя Аббатомъ Монгольтомъ. Преложеніе рѣчей противъ Каталины, Аббатомъ Оливетомъ сдѣланное, весьма посредственно; и я его ни мало не держался, равно какъ и преложеній Димосѳена и Есхина, которыя Турелемъ и Ожеромъ изданы.

Къ удовольствію моему, могу изключить изъ числа неисправныхъ переводовъ, признанныхъ таковыми отъ всѣхъ просвѣщенныхъ цѣнителей, переводъ нѣкоторыхъ рѣчей Цицероновыхъ; состоящій въ одномъ томѣ, и изданный въ свѣтъ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, двумя учителями Парижскаго университета, кои доказали скромность свою тѣмъ, что пожелали присоединиться къ обществу нашему (*) въ званіи воспитанниковъ, показавъ уже дарованія свои какъ въ писаніи, такъ и преподаваніи наукъ: они суть два брата, Геруллы, и по склонности къ одинакимъ упражненіямъ, и по крови, дружбою соединенные. Ихъ переводъ свидѣтельствуетъ о знаніи ихъ въ обоихъ языкахъ и слогѣ Риторическомъ; и заставляетъ жалѣть только о томъ, что не продолженъ далѣе трудъ, который будетъ всегда въ уваженіи у любителей словесныхъ наукъ и древности. Что жъ касается до меня, я, желая показать примѣрами расторѣчіе двухъ величайшихъ Ораторовъ Рима и Аѳинъ, послѣдовалъ только внушенію, чтеніемъ ихъ во мнѣ произведенному, и ревность моя не могла прохладиться тѣмъ, что трудно заставить говорить на нашемъ языкѣ толь превозходныхъ писателей, а особливо Цицерона, коего отмѣнная красота и удивительное согласіе не могутъ никакъ, въ переводѣ, быть сохранены совершенно. Не смотря на всѣ недостатки мо-

---

(*) Въ Нормальныхъ училищахъ.

его перевода, по крайней мѣрѣ вы легко примѣтить можете, сколько различествуетъ сей образъ писанія древнихъ отъ того, который, по несчастію, вошелъ нынѣ въ обычай. Во всемъ, что вы ни читали, нѣтъ ничего такого, что показывало бы хотя малѣйшую принужденность, надутость, или пустую высокопарность; нѣтъ ничего притворнаго, ничего натяжнаго, ничего запутаннаго. Все точно, все ясно, все понятно; все начинается отъ источника, и спремится къ цѣли. Они не имѣли того жалкаго тщеславія, чтобъ писать для показанія остроты; *а сіе то и есть*, какъ справедливо сказалъ Монтескіе, *сущая малость*. Они всегда занимаютъ насъ предметомъ своимъ, а усиліемъ сочинителя, никогда. Они не уподобляются тѣмъ сверканіямъ молніи, которыя, какъ и потѣшные огни, оставляютъ по себѣ только темноту и дымъ; они подобны свѣту прекраснаго дня, который плѣняетъ глаза, ихъ не отягчая, освѣщаетъ, не ослѣпляя, и разпространяется самъ собою, не изтощеваясь.

Даръ слова есть мечь противъ преступленія, и вмѣстѣ щитъ для невинности; Цицеронъ умѣлъ и тотъ и другій употреблять съ равною силою и равнымъ успѣхомъ. Мы видѣли, какъ вооружается онъ противъ преступниковъ; теперь посмотримъ, какъ защищаетъ невинныхъ и добрыхъ гражданъ, впрочемъ, оба рода войны, наступательной и защитительной, часто сливаются вмѣстѣ въ гражданскомъ и политическомъ порядкѣ,

какъ и въ ремеслѣ собственно военномъ, и надлежитъ равно быть на ту и на другую въ готовности, когда кто дарованія свои посвятилъ общественной пользѣ. Ибо другъ добродѣтели есть, по необходимости, врагъ порока; и кто думаетъ, что можно отдѣлить двѣ вещи не-отдѣлимыя, тотъ много ошибается. Кто не довольно ненавидитъ порокъ, тотъ не довольно любитъ добродѣтель: сія есть истина нравственная; а другая есть въ политикѣ, и именно, чтобъ не примиряться съ злыми прежде, нежели будутъ приведены въ несостояніе вредить; дотолѣ девизъ политиковъ есть всегда одинаковъ: *кто не за насъ, тотъ противъ насъ*. Вотъ ихъ правило, и они сообразно тому поступаютъ. За вѣрное полагать можно, что, коль скоро почитаютъ они себя сильнѣйшими, то не щадятъ и человѣка слабаго, коего презираютъ, и человѣка твердаго, коего боятся. Впрочемъ слабость (надлежитъ оную различать отъ благоразумія: одна есть неимѣніе силы, другое есть умѣреніе оной) слабость, говорю, какъ въ особѣ государственной, такъ и въ частномъ лицѣ, есть величайшій изъ всѣхъ недостатковъ и бѣдственнѣйшая изъ всѣхъ опасностей. Вольтеръ выразилъ свойство оной слѣдующимъ стихомъ:

Tyran qui cede au crime et detruit les vertus.

т. е.

Тиранъ уступающій злодѣянію и истребляющій добродѣтели.

Тиранъ, есть выраженіе весьма значительное; ибо слабость, такъ какъ и Тиранія, уничтожаетъ естественныя права человѣка, и отнимаетъ у него способность его. Цицеронъ, который былъ вообще весьма благоразуменъ, бывалъ иногда и слабъ: нѣтъ ничего естественнѣе и обыкновеннѣе, какъ имѣть недостатокъ, самый ближайшій къ добрымъ нашимъ качествамъ. Катонъ и Брутъ дѣлали погрѣшности отъ излишка отважности, а Цицеронъ отъ излишка осмотрительности; но Цицеронъ, по крайней мѣрѣ, никогда не былъ слабъ, какъ человѣкъ Государственный; онъ былъ слабъ только, какъ человѣкъ частный. По сему погрѣшность Брута и Катона были вредны для общественнаго блага. Я знаю только одинъ случай, при которомъ Цицеронъ, на минуту сдѣлавшись малодушнымъ, потерялъ тяжбу благороднѣйшаго гражданина, лучшаго изъ друзей своихъ, Милона. Естьли бы онъ показалъ столько же твердости, какъ въ дѣлѣ Секстія, то бы возторжествовалъ также. Сіи два дѣла будутъ предметомъ слѣдующихъ нашихъ разсужденій.

Одна изъ наилучшихъ защитительныхъ рѣчей Цицерона есть рѣчь, произнесенная имъ за Трибуна Секстія. Посудите, долженъ ли онъ былъ приступить съ жаромъ къ его защищенію: онъ защищалъ нѣкоторымъ образомъ собственное свое дѣло. Онъ удовлетворялъ вдругъ двумъ весьма справедливымъ чув-

ствованіямъ, своей ненависти къ Клодію, самому неистовому изъ всѣхъ своихъ непріятелей, и своей благодарности къ Секстію, одному изъ самыхъ ревностныхъ своихъ защитниковъ. Надобно припомнить, что Цицеронъ, по прошествіи четырехъ лѣтъ послѣ своего Консульства, подвергся той участи, которую предвидѣлъ. Онъ принужденъ былъ уступить крамолѣ Клодія, поддерживаемаго явно Цезаремъ, который хотѣлъ обуздать республиканскую вольность Цицеронову, и тайно самимъ Помпѣемъ, который завидовалъ славѣ и силѣ Оратора. Онъ почелъ за нужное удалиться, и по шестнадцатимѣсячномъ отсутствіи, былъ возвращенъ съ такимъ блескомъ, что наипрекраснѣйшимъ днемъ своей жизни, можно сказать, долженъ онъ былъ своему несчастію; но изхождайствовать ему возвращеніе, стоило крови. Хотя всѣ чины государственные ему благопріятствовали, хотя всѣ правительственныя власти Рима объявили себя въ его пользу; но свирѣпый Клодій, коего ничто не устрашало, собравъ толпу мечебойцевъ и разбойниковъ, оставшихся послѣ пораженія Катилины, окружилъ площадь, и хотѣлъ открытою силою возпрепятствовать Трибунамъ созвать народъ въ собраніе, на которомъ имѣло быть предложено о возвращеніи Цицерона. Милонъ и Секстій, видя, что необходимо надлежало опражать силу силою, приготовились къ защищенію, и тотчасъ улицы градскія и общенародная площадь сдѣлались позорищемъ кровопролитія. При одной

изъ сихъ мятежныхъ схватокъ, Секстій оставленъ на мѣстѣ замертво, и братъ Цицероновъ былъ въ опасности лишиться жизни

По сему судить можете, какой безпорядокъ, какое безначаліе поселили въ Римѣ мятежи Марія и Силлы; отъ времени до времени молчали законы. Я покажу сему причину, когда буду говорить о слѣдственномъ дѣлѣ Милона. Но теперь же замѣтить можно, что сіи кровопролитныя разпри ни мало не походили на тѣ ужасныя, въ первыхъ числахъ Сентября убивства, которыя, при толь неожиданныхъ обстоятельствахъ, отличаются долговременною и необыкновенною ненаказанностію. (*) Вы видите, что Клодій, по крайней мѣрѣ, былъ храбрый злодѣй, и предводительствовалъ столь же отважными, какъ и самъ, разбойниками, приобыкшими къ оружію и боямъ; которые, дерзая на все, ничего не жалѣли, нападали, съ оружіемъ въ рукахъ, на людей вооруженныхъ, и угрожая жизни другаго, подвергали собственную всякимъ опасностямъ. Убѣжище домашнее никогда не было нарушаемо; полъ, малолѣтство, старость не были даже оскорбляемы. Клодій нанималъ старыхъ воиновъ, сдѣлавшихся убійцами; но не пришло ему въ голо-

---

(*) Сія ненаказанность, на которую жаловался сочинитель со всею Франціею въ 1793 году, продолжалась и во время печатанія сего сочиненія, въ 1797.

ну употребить толпу женщинъ для провозглашенія убивства и грабежа именемъ вольности; онъ не прибѣгъ къ сему подлому средству, дабы принудить законную власть, щадя слабость пола даже въ тѣхъ, которыя, отрекшись его, потеряли и всѣ права онаго, позволить безпорядку и мятежу возрасти и ободриться, и безъ опасности испытать, доколѣ простираться можетъ терпѣніе Правительства. Когда законы потеряли силу, тогда наихудшій родъ злодѣевъ не есть тотъ, который на все дерзаетъ, но тотъ, который ничего не стыдится; его же легче и укротить, когда законъ возпріиметъ паки мечь свой. Тѣ, кои хвастаютъ, что устали руки ихъ отъ побиванія несчастныхъ беззащитныхъ, не осмѣлятся противопоставить остріе острію, и тѣ, кои пьютъ кровь, щадятъ свою собственную; или паче не кровь течетъ въ жилахъ ихъ, но грязь; и законная власть не имѣетъ нужды поражать ихъ; смерть не иначе должна постигнуть ихъ, какъ на лобномъ мѣстѣ.

Всѣ насильственныя мѣры Клодія не могли возпрепятствовать возвращенію Цицерона, поелику законная власть получила тотчасъ довольно силы для возстановленія порядка и усмиренія Клодія. Но сей безумецъ былъ столько дерзокъ, что, спустя годъ, подучилъ Албинована, одного изъ своихъ приверженцевъ, сдѣлать доносъ на Секстія въ *насильственныхъ поступкахъ*; а самъ го-

повилея доносить на Милона: однако не имѣлъ на то времени; ибо погибъ бѣдственно, какъ и былъ того достоинъ; но прежде, къ огорченію своему, увидѣлъ, что Цицеронъ изхитилъ изъ рукъ его жертву, которую не успѣлъ онъ потребить собственнымъ мечемъ и которую хотѣлъ поразить мечемъ закона. Въ сей-то рѣчи Цицеронъ показалъ стремительную пылкость Димосфенову, и особливо въ томъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ о сраженіи, которое могло быть только бѣдственно для Секстія. Онъ описываетъ живѣйшими красками Трибуна, пронзеннаго ударами, и спасшагося отъ убійцъ только по тому, что они почли его мертвымъ. „И Секстій обвиняется въ насильственныхъ „поступкахъ? По чему? По тому, что въ „живыхъ остался. Сему не онъ виною; не „доставало еще одного послѣдняго удара, „отъ котораго испустилъ бы онъ духъ. Ви„ни Лентидія, Клодій; онъ поразилъ не въ „то мѣсто. Проклинай Сабинія Реатскаго, „что толь благовременно для Секстія закри„чалъ: *онъ уже мертвъ.* А его самаго за что „обвиняешь? развѣ онъ убѣгалъ отъ ме„чей? развѣ защищался? или, какъ обыкно„венно повелѣвается мечебойцамъ, не хо„тѣлъ себя подвергнуть ударамъ оружія? „Или самое то есть *насильственный по„ступокъ*, что умереть не могъ? или то, „что трибунъ народа обагрилъ храмъ „своею кровію? или то, что, когда бывъ „поднятъ съ мѣста, и пришедъ въ память, „не велѣлъ опять отнести себя туда же?

„гдѣ преступленіе, вѣ которомъ обвиняете
„его? Я вопрошаю васъ, Судіи, ежели бы вѣ
„тотъ день сообщники Клодіевы сдѣлали все
„то, что сдѣлать хотѣли; ежели бы Секстій,
„за убитаго сочтенный, подлинно убитъ
„былъ: принялись ли бы вы за оружіе? воз-
„чувствовали ли бы вѣ себѣ духъ и добро-
„дѣтели предковъ вашихъ? постарались ли
„бы отечество отъ пагубнаго разбойника
„избавить? не уже ли и тогда пребыли бы вы
„спокойны, медлили, боялись, когдабъ Рес-
„публику отъ беззаконнѣйшихъ убицъ и ра-
„бовъ угнѣтенную увидѣли? По что же не
„доумѣваете, что говорить, что чувство-
„вать, что мыслить, и какъ судить, надле-
„житъ о добродѣтели такого человѣка, за
„смерть котораго отмстить, помня права
„вольности, вы конечно бы не отреклися?

Многіе разсуждаютъ, (ибо сіи великія произшествія занимаютъ насъ и нынѣ, какъ бы не давно случившіяся) благоразумно ли вѣ самомъ дѣлѣ поступилъ Цицеронъ, оставивъ Римъ, по причинѣ гоненій отъ Клодія; видя себя поддерживаема всѣмъ Сенатомъ, вѣ печальную одежду облекшимся, всѣмъ сословіемъ рыцарей, оружіе возпріявшихъ, долженъ ли онъ былъ оставить поле сраженія? Безъ сомнѣнія, могъ бы онъ ожидать успѣха, естьли бы съ однимъ Клодіемъ препираться ему надлежало. Но онъ самъ покажетъ намъ ясно то, что замѣчаемъ изъ

исторіи, читая ее съ нѣкоторымъ вниманіемъ; что Клодій былъ для него не самый опаснѣйшій непріятель. Цезарь, готовившійся къ отъѣзду въ Галлію, стоялъ съ войскомъ своимъ при вратахъ города; и ежели бы, при таковыхъ обстоятельствахъ, началось въ Римѣ кровопролитіе, ежели бы убитъ былъ Трибунъ, то можно ли сомнѣваться, что бы Цезарь не вмѣшался тотчасъ въ сію разпрю, и не хватился за толь благопріятный случай поднять оружіе, и овладѣть Республикою? Римъ былъ бы порабощенъ десятью годами ранѣе. Вотъ отъ какой опасности избавилъ его Цицеронъ великодушнымъ своимъ пожертвованіемъ! и онъ справедливо хвалится въ сей рѣчи, что два раза спасъ отечество. Надобно послушать самаго его, какими былъ онъ побуждаемъ причинами.

„Теперь я объясню, Судіи, образъ пове-
„денія и мыслей моихъ: и надѣюсь удовле-
„творить благосклонному вниманію вашему
„и сего многочисленнаго собранія, каковаго
„сколько помню, ни въ одномъ судилищѣ не
„бывало. Ежели въ дѣлѣ толь справедливомъ,
„при такомъ усердіи Сената, при такой ре-
„вности и согласіи людей благомыслящихъ,
„при такой наконецъ готовности всей Ита-
„ліи къ моему защищенію, убоялся я бѣшен-
„ства Трибуна народнаго, человѣка подлѣй-
„шаго; ежели легкомыслія и дерзости пре-
„зрѣннѣйшихъ консуловъ устрашился: то

„признаю себя крайне боязливымъ, не имѣ-
„ющимъ ни твердости, ни благоразумія. Ибо
„что подобнаго было съ К. Метелломъ, (доб-
„ровольно въ ссылку пошедшимъ)? хотя дѣ-
„ло его всѣми честными людьми было одоб-
„ряемо; однако ни Сенатъ всенародно, ни
„одно сословіе собственно, ниже цѣлая Ита-
„лія своими опредѣленіями въ пользу его
„себя не объявили. . .. Имѣлъ онъ дѣло съ
„непобѣдимымъ войскомъ К. Марія; имѣлъ
„себѣ непріятелемъ К. Марія, отечества спа-
„сителя, въ шестый разъ уже консуломъ
„бывшаго: имѣлъ также дѣло съ Л. Сатур-
„нином, Трибуномъ народнымъ, человѣкомъ
„бдительнымъ, и въ защищеніи выгодъ на-
„рода хотя не совсѣмъ умѣреннымъ, но по
„крайней мѣрѣ осторожнымъ. ... А я имѣлъ
„противъ себя не войско побѣдоносное, но
„толпу поденщиковъ, надеждою грабежа со-
„бранныхъ и возбужденныхъ. Имѣлъ непри-
„ятелемъ не К. Марія, который былъ ужа-
„сомъ для враговъ, надеждою и подпорою
„для отечества; но двухъ ненавистныхъ из-
„вергов, постыдною бѣдностію, желаніемъ
„чуждаго, легкомысліемъ и развратомъ къ на-
„родному Трибуну прилѣпленныхъ; . . . Но
„сообщника непотребства богатыхъ раз-
„вратниковъ, любодѣя сестры своей, сводни-
„ка, отравителя, поддѣлателя духовныхъ за-
„вѣщаній, смертоубійцу, разбойника. Ежели
„бы на одолѣніе такихъ противниковъ упо-
„требилъ я силу и оружіе, что удобно бы-
„ло, и что надлежало бы, по совѣту чест-
„ныхъ и благоразумныхъ людей, сдѣлать;

„надѣюсь, что ни кто бы меня не опоро-
„чилъ, что отразилъ силу силою, и не сталъ
„бы сожалѣть о потерѣ худыхъ гражданъ,
„или паче домашнихъ злодѣевъ нашихъ. Но
„я другими причинами руководствовался:
„Клодій, сія фурія, во всѣхъ собраніяхъ кри-
„читъ, что все, что онъ ни дѣлалъ противъ
„меня, дѣлалъ по приказанію Кн. Помпея,
„мужа почтеннѣйшаго, и мнѣ нынѣ и преж-
„де по возможности, дружелюбнѣйшаго. Кло-
„дій, сей злобный человѣкъ, разглашалъ по-
„всюду, что К. Крассъ, гражданинъ муже-
„ственный, съ которымъ находился я въ са-
„мой тѣснѣйшей связи, есть самый жесто-
„кій врагъ мой; и что К. Цезарь, коему ни-
„какого поводу къ ненависти я не подалъ,
„на меня также враждуетъ. Онъ говорилъ,
„что сихъ трехъ имѣлъ въ начинаніяхъ сво-
„ихъ совѣтниками, въ исполненіи помощни-
„ками; что одинъ изъ нихъ имѣетъ въ Ита-
„ліи сильное войско; что другіе два, кои бы-
„ли тогда люди частные, могутъ, ежели за-
„хотятъ, набрать также войско; и утвер-
„ждалъ, что они то и сдѣлаютъ. . . . Что
„вы думаете? Такія рѣчи непріятеля, особ-
„ливо пустыя, толь несправедливо знамени-
„тѣйшихъ мужей относящія, тронули меня?
„нѣтъ, меня тронули не рѣчи сіи, но мол-
„чаніе тѣхъ, на которыхъ онѣ взводимы бы-
„ли, которые тогда имѣли хотя другую при-
„чину молчать, однако для людей, всего
„страшащихся, казалось, молча, говорили,
„не отвергая, казалось, подтверждали. . .
„Что мнѣ оставалось дѣлать? . . . Сражать-

„ся безоружному съ Трибуномъ? Добрые одер-
„жали бы верьхъ надъ злыми, храбрые надъ
„робкими. . . . Что послѣдовало бы изъ то
„го? . . . Клодій даже въ рѣчи своей ска-
„залъ, что мнѣ надлежитъ или единажды
„погибнуть, или дважды побѣдить. Что зна-
„чило дважды побѣдить? безъ сомнѣнія то,
„что, преодолѣвъ Трибуна народнаго, мнѣ
„надобно было сражаться съ Консулами и
„прочими его отмстителями. Но, естьли
„мнѣ одному погибнуть должно, . . . желаю,
„Судіи, лучше единажды погибнуть, нежели
„побѣдить. Ибо вторая пря есть такова,
„что ни побѣдивъ, ни бывъ побѣжденъ, не
„можемъ спасти Республики. . . . Тобою
„свидѣтельствуюсь, тобою, отечество, и ва-
„ми, домашніе и отечественные боги, что
„для сохраненія жертвенниковъ и храмовъ
„вашихъ, для благосостоянія сограждан мо-
„ихъ, которое мнѣ всегда было драгоцѣннѣе
„моей жизни, убѣгалъ я разпри и кровопро-
„литія. . . . Мнѣ ли бояться смерти? Когда
„я, посреди толикаго множества непріяте-
„лей обращалъ все мое вниманіе и труды на
„благо общее, не имѣлъ ли предъ глазами
„моими ссылки и смерти? Не предсказывалъ
„ли я тогда же о семъ? . . . И такъ, Судіи,
„добровольнымъ удаленіемъ моимъ спасъ я
„Республику: васъ и дѣтей вашихъ избавилъ
„печалію и слезами моими отъ убивства,
„опустошенія, зажигательствъ и хищеній.
„Дважды спасъ Республику: сперва со сла-
„вою, а потомъ съ собственнымъ моимъ
„бѣдствіемъ. Ибо не скажу, чтобъ я не былъ

„человѣкъ, и не похвалюся, чтобъ я могъ „безъ прискорбія лишиться наилучшаго бра„та, любезнѣйшихъ дѣтей, вѣрнѣйшей су„пруги, вашего лицезрѣнія, отечества, и сей „степени чести, и ежели бы я былъ столь„ко нечувствителенъ, ежели бы оставлялъ „для васъ только маловажное, то какую ус„лугу показалъ бы я вамъ? Самымъ явнымъ „знакомъ величайшей любви моей къ оте„честву должно быть то, что я, будучи не „въ состояніи оставить его безъ крайней „скорби, лучше захотѣлъ быть снѣдаемъ „оною, нежели видѣть Римъ отъ злодѣевъ „раззоряемымъ „

Сія рѣчь имѣла такой же успѣхъ, какъ и прочія рѣчи Цицероновы: Сексгій единогласно объявленъ былъ невиннымъ.

Кажется, сопряжено было съ участію Цицерона, что надлежало ему защищать тѣхъ, кои его самаго защищали; но онъ не былъ столько счастливъ, въ разсужденіи Милона, какъ въ разсужденіи многихъ другихъ. Милонъ былъ не виновнѣе другихъ; но надобно признаться, что политическія обстоятельства, имѣвшія великое вліяніе въ дѣла судныя, ему не благопріятствовали. Я уже сказалъ, что Клодій и Милонъ вели между собою войну среди самаго Рима: всякъ думалъ, что одинъ изъ двухъ долженствовалъ погибнуть. Цицеронъ во многихъ мѣстахъ рѣчи своей говоритъ о Клодіѣ, какъ о человѣкѣ, оставляемомъ имъ на жертву

Милону. Сей искалъ Консульства, а Клодій Преторства; послѣдній, для коего весьма не выгодно было видѣть непріятеля своего въ вышшемъ званіи, всенародно говорилъ, съ обыкновенною своею дерзостію, что черезъ три дня, Милона въ живыхъ не будетъ. Милонъ, казалось, рѣшился не щадить также и его. Однакожъ безъ намѣренія какъ съ той такъ и съ другой стороны, а единственно по случаю встрѣтились они между собою; при сей встрѣчѣ погибъ Клодій. Онъ возвращался верьхомъ изъ загороднаго дома, имѣя при себѣ около тридцати человѣкъ служителей; а Милонъ ѣхалъ въ Ланувія въ колескѣ съ женою своею; но провожатые его были въ большемъ числѣ и лучше вооружены. Сдѣлалась драка: Клодій, бывъ раненъ, и видя себя ослабѣвшимъ, удалился въ одну гостинницу, дабы избѣжать дальнѣйшей опасности. Но Милонъ не хотѣлъ пропустить удобнаго случая; онъ приказалъ своимъ мечебойцамъ вломиться въ тотъ домъ и убить Клодія. Въ государствѣ спокойномъ и благоустроенномъ такое убивство было бы не извинительно; но когда законы не сильны защитить жизнь гражданъ, тогда каждый входитъ въ естественные права для своего защищенія; въ такомъ точно положеніи находился Милонъ. Однако убитый былъ человѣкъ довольно важный, и не льзя было надѣяться, чтобъ родственники и друзья его оставили смерть его безъ отмщенія. Помпею, который имѣлъ тогда величайшую силу въ Римѣ, не неприятно было, что изба-

вили его отъ Клодія, никого не щадившаго; но въ то же время онъ показалъ довольно ясно свое желаніе сбыть съ рукъ и Милона, коего твердый и непреклонный характеръ не могъ, безъ сомнѣнія, нравиться всякому, кто ищетъ властвовать. Такое разположеніе Помпея, всѣмъ уже извѣстное, много повредило Милону. Сіе дѣло судимо было съ необыкновенными обрядами, и предъ безчисленнымъ множествомъ свидѣтелей, наполнявшихъ площадь. Народъ взлезалъ даже на кровли домовъ, чтобъ быть при судѣ семъ, а вооруженные воины, по приказанію Консула Помпея, окружали то мѣсто, гдѣ судьи засѣдали. Доносители были слушаны съ молчаніемъ; но лишь только всталъ Цицеронъ, чтобъ имъ отвѣтствовать, какъ крамола Клодіева, изъ подлѣйшей черни состоявшая, изпустила неистовые крики. Ораторъ, приобыкшій къ возклицаніямъ совсѣмъ другаго рода, смутился: онъ стоялъ нѣсколько времени неподвиженъ, и съ трудомъ наконецъ заставилъ себя слушать; но не могъ уже истребить въ себѣ перваго впечатлѣнія, которое ослабило все его слово и не позволило ему употребить всего искуства своего краснорѣчія.

Изъ пятидесяти судей, приняли сторону Милона только тринадцать; всѣ прочіе осудили его на изгнаніе. Между голосами, ему благопріятствовавшими, былъ, правда, такой, который одинъ стоилъ болѣе, нежели всѣ прописные. Катонъ мнѣніемъ сво-

имъ полагалъ оправдать его; и хотя былъ иногда Катонъ обвиняемъ въ излишней строгости, однако никогда не былъ упрекаемъ въ излишнемъ снизхожденіи. Онъ мнилъ, что Милонъ оказалъ услугу Республикѣ, избавивъ ее отъ непотребнаго гражданина. Того же мнѣнія былъ и Брутъ, который издалъ записки, въ которыхъ утверждалъ, что Клодій убитъ законно. Онъ даже совѣтовалъ Цицерону не отрицать ни дѣла ни намѣренія, и доказывать, что Милонъ, предпринявъ убить и убивъ Клодія, сдѣлалъ то, что сдѣлать былъ долженъ. Цицерону показался сей способъ защищенія слишкомъ отважентъ, и при тогдашнихъ обстоятельствахъ думалъ онъ справедливо. И такъ онъ сдѣлалъ другій оборотъ, и всѣ подробности произшествія искусно обратилъ на доказательство того, что Клодій нарочно ожидалъ Милона на дорогѣ Аппіевой, и что въ убивствѣ виновны только служители, дѣйствовавшіе безъ приказанія господина своего. Рѣчь его почитается образцемъ совершенства; но дошедшая до насъ не есть та самая, которая имъ произнесена. Онъ тогда столько оробѣлъ, что не могъ говорить съ такою силою. По сему, когда Милонъ, сносившій изгнаніе свое съ великимъ мужествомъ, получивъ отъ Цицерона слово сіе въ такомъ видѣ, какъ оно до насъ дошло, написалъ къ нему въ отвѣтъ: *благодарю тебя, что ты не говорилъ такъ хорошо прежде; естьли бы ты такъ говорилъ, то я не былъ бы въ Марсели толь вкусной*

рыбы. Человѣкъ, подвергавшійся участи своей съ такою рѣшительностію, заслуживалъ одобреніе отъ Катона и Брута.

Хотя Цицеронъ и не хотѣлъ основать своего защитительнаго слова по тому плану, который былъ ему предлагаемъ; однако не весь оный отвергаетъ, и доказавъ, сколько могъ, въ первой части слова, что для Клодія нужно было погубить Милона, и что онъ имѣлъ намѣреніе произвести то въ дѣйство; во второй, поступаетъ онъ далѣе, и пользуясь всѣми своими выгодами, и вспоминая о всѣхъ злодѣяніяхъ Клодія, утверждаетъ, что естьли бы Милонъ и напалъ на него явно, какъ на врага общественнаго, то заслужилъ бы не наказаніе по законамъ, а благодарность отъ народа Римскаго. Мнѣ кажется, поступилъ онъ какъ искусный ораторъ, основавъ свои доводы на предположеніи, а не на самомъ дѣлѣ. Было бы нѣсколько грубо, сказать прямо: *я хотѣлъ его убить и убилъ*; напротивъ того, представивъ соперника своего зачинщикомъ, злоумышленникомъ, будешь выслушанъ благосклоннѣе, сказавъ: *положимъ, что я и хотѣлъ лишить его жизни, но онъ самъ на то далъ мнѣ право.* Тогда говоришь уже умамъ приготовленнымъ, которые удобнѣе попустятъ увѣрить себя въ томъ же самомъ, что прежде могло бы ихъ взволновать и огорчить. Сія постепенность въ понятіяхъ, которыя представляемъ, и во впечатлѣніяхъ, какія произвести

хотимъ, есть одно изъ пайствъ риторскаго искуства. При осмотрительности и нужныхъ предвареніяхъ, получаемъ то, чего не могли бы мы достать откры̀тою силою. И такъ послѣ всѣхъ принятыхъ предосторожностей, Цицеронъ, кажется, торжествуя, говоритъ: „Ежели бы Т. Анній „держа въ рукахъ окровавленный мечь, вос„зопилъ теперь: *Придите и слышите,* „*граждане; я убилъ Клодія: сею рукою, силъ* „*желѣзомъ я удалилъ отъ главъ вашихъ* „*неистовство его, котораго уже никакими* „*законами, никакими пресѣченіями обез-* „*дать мы не могли; да чрезъ меня сохра-* „*нится въ городѣ вашемъ справедли-* „*вость, законы, свобода, цѣломудріе, честь:* „то можно ли бы опасаться, чтобъ такая „рѣчь принята была съ негодованіемъ? Да „и нынѣ кто не одобряетъ, кто не похва„ляетъ Аннія? Кто не говоритъ и не чув„ствуетъ, что никто и никогда не оказалъ „толикой услуги Республикѣ, и не причи„нилъ толикой радости народу Римскому, „цѣлой Италіи, и всѣмъ племенамъ, какъ „Т. Анній? Я не могу судить о древнихъ „торжествахъ Римскаго народа; уже и нашъ „вѣкъ видѣлъ преславныя величайшихъ пол„ководцевъ побѣды, изъ которыхъ ни одна „не принесла толь долговременной, ниже „толь полной радости. Припомните, Судіи; „я надѣюсь, что вы, такъ какъ и дѣти „ваши, увидите многія спасительныя пере„мѣны въ Республикѣ; но принуждены бу„дете признаться, что вы ни одной изъ „нихъ не увидѣли бы, естьли бы Клодій

„въ живыхъ остался. Мы имѣемъ великую,
„и, какъ я думаю, несомнѣнную надежду,
„что сей же самый годъ, при консулствѣ
„сего великаго мужа (т. е. Помпея), по
„обузданіи своевольства, по укрощеніи
„крамолъ, по возстановленіи законовъ и
„судилищъ, будетъ для насъ спасителенъ.
„Но какій безразсудный человѣкъ пона-
„дѣется, что бы сіе, при жизни Клодія,
„случиться могло? Что я говорю? Все,
„чѣмъ вы ни наслаждаетесь нынѣ, могли
„ли бы вы надолго сохранить, при господ-
„ствованіи неистоваго человѣка? Я не бо-
„юсь, Судіи, подать поводъ мыслить, буд-
„то бы возбужденъ бывъ частною враж-
„дою, вопію противъ него по пристрас-
„тію паче, нежели по справедливости.
„Ибо, хотя я особенно ненавидѣть его
„долженъ, но онъ былъ общій всѣмъ
„врагъ, такъ что личная моя ненависть
„не можетъ превышать общей къ нему
„ненависти. . . . . Выслушайте, Судіи:
„дѣло идетъ о убивствѣ Клодія; вооб-
„разите себѣ (ибо мысли наши свобод-
„ны, и могутъ, что хотятъ, представлять
„такъ, какъ мы видимъ предметы, глазамъ
„нашимъ предстоящіе) вообразите, говорю,
„какъ будто бы вы мнѣ обѣщаете простить
„Милона, но съ тѣмъ, чтобы Клодій ожилъ,
„естьли можно. Отъ чего измѣнялетесь въ
„лицахъ? Въ какое смущеніе привелъ бы
„онъ васъ, присутствіемъ своимъ, когда
„одно возпоминаніе о немъ толико ужа-
„саетъ? . . . .

Заключеніе сего слова Цицеронова признается почти отъ всѣхъ наипрекраснѣйшимъ. Самый обыкновенный предметъ сей послѣдней части защитительныхъ рѣчей, какъ извѣстно, есть тотъ, чтобъ возбудить въ судьяхъ жалость къ обвиняемому, и сему правилу какъ древніе, такъ и новѣйшіе ораторы послѣдуютъ. Естьли бы люди имѣли точное понятіе о правосудіи и о исполнителяхъ онаго, то бы никогда и ни у какого народа не было ораторовъ, кои, вмѣстѣ съ подсудимыми, припадаютъ къ ногамъ судей, и для смягченія ихъ, употребляютъ всевозможное искуство. Въ самомъ дѣлѣ, просить судей быть справедливыми, не есть ли для нихъ нѣкоторое оскорбленіе? Позволительно ли отъ сожалѣнія требовать того, чего отъ справедливости только ожидать должно; прибѣгать къ слезамъ, какъ будто бы не надѣясь на правость свою; забывать наконецъ, что исполнитель закона, тотъ, коего первый есть долгъ быть столь же безпристрастнымъ, какъ и самый законъ, долженъ отмщевать за невиннаго не по тому, что объ немъ жалѣетъ, а по тому, что его находитъ невиннымъ? Вотъ что могла бы сказать строгая философія! но краснорѣчіе такъ ясно понимало свои выгоды, что не могло основать ихъ на совершенствѣ, совсѣмъ почти мнимомъ.Ораторъ мыслилъ, что, ежели философія, по своимъ умозрѣніямъ, безъ опасности можетъ видѣть въ судьяхъ не иное что, какъ живый

законъ, то для него и для защищаемаго имъ дѣла, гораздо безопаснѣе видѣть въ нихъ только человѣковъ. Онъ помнилъ, что мы, по врожденному свойству, любимъ въ знакъ милости дѣлать то, чего можно бы требовать отъ насъ, какъ должнаго; что мы уступаемъ убѣжденію, какъ будто силѣ, а сожалѣніемъ увлекаемся, какъ будто собственнымъ удовольствіемъ; что легче возбудить нѣкоторую чувствительность, нежели найти великую справедливость и проницаніе; что мы гораздо меньше споримъ противъ сердца, нежели противъ разсудка своего, и что, когда оба они могутъ рѣшить участь обвиняемаго, то защитителю не остается ничего лучше дѣлать, какъ преклонить въ пользу свою и сердце и разсудокъ.

Цицеронъ все сіе совершенно понималъ, но исполненію онаго весьма много препятствовалъ характеръ и поведеніе Милона. Надобно, чтобъ между защитителемъ и защищаемымъ не было видно никакого противорѣчія; а гордый Милонъ, неустрашимый въ опасности, не хотѣлъ ничего того дѣлать, что обыкновенно дѣлали обвиняемые, для преклоненія судей въ свою пользу. Онъ не носилъ печальной одежды, не ходилъ ни къ кому съ просьбою, не оказывалъ ни малѣйшаго страха. Сіе могло бы весьма много разстроить обыкновеннаго оратора: а Цицеронъ обращаетъ въ пользу подсудимаго даже ту безпечность, которая, подобясь гордости, могла возбудить противъ него судей.

„Мнѣ остается только просить и мо-
„лить васъ, Судіи, что бы вы оказали мужу
„шоль неустрашимому милосердіе, котора-
„го онъ самъ не проситъ, а я, пропивъ
„воли его, прошу и домогаюсь. Ежели, при
„общемъ плачѣ нашемъ, ни одной слезы не
„видѣли вы на глазахъ Милона, ежели ни-
„какой перемѣны на лицѣ, въ голосѣ и рѣ-
„чахъ его не примѣтили; вы не должны
„для сего быть къ нему менѣе милости-
„вы: да и не знаю, не болѣе ли чрезъ то
„заслуживаетъ онъ вашу благосклонность.
„Ибо, ежели въ сраженіяхъ мечебойцевъ,
„въ семъ состояніи людей низкихъ и под-
„лыхъ, обыкновенно презираемъ робкихъ
„и о пощадѣ жизни просящихъ; храбрыхъ
„же и опважныхъ, безбоязненно на смерть
„идущихъ, сохранить желаемъ, ежели мы
„о тѣхъ, которые въ насъ сожалѣнія
„не ищутъ, жалѣемъ болѣе, нежели о тѣхъ,
„кои просятъ онаго съ покорностію: то
„кольми паче къ гражданамъ мужествен-
„нымъ должны мы имѣть таковое чув-
„ствованіе. Признаюсь, Судіи, меня мучатъ
„и терзаютъ сіи Милоновы слова, кото-
„рыя непрестанно слышу, и при кото-
„рыхъ нахожусь повсядневно. Прощайте,
„прощайте, говоритъ, сограждане мои; про-
„щайте, будьте невредимы, процвѣтайте,
„блаженствуйте: да стоитъ невредимо
„сей градъ преславный, мое любезнѣйшее
„отечество, какъ ни будетъ поступлено
„со мною. Когда мнѣ съ гражданами жить
„не позволяется, да наслаждаются они

„спокойствіемъ, хотя безъ меня, но чрезъ „меня. Я отлучусь и удалюсь отсюда. Еже„ли мнѣ въ доброй Республикѣ жить не „можно, то, по крайней мѣрѣ, худой не „увижу: и коль скоро найду какій либо „благоустроенный и свободный городъ, „тамъ и успокоюсь. О коль тщетны пру„ды, подъятые мною! О коль обманчива на„дежда! о коль суетны помышленія мои! „бывъ Трибуномъ народнымъ въ угнѣтен„ной Республикѣ, я посвятилъ всего себя „на услуги Сенату, который потерялъ всю „власть свою, рыцарямъ Римскимъ, кото„рыхъ силы изтощены были, добрымъ гра„жданамъ, которые отъ происковъ Клодіе„выхъ, все достоинство свое утратили: „тогда могъ ли я думать, чтобъ всѣ благо„мыслящіе оставили меня безъ помощи? „Я, который возвратилъ тебя, Цицеронъ, „(ибо онъ часто обращаетъ ко мнѣ рѣчь „свою) отечеству, воображалъ ли я, что „мнѣ въ отечествѣ не будетъ мѣста. Гдѣ „теперь Сенатъ, сторону коего мы съ то„бой держали? гдѣ рыцари Римскіе, тѣ вѣр„ные друзья твои, Тулліи? Гдѣ усердіе го„родовъ союзныхъ? Гдѣ возклицанія Ита„ліи? Гдѣ наконецъ голосъ твой, помощію и „защитою премногимъ бывшій? Не ужели „мнѣ одному, за тебя толикократно смер„ти подвергавшемуся, не можешь оный „принесши никакой пользы?

„Чего не могу я безъ слезъ повторить „предъ вами, Судіи, онъ говоритъ то съ

„такимъ спокойствіемъ, какое видите на „лицѣ его. Ибо не хочетъ вѣрить, чтобъ „граждане были къ нему неблагодарны: „онъ почитаетъ ихъ только слабыми и бо„язливыми. Вспоминаетъ онъ, что привлекъ „на свою сторону простый народъ, кото„рый, по наущенію Клодія, могъ бы разгра„бить имѣнія ваши, и что для общей без„опасности, оный, не только добродѣ„телю, но и пожертвованіемъ трехъ сво„ихъ помѣстій преклонилъ. Онъ говоритъ, „что въ то самое время Сенатъ часто „оказывалъ къ нему свое благоволеніе; и „что воспоминаніе усердія, ревности и „благодарности вашей и всѣхъ сословій по„несетъ онъ съ собою, куда судьба ни по„ведетъ его. . . Онъ присовокупляетъ, да „и справедливо, что великіе и муд„рые мужи не столько о наградѣ за доб„рыя дѣла помышляютъ, сколько самыми „дѣлами услаждаются; что онъ въ жизни „своей знаменитѣйшимъ дѣломъ отличился, „ежели нѣтъ ничего славнѣе, какъ спасти „отечество свое отъ опасности: что бла„женны тѣ, кои почтены за то отъ сограж„данъ своихъ; но что не должно сожа„лѣть и о тѣхъ, кои гражданъ своихъ пре„взошли блогодѣяніями: но что изъ всѣхъ „наградъ, ежели потребны награды для до„бродѣтели, наивеличайшая награда есть „слава: что она одна, при краткости жизни, „будущимъ воспоминаніемъ пополняетъ утъ„шаетъ: она одна дѣлаетъ, что отсутствуя, „присутствуемъ, и будучи мертвы, живемъ:

„что наконецъ ею одною, какъ лѣствицею,
„возносятся люди до небесъ.

„Обо мнѣ, продолжаетъ Милонъ, и на-
„родъ Римскій и всѣ прочіе народы гово-
„рить будутъ; не умолчитъ обо мнѣ по-
„томство. Даже нынѣ, когда непріятели
„мои всемѣрно стараются возбудить про-
„тивъ меня завить, во всякомъ собраніи
„слышу себѣ поздравленія, благодарность и
„похвалы. Я не говорю о празднествахъ,
„въ честь мнѣ отправленныхъ или опредѣ-
„ленныхъ въ Етруріи: нынѣ сотый день,
„какъ погибъ Клодій: но уже до предѣловъ
„Римскаго владѣнія не только слухъ о смер-
„ти его, но и радость достигла. По чему,
„гдѣ бы я ни былъ тѣломъ, о томъ не
„скорблю; ибо слава имени моего уже по
„всему свѣту носится, и никогда не бу-
„детъ забвенна.

„Сіе ты говаривалъ мнѣ неоднократно
„въ неприсутствіи сихъ слушателей: те-
„перь при нихъ я буду отвѣтствовать те-
„бѣ, Милонъ. Твои благородныя чувствова-
„нія, конечно, превыше похвалъ моихъ; но
„чѣмъ превосходнѣе добродѣтель твоя,
„тѣмъ съ большимъ прискорбіемъ разлуча-
„юсь съ тобою. И, ежели ты отъ меня
„похищенъ будешь, не останется мнѣ да-
„же и того печальнаго утѣшенія, чтобъ я
„могъ ненавидѣть тѣхъ, кои нанесутъ
„мнѣ толь жестокій ударъ. Ибо не непри-
„ятели мои тебя со мною разлучатъ, но

„лучшіе друзі", не зла когда либо мнѣ же-
„лавшіе, но всегда благопріятствовавшіе.
„Нѣтъ, Судіи, каковую бы скорбь вы
„мнѣ ни нанесли (хотя больше сей и быть
„не можетъ), но я никогда не забуду бла-
„годѣяній вашихъ. Ежели вы сами о томъ
„забыли, или я чѣмъ нибудь оскор-
„билъ васъ, то для чего не наказать меня
„паче, нежели Милона? Я почелъ бы себя
„блаженнымъ, естьли бы мое собственное
„несчастіе не допустило меня быть сви-
„дѣтелемъ толикаго бѣдствія его.

„Нынѣ остается мнѣ то одно утѣше-
„ніе, что въ разсужденіи тебя, Анній, ис-
„полнилъ я всѣ должности и любви, и
„дружбы, и благодарности. Для тебя, я не-
„нависть сильныхъ презиралъ; за тебя ча-
„сто жизнь мою оружію враговъ твоихъ
„подвергалъ; для тебя я многихъ изъ нихъ
„съ покорностію просилъ; для вспомоще-
„ствованія тебѣ, я не щадилъ моего и дѣ-
„тей моихъ имѣнія; наконецъ, въ самый
„сей день ежели какое насильство угото-
„вано, ежели какая опасность угрожаетъ
„жизнь твою, я все то на свою голову при-
„зываю. Что еще остается? Что могу
„воздать тебѣ за оказанныя мнѣ благодѣя-
„нія? Раздѣлять съ тобою участь твою,
„сколь бы жестока ни была она? Не отри-
„чаюсь отъ сего, не отказываюсь; и васъ,
„Судіи, умоляю, ваши ко мнѣ благодѣянія
„или сохраненіемъ Милона еще болѣе умно-

„жить, или оныя несчастіемъ его уничтожен-
„ными увидите. Сими слезами не трогает-
„ся Милонъ; онъ имѣетъ нѣкоторую невѣ-
„роятную твердость духа. Онъ ссылкою по-
„читаетъ только то мѣсто, гдѣ нѣтъ при-
„бѣжища для добродѣтели, смерть же пре-
„дѣломъ жизни, а не наказаніемъ. Да оста-
„нется онъ съ тѣми чувствованіями, какія
„получилъ отъ природы! но вы, Судіи, вы
„въ какомъ разположеніи духа останетесь?
„Память о Милонѣ сохраните, а его сама-
„го изгоните? И сыщется на земли мѣсто,
„служитъ убѣжищемъ сему великому мужу
„достойнѣйшее, нежели та страна, кото-
„рая произвела его? Васъ, васъ призываю,
„прехрабрые мужи, за Республику много
„крови пролившіе: къ вамъ, сотники и ря-
„довые, къ вамъ обращаюсь при бѣдствіи
„мужественнаго гражданина; или уже не
„только при вашемъ присутствіи, но и
„при защищеніи судилища сего оружіемъ
„вашимъ, толь великая добродѣтель изъ
„града изгонится, изкоренится, изверже-
„ся? О я бѣдный! о несчастный! возвра-
„тить меня въ отечество ты могъ чрезъ
„сихъ самыхъ судей; а я тебя въ отече-
„ствѣ удержать чрезъ нихъ же не могу!
„Что буду отвѣтствовать дѣтямъ моимъ,
„которые тебя за втораго отца почита-
„ютъ? Что тебѣ, любезный мой братъ, по
„возвращеніи твоемъ, тебѣ, который уча-
„ствовалъ въ горести бѣдственныхъ дней
„моихъ. Скажу имъ, что я не могъ спасти

„Милона чрезъ тѣхъ, чрезъ которыхъ онъ
„насъ сохранилъ? Да и по какому дѣлу? по
„дѣлу, вообще всѣмъ пріятному. И предъ
„кѣмъ не могъ защитить его? предъ тѣми,
„кои наиболѣе приобрѣли пользы отъ смер-
„ти Клодіевой. И по чьей просьбѣ? по мо-
„ей. Какое преступленіе учинилъ я? На ка-
„кое посягнулъ злодѣяніе, Судіи, когда па-
„губный заговоръ Катилининъ открылъ,
„изслѣдовалъ, обнаружилъ, уничтожилъ?
„Отъ сего источника на меня и на прис-
„ныхъ моихъ произтекаютъ всѣ напасти.
„Для чего возвратили вы меня изъ ссылки?
„Не уже ли для того, чтобъ мнѣ видѣть
„изгнаніе тѣхъ, посредствомъ коихъ воз-
„вращенъ я въ отечество? Не допустите,
„прошу васъ, чтобъ возвращеніе мое было
„для меня горестнѣе, нежели мое изгнаніе.
„Ибо могу ли почесть себя возвращеннымъ
„изъ ссылки, ежели разлучаюсь съ винов-
„никами моего возвращенія? Да благово-
„лятъ безсмертные боги, (прости мнѣ лю-
„безное отечество, ибо я боюсь, чтобъ го-
„воря за Милона, не сказать противъ те-
„бя чего нибудь законопреступнаго) да бла-
„говолятъ боги, что бы Клодій былъ не
„только въ живыхъ, но и Преторомъ, Кон-
„суломъ, Диктаторомъ паче, нежели мнѣ
„быть свидѣтелемъ позорища сего! О без-
„смертные боги! о Римляне! сохраните
„сего достойнаго мужа. Нѣтъ, нѣтъ, гово-
„ритъ Милонъ: Клодій понесъ должное на-
„казаніе; а я, естьли нужно, подвергнусь
„участи, которой не заслужилъ. И сей

„человѣкъ, для отечества рожденный, ум-
„ретъ внѣ отечества! и, быть можетъ ум-
„ретъ за отечество! Таковую твердость ду-
„ха его вы въ памяти сохраните, а тѣ-
„лу его имѣть гробъ въ Италіи не попу-
„стите! и вы всѣ подадите голоса свои
„на изгнаніе изъ вашего города того,
„коего, по изгнаніи, всѣ города къ себѣ
„призывать, безъ сомнѣнія, будутъ! о бла-
„женная земля, принять къ себѣ мужа се-
„го имѣющая! о неблагодарная страна, его
„изгоняющая! нещастная, его теряющая!
„Но окончимъ: ибо отъ слезъ и говорить
„уже не могу; а Милонъ слезами защища-
„емъ быть не хочетъ. Прошу и молю васъ,
„Судіи, учинить приговоръ сообразный ис-
„тиннымъ чувствованіямъ вашимъ. Вашу
„твердость, справедливость, нелицеприя-
„тіе, повѣрьте мнѣ, безъ сомнѣнія одоб-
„ритъ тотъ, (Копс. Помпей) который, ме-
„жду избираемыми къ сему дѣлу судіями,
„избралъ безкорыстнѣйшихъ, мудрѣйшихъ
„и непоколебимѣйшихъ.

Чѣмъ чаще прочитываю удивительную рѣчь сію, тѣмъ болѣе увѣряюсь, по примѣру Милона, что ежели бы Цицеронъ подлинно показалъ въ дѣлѣ семъ обыкновенную свою твердость, то возторжествовалъ бы надъ всѣми робкими или пристрастными мѣрами, которыя могли дѣйствовать противъ обвиняемаго. Сіе заключеніе рѣчи, гдѣ ораторъ, не могши просить милосердія тому, который отвергалъ оное, разсу-

диль просить за самаго себя; представиль въ себѣ лице просителя съ тѣмъ, чтобъ обратить вниманіе на обвиняемаго, и обнаружиль въ пользу Милона всѣ пособія, которыхъ сей употребить не хотѣлъ, оставивъ при немъ честь твердости его; сіе, говорю, заключеніе, есть самый искусный и единственный оборотъ въ витійствѣ.

Ежели въ семъ дѣлѣ не достало потребной рѣшительности оратору, то показалъ онъ много твердости противъ Антонія, который былъ врагъ Республики и его собственный; и по сему сугубому побужденію написалъ онъ славныя рѣчи, подъ названіемъ *Филиппическихъ* изданныя. Такъ назвалъ онъ ихъ по тому, что въ нихъ старался возбудить Римлянъ противъ Антонія, какъ Димосѳенъ возбуждалъ Аѳинянъ противъ Филиппа. Ихъ всѣхъ четырнадцать, и онѣ всѣ прекрасны. Но вторая особенно была славна между Римлянами; она почиталась за *божественное твореніе*, такъ какъ называетъ ее Ювеналъ. Она никогда произнесена не была; но ходила изъ рукъ въ руки въ Римѣ и во всей Италіи; всѣ читали ее съ жадностію. Антоній никакъ не хотѣлъ простить за то сочинителю, и сіе было главною причиною смерти его. Однакожъ зачинщикомъ былъ Антоній; онъ самъ навлекъ на себя такое мщеніе произнесеннымъ въ Сенатѣ ругательствомъ противъ Цицерона, бывшаго въ отсутствіи. Оракоръ не имѣлъ привычки

сноситъ подобныя обиды; онъ весьма много полагался на свое оружіе. Не льзя сказать, что бы сей родъ краснорѣчія былъ самый трудный: хула и укоризна естественно бываютъ сильны и стремительны, и сатирическія изображенія нравятся злорѣчивымъ. Но сей родъ сочиненія дѣлается важнымъ и почтеннымъ, когда идетъ дѣло о пользѣ общественной. Война противъ злыхъ становится тогда званіемъ человѣка честнаго, и должность оратора гражданина есть говорить ко врагамъ отечества такъ, что бы привести ихъ въ робость, и описать ихъ такими черпами, которыя заставили бы ихъ стыдиться самихъ себя. Сіе то самое дѣлаетъ Цицеронъ въ сей вѣчно незабвенной рѣчи, въ коей описываетъ жизнь Антонія съ самыхъ юныхъ его лѣтъ. Нравственныя такого рода наказанія составляютъ месть общественную, которую произвесть въ дѣйство можетъ одно только дарованіе, когда оно соединено съ мужествомъ. Не льзя упрекать Цицерона недостаткомъ онаго въ сіе подлинно опасное время; поелику Антоній былъ тогда всесиленъ. „Еще въ молодыхъ лѣ„тахъ защищалъ я Республику; не остав„лю ее и въ моей старости.“ Я презиралъ „убивственные мечи Катилины; не у„страшуся и твоихъ.„ Такъ изъясняется онъ въ концѣ рѣчи; и то есть не пустое самохвальство, но истинное чувствованіе. Съ сего времени Цицеронъ, кажется, обрекъ себя на смерть. Во всю Моденскую

войну, былъ онъ душею Республики, и совершенно управлялъ Сенатомъ, коего всѣ опредѣленія основывались на его мнѣніяхъ. Извѣстно, что война сія окончилась примиреніемъ Антонія съ Октавіемъ, и одна изъ первыхъ статей договора заключала опредѣленіе Цицерона на смерть, которая была столько же славна, какъ и жизнь его.

Другія *Филиппическія* рѣчи принадлежатъ къ роду, *Совѣщательнымъ* называемому, и большая часть изъ нихъ содержитъ одно только мнѣнія, которыя подавалъ Цицеронъ въ Сенатѣ, когда было разсуждаемо, какія мѣры нужно принять относительно Антонія, который осаждалъ тогда Децима Бруша въ Моденѣ. Дабы почувствовать все достоинство сихъ политическихъ изслѣдованій, надобно весьма точно и подробно знать исторію того времени; и выписка, какую можно бы изъ нихъ сдѣлать, потребовала бы толь многихъ толкованій, что ослабилось бы производимое краснорѣчіемъ дѣйствіе, которое не можетъ быть чувствуемо живо, ежели предметъ имѣетъ нужду въ объясненіи. Я выпишу только нѣкоторыя мѣста изъ рѣчи, говоренной предъ Сенатомъ, къ Цезарю Диктатору тогда, какъ онъ согласился возвратить изъ ссылки Марцелла, своего жесточайшаго непріятеля. Часть сей рѣчи состоитъ изъ одной похвалы Цезарева милосердія: похвала остроумная и благородная, безъ

увеличенія и ласкательства; и то, что говоритъ Ораторъ, оканчивая рѣчь, служитъ наилучшимъ отвѣтомъ, какій только можно дать тѣмъ, кои порицаютъ его излишнимъ угожденіемъ Цезарю.

„Итакъ, Цезарь, я съ сожалѣніемъ слы„шалъ отъ тебя сіи достопамятныя и муд„рыя слова: *Я довольно жилъ и для при„роды и для славы.* Довольно, естьли „такъ хочешь, для природы; довольно да„же для славы, ежели угодно: но, что го„раздо важнѣе, весьма мало для отечества. „По чему оставь, прошу, сіе ученыхъ му„жей въ презрѣніи смерти благоразуміе: „не будь мудръ со вредомъ нашимъ. Ибо „до ушей моихъ неоднократно доходило, „что ты повторяешь часто: *я довольно „жилъ для себя.* Повѣрю: но я тогда слу„шалъ бы сіе равнодушно, когда бы ты „жилъ, или родился для одного себя. Нынѣ „же, когда спасеніе всѣхъ гражданъ и „участь всей Республики зависятъ отъ „дѣлъ твоихъ, ты не только не совер„шилъ величайшихъ трудовъ твоихъ, но „ниже основанія имъ не положилъ. Ты ли „долготу дней твоихъ не благоденствіемъ „Республики, а величіемъ духа измѣрять „будешь? А что, ежели скажу, что сего „не довольно и для славы твоей, которую „ты, не смотря на любомудріе свое, какъ „и самъ признаешься, всему предпочитаешь? „Развѣ мало оставлю я славы, скажешь „ты? Конечно, для другихъ, и даже для

„многихъ довольно, только для тебя одно-
„го мало. Ибо все то и при своей велико-
„сти, еще маловажно, когда нѣчто боль-
„шее учинить остается. Ежели великіе
„подвиги твои, Цезарь, окончатся тѣмъ,
„что ты, побѣдивъ враговъ, оставишь оте-
„чество въ такомъ состояніи, въ какомъ
„оно находится нынѣ; то берегись, чтобъ
„богоподобныя дѣла твои не приобрѣли
„удивленіе паче, нежели истинную славу,
„ежели оная состоитъ въ знаменитой и
„повсюду разсѣявшейся молвѣ о многихъ и
„великихъ заслугахъ, оказанныхъ или сво-
„имъ согражданамъ, или цѣлому отечест-
„ву, или всему роду человѣческому. И такъ
„остается тебѣ еще подвигъ: тебѣ надле-
„житъ привести Республику въ порядокъ,
„и тогда уже насладись спокойствіемъ и
„тишиною. . . . Твоя жизнь не должна
„имѣть обыкновенный предѣлъ человѣкамъ:
„она должна быть такова, чтобъ не заб-
„венна была во всѣхъ вѣкахъ, чтобъ пре-
„бывала во всегдашней памяти у потомства,
„и чтобъ самая вѣчность щадила ее. Тебѣ
„надлежитъ прудиться для потомковъ,
„имъ показать себя великимъ: они имѣ-
„ютъ въ тебѣ уже много, чему удивлять-
„ся могутъ; но ожидаютъ еще и того, что
„одобрить бы могли. И подлинно они бу-
„дутъ поражены удивленіемъ, слыша и чи-
„тая о завоеванныхъ тобою государствахъ,
„областяхъ, о безчисленныхъ сраженіяхъ,
„невѣроятныхъ побѣдахъ на Рейнѣ, Нилѣ,
„Океанѣ, о несчетныхъ памятникахъ и

„торжествахъ твоихъ. Но ежели Республика твоимъ благоразумiемъ и твоими „разпоряженiями не утвердится, то имя „твое хотя далеко и надолго пронесется, „однако опредѣленнаго и постояннаго меж„ду великими именами мѣста имѣть не „будетъ. Ты будешь для нашихъ потом„ковъ, какъ и для насъ былъ, предметомъ „великаго несогласiя; одни превознесутъ „дѣла твои похвалами до небесъ: а другiе „скажутъ, что не доставало въ тебѣ слав„нѣйшаго, ежели, для спасенiя отечества, „пламень междуусобной войны не поту„шишь: скажутъ, что успѣхи могли зави„сѣть отъ счастiя, а сiе отъ благоразумiя. „Итакъ остерегайся и тѣхъ судей, кои „по прошествiи многихъ вѣковъ судить о „тебѣ будутъ, и, можетъ быть, справед„ливѣе, нежели мы судимъ: ибо они ни „любовiю, ни корыстолюбiемъ, ни ненави„стiю, ни завистiю ослѣплены быть не мо„гутъ.

Теперь я вопрошаю у всѣхъ тѣхъ, кои ставятъ въ порокъ Цицерону, что хвалилъ онъ Цезаря: такъ ли говоритъ ласкатель, рабъ? Не такъ ли изъясняется человѣкъ, равно чувствительный и къ добродѣтелямъ Цезаря и къ пользѣ отечества, и который отдаетъ справедливость одному, а другое любитъ; который, похваляя похитителя власти за доброе употребленiе оной, внушаетъ ему, что первый его долгъ есть очищать ее закономъ? Надлежало ли ему

не чувствовать того милосердія, которое насъ еще и нынѣ трогаетъ? Я знаю, что строгій республиканецъ, каковъ Брутъ, Катонъ, возразитъ мнѣ, что не должно ничего хвалить въ Тиранѣ, что самое милосердіе его есть оскорбленіе, что первое изъ его злодѣяній есть то, что можетъ онъ прощать. Я понимаю сію гордость людей, свободными рожденныхъ, въ которыхъ любовь къ вольности, съ матернимъ млекомъ воспріятая, заглушаетъ всякое другое чувствованіе. Но сей избытокъ республиканской непреклонности есть ли долгъ непреложный? Не къ характеру ли паче, нежели ко нравственности отнести его надлежитъ? Развѣ не можно положить оному нѣкотораго предѣла, нѣкоторой мѣры, не учинивъ себя подлымъ или виновнымъ? Развѣ не льзя любить свободы и отечества, не затворивъ вовсе сердца своего побужденіямъ чувствительности и благодарности? Всѣ тѣ Сенаторы, которые вскорѣ потомъ умертвили Цезаря, повергались тогда къ ногамъ его, прося у него прощенія Марцеллу. Естьли онъ въ глазахъ ихъ виновенъ тѣмъ, что могъ прощать, то для чего они его о томъ просили? Надлежитъ быть основательнымъ: ежели все, получаемое отъ Тиранна, наноситъ безчестіе, то и просить чего нибудь у него, подло. Но трудно согласоваться съ самимъ собою въ правилахъ, изъ мѣры вышедшихъ. Цицеронъ, коего порицали неосновательностію постунка, мнѣ кажется, не заслужилъ, какъ и всѣ Се-

наторы, сей укоризны. Когда онъ, въ послѣдствіи, похвалялъ убицъ Цезаревыхъ какъ отмстителей Рима и вольности, значило ли, по словамъ многихъ, самому себѣ противорѣчить? Онъ могъ отвѣтствовать: я хвалилъ въ великомъ мужѣ то, что было въ немъ похвальнаго. Я охуждалъ явно самовластіе его, и увѣщевалъ отрещись отъ онаго. Я желалъ, что бы онъ былъ добродѣтельнѣе, естьли бы въ живыхъ остался: онъ принесенъ на жертву вольности Рима: я Римлянинъ: благодарю отмстителей нашихъ. Но когда Цезарь возвращалъ мнѣ друга моего, тогда я былъ человѣкъ, и благодарилъ того, который дѣлалъ добро, имѣя силу дѣлать зло.

Съ удовольствіемъ видимъ въ исторіи многія доказательства той взаимной склонности, какую Цезарь и Цицеронъ всегда имѣли другъ къ другу. Сіи двѣ великія души долженствовали себя знать и понимать обоюдно, хотя Цезарь не могъ любить въ Цицеронѣ защитника законовъ и Республики, а Цицеронъ не могъ терпѣть въ Цезарѣ врага и утѣснителя ихъ. Они сближались по характеру, хотя и отдалялись по своимъ правиламъ. Они имѣли одинакую любовь къ славѣ, одинакую склонность къ наукамъ, одинакое основаніе кротости и добродушія. Безъ сомнѣнія, есть и другаго рода достоинство, другаго рода величіе: я не хочу унижать Катона и Брута: я почитаю ихъ; но естьли нужно иногда и ихъ извинять въ строгихъ добродѣтеляхъ ихъ, то для

чего не извинитъ Цицерона въ добродѣтеляхъ умѣренныхъ, и даже Цезаря въ ироическихъ и блистательныхъ проступкахъ его? Нѣтъ ничего совершеннаго въ человѣкѣ; ему все дано съ мѣрою: соблюдемъ оную и мы въ сужденіяхъ нашихъ. Не станемъ, превозносить одной добродѣтели, для униженія другой: онѣ всѣ драгоцѣнны: всѣ приносятъ честь природѣ человѣческой, и всѣмъ имъ отдавать должное почтеніе есть почитать самаго себя.

Я уже далеко отступилъ, защищая Цицерона: возвращусь къ его дарованіямъ. То, что вы слышали объ немъ, подаетъ лучшее о немъ понятіе и составляетъ ему лучшую похвалу, нежели все то, что сказать бы я могъ; впрочемъ, дабы достойно возхвалить Цицерона, говоритъ Титъ-Ливій, потребенъ другій Цицеронъ. А такова не имѣя, послушаемъ Квинтиліана, который, говоря о Латинскихъ Ораторахъ, изъясняется такъ: „Римъ можетъ похва„литься, что онъ особливо въ краснорѣчіи „сравнялся съ Греціею. Въ самомъ дѣлѣ, „всѣмъ величайшимъ ея Ораторамъ смѣло „противопоставлю я одного Цицерона. Не „безъизвѣстно мнѣ, какія возраженія ожи„даютъ меня со стороны приверженцевъ „Димосѳеновыхъ; но я не намѣренъ дѣлать „здѣсь сего сравненія, безполезнаго для „предмета моего, поелику я самъ повсюду „упоминаю о Димосѳенѣ, какъ объ одномъ „изъ первыхъ писателей, которыхъ читать,

„или паче, знать наизусть должно. Я замѣ-
„чу только, что большая часть качествъ
„вящіи въ нихъ обоихъ находится въ рав-
„ной степени, какъ-то: благоразуміе, об-
„разъ и порядокъ въ раздѣленіяхъ, искуст-
„во въ приуготовленіяхъ, разположеніе до-
„казательствъ, словомъ, все, что ни отн-
„носится къ изобрѣтенію. Въ выраженіи
„мыслей есть нѣкоторая разность. Одинъ
„изблизка тѣснитъ своего противника,
„другой избираетъ пространнѣйшее поле
„для сраженія. Одинъ употребляетъ всегда
„остріе своего оружія, другой часто даетъ
„чувствовать также и тяжесть онаго. Ни-
„чего не льзя отнять у одного, ничего при-
„бавить въ другомъ. Больше обработаннаго
„въ Димосѳенѣ, больше естественнаго въ
„Цицеронѣ; сей видимо превозходитъ въ
„забавномъ и поразительномъ, въ двухъ
„сильныхъ пособіяхъ искусства ораторскаго.
„Можетъ быть, скажетъ кто, что обы-
„чаи и законы Аѳинскіе не позволяли Гре-
„ческому Оратору тѣхъ прекрасныхъ въ
„рѣчахъ заключеній, какія дѣлалъ нашъ ви-
„тія; но и языкъ Аттическій доставлялъ
„ему такія выгоды и красоты, какихъ Латин-
„скій не имѣетъ. До нашихъ временъ дошли
„писанія того и другаго: нѣтъ никакого
„сравненія между ими. Съ другой стороны,
„Димосѳенъ имѣетъ великое преимущест-
„во въ томъ, что жилъ прежде, и боль-
„шею частію способствовалъ Цицерону
„сдѣлаться таковымъ, каковъ онъ есть.
„Онъ началъ ревностно подражать Грекамъ,

„и въ одномъ себѣ, мнѣ кажется, предста-
„вилъ намъ силу Димосѳенову, обилiе Пла-
„тоново и сладость Исократову. Но не чте-
„нiемъ твореній ихъ приобрѣлъ онъ то,
„что въ каждомъ изъ нихъ находится: онъ
„все то получилъ отъ самаго себя и отъ
„сего высокаго ума, который рожденъ для
„соединенiя всѣхъ качествъ. Можно сказать,
„что онъ образованъ по особенному пред-
„опредѣленiю промысла, который хотѣлъ
„показать, до какого совершенства достиг-
„нуть можетъ краснорѣчiе. И дѣйствитель-
„но, кто лучше умѣетъ объяснить исти-
„ну? кто умѣетъ сильнѣе возбудить стра-
„сти? какiй писатель имѣлъ когда либо
„столько прелести? То, что изторгаетъ
„силою, получаетъ, кажется, отъ доброй
„воли, и когда увлекаетъ насъ со стреми-
„тельностiю, намъ мнится, что слѣдуемъ
„за нимъ непринужденно. Что ни говоритъ
„онъ, то все сопровождается толь убѣди-
„тельными доводами, что стыдно не быть
„съ нимъ одного мнѣнiя. Онъ не походитъ
„на разгорячѣннаго спрянчаго; онъ есть
„свидѣтель, истину объясняющiй; онъ есть
„судiя, приговоръ произносящiй; и всѣ сiи
„разнообразныя дарованiя, приобрѣтенiе ко-
„ихъ потребовало бы долговременныхъ тру-
„довъ отъ всякаго другаго, ему, кажется,
„ничего не стоили, и при совершенствѣ
„слога своего, сохраняетъ онъ всю прият-
„ность любезной непринужденности. Итакъ
„справедливо, между современниками сво-
„ими, почитался онъ *первенствующимъ*

„*витіею*, а между потомками имя его сдѣ-
„лалось именемъ самаго краснорѣчія. Бу-
„демъ же всегда имѣть его предъ глазами,
„какъ образецъ, подражанія достойный; и
„кто полюбитъ Цицерона, тотъ можетъ
„быть увѣренъ, что успѣлъ уже доволь-
„но.„

Я помѣстилъ здѣсь сей превосходный *отрывокъ* тѣмъ охотнѣе, что въ немъ, кажется, выражены вѣрно тѣ чувствованія, какія имѣемъ мы всѣ, читая Цицерона. Видно, что во время Квинтиліаново, такъ какъ и нынѣ, назывался Цицерономъ всякій краснорѣчивый человѣкъ, равно какъ мы называемъ кого либо Цезаремъ, когда хотимъ дать понятіе о величайшемъ мужествѣ. Таковыя наименованія, по прошествіи толь многихъ вѣковъ сдѣлавшіяся простонародными, принадлежатъ только достоинству, вообще всѣми признанному и чувствуемому. Однакожъ Фенелонъ отдаетъ преимущество Димосѳену предъ Цицерономъ, и онъ не одинъ, какъ видѣть можно, сего мнѣнія, поелику и въ то время, когда писалъ Квинтиліанъ, многіе также думали. Вотъ что говоритъ о семъ Фенелонъ:

„Я скажу, не обинуясь, что Димос-
„ѳенъ кажется для меня выше Цицерона.
„Впрочемъ, торжественно объявляю, что
„никто столько не удивляется Цицерону,
„какъ я. Онъ все украшаетъ, до чего ни
„коснется; онъ дѣлаетъ изъ словъ такое
„употребленіе, какого другій сдѣлать бы
„не умѣлъ; его острота и разумъ много-

„различны. Онъ бываетъ даже кратокъ и „стремителенъ, когда таковымъ быть за„хочетъ, на примѣръ, противъ Катилины, „Верреса, Антонія; но примѣчается въ его „рѣчахъ нѣкоторое излишное украшеніе. „Искуство въ нихъ удивительно; но оно „примѣтно. Ораторъ, помышляя о спасеніи „Республики, не забываетъ, и не допускаетъ „забывать самаго себя. Димосѳенъ же, ка„жется, выходитъ изъ себя, и не видитъ „ничего, кромѣ отечества. Онъ не ищетъ „блеску; онъ производитъ блистательныя „дѣла, не думая объ нихъ: онъ превыше „удивленія. Онъ употребляетъ даръ слова „такъ, какъ скромный человѣкъ употреб„ляетъ одежду для прикрытія тѣла своего. „Онъ гремитъ, онъ поражаетъ. Онъ подо„бенъ потоку, все увлекающему. Слушающій „не можетъ найти въ немъ погрѣшностей, „поелику другимъ занятъ бываетъ. Слуша„ющій обращаетъ свое вниманіе на дѣла, „о которыхъ онъ говоритъ, а не на слова „его. Самъ онъ совсѣмъ теряется изъ виду: „одинъ Филиппъ предъ глазами, Филиппъ „все заграбить стремящійся. Я плѣняюсь „сими двумя Ораторами; но признаюсь, что „не столько прогаюсь безконечнымъ искус„твомъ и великолѣпнымъ краснорѣчіемъ „Цицерона, сколько стремительною про„стотою Димосѳена.„

Димосѳенъ и Цицеронъ суть два великіе оратора: Квинтиліанъ, и Фенелонъ, два великіе цѣнители: кто осмѣлится быть

ихъ судіею? Конечно, я далекъ отъ сего; и даже думаю, что трудно доказать ясными и достаточными доводами, кому отдать преимущество, Римскому ли Оратору, или Аѳинскому. Въ такомъ случаѣ разборчивость ума не имѣетъ опредѣленной мѣры, а надлежитъ прибѣгать къ чувствованіямъ. Когда съ обѣихъ сторонъ находится дарованіе въ толь высокой степени, тогда рѣшить не можно; можно только избирать. Впрочемъ, всякъ воленъ слѣдовать своей склонности, лишь только бы не выдавалъ ея за правило, и не только не показывалъ, какъ весьма часто бываетъ, ни малѣйшей въ такихъ спорахъ строптивости, но еще радовался бы, что есть, во всѣхъ искусствахъ, люди толь превосходные, что и согласиться не льзя о правѣ первенства между ими. И дѣйствительно, какая въ томъ нужда, кто бы ни былъ первый, лишь только бы и вторый заслуживалъ наше удивленіе? И такъ я имъ обоимъ удивляюсь, но да позволено мнѣ будетъ, не оскорбляя никого, быть болѣе привержену къ Цицерону. Онъ мнѣ кажется совершенно краснорѣчивымъ; я здѣсь говорю объ немъ, какъ объ ораторѣ, не касаясь философскихъ его твореній и писемъ: объ нихъ сказано будетъ въ другомъ мѣстѣ; но хотя бы онъ одинѣ только рѣчи оставилъ, я и тогда предпочелъ бы его Димосѳену. Я нахожу превосходнѣйшимъ слово сего послѣдняго о *вѣнцѣ*; но другія сочиненія

его вообще кажутся мнѣ не такъ хороши; въ нихъ примѣчается нѣкоторое единообразіе, происходящее, можетъ быть, отъ единообразія предметовъ: ибо дѣло идетъ почти всегда о Филиппѣ. Цицеронъ же умѣетъ блистать во всѣхъ оборотахъ; и я былъ бы неблагодаренъ, естьли бы не взялъ стороны того, кто доставляетъ мнѣ величайшее удовольствіе. Не подумайте однакожъ, что бы я не видѣлъ въ немъ и недостатковъ: иногда употребляетъ онъ во зло плодовитость свою: у него встрѣчаются повторенія, но не такъ какъ у Сенеки, который повторяетъ свои мысли всегда съ новымъ усиліемъ разума; можно сказать о Цицеронѣ, что онъ разливается иногда отъ излишней полноты. Его повторенія не скучны по тому, что не вынуждены. Слогъ его столь естественъ и красивъ, что не знаешь, что убавить, только чувствуешь, что есть въ немъ избытокъ. Примѣчено также, что онъ любитъ особенно нѣкоторые *пріемы* словосочиненія, или сладкозвучности, которые часто попадаются; что будучи весьма замысловатъ и остръ, низходитъ иногда даже до игры словъ: мы почти всегда употребляемъ нѣсколько худо то, чего у насъ много. Сіи маловажныя несовершенства изчезаютъ во множествѣ красотъ; а вообще, Цицеронъ въ глазахъ моихъ есть человѣкъ превосходнѣйшаго ума, какимъ только можетъ древній Римъ похвалиться.

ПРИБАВЛЕНІЕ,

ИЛИ

НОВЫЯ ИЗЪЯСНЕНІЯ

О древнемъ краснорѣчіи, объ упадкѣ 14, 15 и 16 вѣковъ, о разговорѣ Тацита о причинахъ повержденія съ краснорѣчіи (de causis corruptae eloquentiae), *о Димосѳенѣ и Цицеронѣ, и проч.*

Читано въ Норм. учил. въ 1794 *году.*

Состязательное разсматриваніе истины болѣе и болѣе обнаруживаетъ оную. Я обѣщалъ отвѣтствовать на пѣ возраженія, которыя достаточно рѣшить не позволило мнѣ время, и показать вамъ новые примѣры той благопристойной и купно мужественной вольности, которая, въ Димосѳенѣ, есть истинный образецъ ораторовъ республиканскихъ, такъ какъ и примѣры того благородства и откровености, съ какими позволяется имъ говорить о самихъ себѣ, когда они, по обстоятельствамъ, къ тому принуждены бываютъ. По краткости нашего *засѣданія* я не могъ изъяснить сихъ различныхъ предметовъ, изъ коихъ о послѣднемъ предложу вамъ въ переводѣ изъ слова о Херсонисѣ, которое прочесть вамъ до конца я не имѣлъ тогда времени. Здѣсь

найдете вы преніе между Димосѳеномъ и его сопротивниками, коимъ наноситъ онъ послѣдніе удары; найдете мѣры, которыя предлагаетъ онъ Аѳинянамъ, и которыя всѣ были одобрѣны въ опредѣленіи, имъ же самимъ постановленномъ.

„Я удивляюсь неразумію вашихъ ора-
„торовъ: они не позволяютъ вамъ защи-
„щаться, когда дѣлается на васъ нападе-
„ніе; они совѣтуютъ вамъ быть спокойны-
„ми, а сами не хотятъ быть въ покоѣ,
„когда имъ никакого зла никто не причи-
„няетъ. Я отсюда слышу перьваго изъ нихъ,
„который готовится взойти на каѳедру: —
„Ты не хочешь, говоритъ онъ мнѣ, издать
„опредѣленія своимъ именемъ? Такъ ты
„толико слабъ и боязливъ? — По крайней
„мѣрѣ, во мнѣ нѣтъ наглой и досадной дер-
„зости ихъ; однако смѣю сказать, что
„имѣю болѣе мужества, нежели сіи недо-
„стойные служники, кои мѣшаются въ
„дѣла государственныя только для того,
„чтобъ портить оныя. Да и не требуется
„никакого мужества на то, чтобъ заводить
„доносы, разсѣвать клеветы, дѣлать поду-
„щенія, съ ущербомъ выгодъ вашихъ. Они
„умѣютъ снискать отъ васъ вѣрный залогъ
„своей безопасности; дабы не попасшь въ
„бѣду, для нихъ довольно, что бы только
„говорить вамъ всегда приятное, и не вмѣ-
„шиваться въ такія дѣла, которыя не мо-
„гутъ обѣщать надежнаго успѣха для Рес:
„публики. Но человѣкъ мужественный есть

„тотъ, который, для защищенія оной, „дерзаетъ во всякое время противо- „стоять заблужденіямъ вашимъ, который „не нравиться, а служить вамъ старается, „который не боится предъ вами разсуждать „о дѣлахъ государственныхъ, наиболѣе „отъ непостоянства счастія зависящихъ, „и который охотно желаетъ подвергнуть „себя надлежащему въ нихъ отчету. Вотъ „истинный гражданинъ, а не сіи оболь- „стители народа, которые, для полученія „кратковременной любви отъ васъ, низпро- „вергли величайшія подпоры вашей вольно- „сти. Я не хочу сравнивать себя съ тѣ- „ми, кои возстаютъ противъ меня; я не „почитаю ихъ достойными имени граж- „данъ, такъ что, ежели бы они вопросили „меня: что сдѣлалъ ты для Республики? „Я не сталъ бы говорить ни о корабляхъ, „мною снаряженныхъ, ниже о деньгахъ, „данныхъ отъ меня на нужды государ- „ственныя, на общенародныя игры, на из- „купленіе плѣнныхъ, и на другія подобныя „дѣла, относящіяся къ должностямъ чело- „вѣчества: нѣтъ, я сказалъ бы только: я „сдѣлалъ все то, чего вы не дѣлаете, и не „сдѣлалъ ничего такого, что дѣлаете вы. „Я могъ бы, по примѣру многихъ другихъ, „обвинять, изгонять, подкупать; но не по „любочестію, не по корыстолюбію принялъ „я участіе въ дѣлахъ общественныхъ. „Вступаю на сію каѳедру, Аѳиняне; не для „увеличенія вашей ко мнѣ довѣренности „словами льстивыми, но для увеличенія

„могущества вашего спасительными совѣ-
„тами. Я имѣю право отдать себѣ сію
„справедливость, коею и самая зависть не
„можетъ оскорбиться. Былъ бы я худый
„гражданинъ, естьли бы говорилъ къ вамъ
„на тотъ конецъ, чтобъ мнѣ сдѣлаться
„первымъ между вами тогда, какъ вы бу-
„дете послѣдними между Греками. Я дер-
„жусь такого правила, что Республика и
„управляющіе ею, должны возвышаться и
„увеличиваться вмѣстѣ и одинакими сред-
„ствами; и слѣдовательно надлежитъ го-
„ворить вамъ не то, что благоугоднѣе
„предъ вами, (къ чему каждый довольно на-
„клоненъ) но что для васъ полезнѣе; для
„поданія вамъ совѣтовъ потребна муд-
„рость, а для увѣренія вашего, витійство.
„Я слышалъ отъ одного изъ соперниковъ
„моихъ слѣдующее возраженіе:„ Совѣты
„твои превосходны, но мы имѣемъ отъ
„тебя только слова, а не дѣла.„ Онъ об-
„манывается: не ко мнѣ должно ему об-
„ратить рѣчь сію; а къ вамъ, Аѳиняне!
„Ежели Ораторъ показалъ вамъ, какія мѣ-
„ры лучше принять надлежитъ, онъ сдѣ-
„лалъ уже все то, чего требовать отъ
„него можно. Когда говорилъ вамъ Тимо-
„ѳей: Аѳиняне, вы только разсуждаете,
„а Ѳивяне на островѣ Эвбеѣ! возстаньте,
„вооружите флотъ, подите на ваши ко-
„рабли:„ ему повѣрили, послѣдовали совѣ-
„тамъ его: онъ хорошо сказалъ, вы хоро-
„шо сдѣлали; каждый исполнилъ свою дол-
„жность, и Эвбея спасена. Но естьли бы

„вы остались въ недѣйствіи, то бы и сло-
„ва Тимоѳеѣвы были тщетны, и дѣла Рес-
„публики ущербъ потерпѣли.

„Въ заключеніе кратко скажу, что
„надлежитъ собирать подати, имѣть въ
„Херсонисѣ войско, исправить, ежели бы-
„ли тамъ злоупотребленія, ничего не ра-
„зорять, и не дать врагамъ порадовать-
„ся, уготовивъ чрезъ самихъ себя паденіе
„свое; надлежитъ отправить посланниковъ
„во всѣ страны Греціи, чтобъ пригото-
„вить, учредить и произвесть скорѣе въ
„дѣйство мѣры нужныя къ спасенію Рес-
„публики; но паче и прежде всего нака-
„зать измѣнниковъ, врагами вашими под-
„купленныхъ, дабы поработить васъ вѣро-
„ломными ихъ происками: ихъ наказаніе
„будетъ въ страхъ злымъ, и ободритъ
„добрыхъ Гражданъ. Ежели на сіе твердо
„вознамѣритесь, ежели за тѣмъ послѣ-
„дуетъ неукоснительное исполненіе, то
„несомнѣннаго успѣха надѣяться можете;
„но ежели удовольствуетесь только руко-
„плесканіемъ Оратору, не исполнивъ совѣ-
„товъ его; то, еще вамъ повторяю, я не
„въ состояніи спасти васъ моими слова-
„ми, когда вы не хотите сами спасти
„себя.„

Теперь по поводу предложенія, сдѣлан-
наго мнѣ отъ одного изъ моихъ сотрудни-
ковъ, скажу я нѣчто о разности между
краснорѣчіемъ и наукою краснорѣчія; при-
знаюсь, что разность сія казалась мнѣ

не заключающею въ себѣ той важности, какую онъ въ томъ находилъ. И дѣйствительно извѣстно, что краснорѣчіе, само по себѣ, есть природная способность, а наука краснорѣчія есть Θеорія тѣхъ пособій, которыя ученіемъ и опытомъ присовокупляются къ сей способности. По чему, при началѣ, коснулся я слегка сего довольно извѣстнаго различія, и послѣдуя принятому обыкновенію, даже и въ учебномъ слогѣ, употреблялъ безъ различенія, слова *краснорѣчіе* и *наука краснорѣчія*; ибо всякъ знаетъ, что здѣсь дѣло идетъ о томъ родѣ, краснорѣчія, которое укрѣпляетъ, посредствомъ правилъ, дарованія природныя.

Мой сотрудникъ замѣтилъ, да и справедливо, что есть творенія, въ которыхъ находимъ краснорѣчіе безъ искуства ораторскаго, а въ иныхъ видимъ ораторское искуство безъ краснорѣчія. Изъ сего слѣдуетъ только то, что природное дарованіе оказывается иногда безъ помощи искуства, и что искуство не даетъ дарованія. Но надобно также признаться, что дарованіе безъ науки производитъ только нѣкоторые разбросанные и несовершенные отрывки, и что единственно соединеніе одного съ другою можетъ родить такія превосходныя творенія, которыя здѣсь составляютъ предметъ нашего разсматриванія: и сія истина всѣми также признана.

Я сказалъ уже, что то высокое краснорѣчіе, то, которое древніе называли, по превосходству краснорѣчіемъ ораторскимъ, eloquentia oratoria, то, которое отличается въ собраніяхъ политическихъ и въ судилищахъ, не могло процвѣтать между нами (Французами), какъ въ Римѣ и Аѳинахъ, прежде революціи нашей; но въ то же время упоминалъ я о тѣхъ удивительныхъ порывахъ ума, которые духъ свободы, лѣтъ уже съ тридцать, началъ являть намъ подъ перомъ знаменитыхъ нашихъ писателей, и я особенно далъ замѣтить, какую силу надъ духомъ народнымъ имѣло панигирическое краснорѣчіе, когда Французская Академія начала дѣлать задачи о сочиненіи похвальныхъ словъ великимъ мужамъ. Я не разпространился о семъ предметѣ, какъ-то сдѣлалъ послѣ мой сотрудникъ, по тому, что многія причины заставляли меня тогда коснуться слегка краснорѣчія сего рода, который, казалось мнѣ, нынѣ совсѣмъ забытъ; а впрочемъ, я довольно изъяснилъ о семъ въ моихъ сочиненіяхъ, когда почелъ я долгомъ защищать Французскую Академію какъ противъ невѣждъ, такъ и противъ завистниковъ, и доказывать, что порицанія ихъ не только несправедливостію, но даже неблагодарностію были сопровождаемы; я говорилъ о томъ и прежде, когда посреди сей же самой Академіи, описывалъ недостатки ея учрежденія. Сіе всѣмъ извѣстно, и можетъ, при случаѣ, свидѣ-

пельствовать о неизмѣнности моихъ правилъ; но нынѣ, когда не существуетъ уже Академія, разсудилъ я, даже не упоминать сего имени, которое долго было названіемъ уничижительнымъ, да и теперь еще служитъ обиднымъ выраженіемъ у безсмысленныхъ порицателей, кои не упоминаютъ о ней иначе, какъ съ безумнымъ отвращеніемъ, или весьма смѣшнымъ презрѣніемъ. Я не хочу тратить времени на опроверженіе ихъ, но замѣчу только, какъ истину всеобщую, коею воспользоваться всякъ можетъ, кто похочетъ, что ежели свойство правленія совѣтуетъ или даже предписываетъ уничтожить тѣ ученыя общества, коихъ основаніе хотя и не недостаточно, но образъ уже кажется не приличнымъ, нѣтъ нужды попирать ногами то, что опмѣняется; справедливость, сіе основаніе всѣхъ законовъ, запрещаетъ забывать и презирать то, что нѣкогда было, а потомъ перестало быть полезнымъ; не льзя уничтожить достоинства, пренебрегая оное, и заглушить истины, принуждая ее къ молчанію: ибо угнетеніе есть временно, а правда вѣчна. Исторія сдѣлаетъ еще болѣе, когда будетъ свободною и безпристрастною рукою описывать, что за люди были, судя вообще и особенно въ отношеніи къ отечеству, ученые, Академію составлявшіе, и клеветники ихъ гонители; но здѣсь я сказалъ уже о семъ довольно: предъ вами нѣтъ нужды защищать умъ и дарованія.

Сотоварищъ мой присовокупилъ особливо о *Томасѣ*, что онъ, защищая права человѣка, говорилъ, какъ будто съ каѳедры; но тоже самое могло бы сказано быть *о Руссо* и *Реналѣ*, объ одномъ, когда не представляетъ онъ въ себѣ Софиста, а о другомъ, когда непредставляетъ *Декламатора*; тожже можно бы сказать еще о многихъ нынѣшнихъ писателяхъ, любовь свою къ отечеству краснорѣчіемъ ознаменовавшихъ; я замѣчу еще, что ихъ слогъ, образованный и ограниченный свойствомъ предметовъ о коихъ они писали, былъ слогъ краснорѣчивыхъ нравоучителей паче, нежели истинныхъ ораторовъ, естьли названіе сіе, подражая древнимъ, придадимъ только тѣмъ, кои отличаютъ себя на блистательномъ и вѣсномъ опасномъ поприщѣ въ судилищахъ общенародныхъ; кои производятъ сраженія одинъ на одинъ; и низложивъ соперниковъ своихъ, торжествомъ своимъ увлекаютъ за собою все собраніе.

Другій предметъ, показавшійся мнѣ достойнымъ нѣкотораго вниманія, есть самый тотъ, на которомъ мы остановились при окончаніи моего засѣданія, и который относился къ *царству* учености. Мой сотоварищъ утверждалъ, что оно способствовало болѣе къ подавленію, нежели къ разкрытію природныхъ дарованій. Сіе мнѣніе кажется, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, основательнымъ: извѣстно, что тщательное изученіе языковъ Греческаго и Латинскаго долженствовало произвести преимущественную любовь къ симъ самымъ язы-

камъ, и особливо Латинскій сдѣлался языкомъ большей части Европейскихъ писателей. Нѣмцы, Французы, Испанцы, всѣ писали на Латинскомъ языкѣ: сотоварищъ мой сему приписывалъ одну изъ главныхъ причинъ, запруднявшихъ шествіе разума: признаюсь, что я не того мнѣнія. Вотъ возраженія, которыя хотѣлъ я сдѣлать ему, о которыхъ размышляя, еще болѣе увѣрился; предлагаю ихъ вашему суду. Во первыхъ, достойно примѣчанія, что *Данте*, *Бокасъ* и *Петрархъ*, которые, между Италіанцами, обнаружили первые свое дарованіе на собственномъ своемъ языкѣ, писали много на Латинскомъ; а *Петрархъ* наибольшую даже часть своихъ сочиненій издалъ на семъ языкѣ. Итакъ можно заключить, что изученіе древнихъ языковъ не только не подавляло дарованія ихъ, но еще и способствовало къ развитію онаго. Извѣстно, что они всѣ трое жили въ четвертомъ надесять столѣтіи, во время взятія Константинополя невѣрными, когда осшатокъ древнихъ наукъ перешелъ весь въ Италію. *Петрархъ* съ неутомимою ревностію занимался даже отъискиваніемъ древнихъ рукописей, и имъ оказалъ намъ величайшую услугу. Во вторыхъ, ежели *Бембо*, *Садолетъ*, *Сапназаръ*, *Анжъ-Политіенъ*, *Понтанъ* и другіе были не иное что, какъ Латинскіе словесники, и ежели по сему только и прославились, то не весьма ли вѣроятно, что къ знанію ихъ не доставало дарованія, поелику когда съ

тѣми же пособіями, какія имѣли Дантъ, Бокасъ и Петрархъ, не показали они такихъ же успѣховъ? То же сказать можно о *Муретѣ*, самомъ славномъ Латинистѣ нашемъ, и о послѣдовавшихъ за нимъ.

Естьли перейдемъ къ Англичанамъ, то увидимъ, что распри о вѣрѣ и мятежи политическіе препятствовали успѣхамъ ихъ въ словесности и очищеніи языка, а отнюдъ не изученіе древнихъязыковъ, къ которымъ прилѣжать стали они не прежде, какъ когда *духъ народный* началъ возвышаться; и сей самый духъ не иначе усовершенствованъ, какъ чрезъ тѣснѣйшее обращеніе съ древними и съ нами, въ царствованіе Карла II.

У Испанцевъ, *Лопецъ-де Вега, Сервантесъ*, и особливо сей послѣдній, были весьма ученые люди.

Что касается до Нѣмцовъ, то нѣкоторое особенное разположеніе ума, прилепляющее ихъ исключительно къ высокимъ наукамъ, долженствовало долго отвращать ихъ отъ словесности и отъ искуствъ воображенія; и съ того времени, какъ начали они за нихъ приниматься, сдѣлали, какъ извѣстно, посредственные успѣхи.

У насъ же (Французовъ) *Аміотъ* и *Монтань*, кои, чтобъ начать писать, не дожи-

дались усовершенствованія языка своего, и кои придали своимъ сочиненіямъ такія отличительныя черты, которыхъ изгладить и самое время не могло, были весьма искусны въ древней словесности. Творенія Монтаня обогащены, и даже обременены, добычами отъ Древнихъ, и *Аміотъ* не иначе сдѣлался безсмертнымъ, какъ преложивъ одного Греческаго историка, въ то же самое время, когда *Ронсардъ* съ такимъ смѣлымъ усиліемъ старался переводить все Греческое и Латинское на Французской языкъ. Скоро прошедшая слава сего стихотворца могла ослѣпить, на короткое время, даже и тѣхъ, кои, можетъ быть, сами были бы способны содѣйствовать успѣхамъ собственнаго языка своего; но сіе ослѣпленіе было безъ дальнихъ слѣдствій и притомъ маловременно, ибо вскорѣ за тѣмъ, *Малербъ* нашелъ Французскую стихотворческую рифму; изъ сего слѣдуетъ, что *Малербъ* имѣлъ столько дарованія, что могъ хорошо чувствовать силу языка своего, и что сего дарованія не доставало *Ронсарду* и тѣмъ стихотворцамъ, кои составляли тогда, такъ называемую, Pleïade française.

Изъ сего изслѣдованія самыхъ дѣлъ, которыми должны быть управляемы всѣ сужденія и объясняемы всѣ умозрѣнія, я опять заключаю, что великіе люди во Франціи и Италіи, кои начали очищать языкъ, въ грубомъ состояніи еще бывшій, и кои

дали ему первыя красоты выраженія, первые удачные обороты и первый правильный ходъ, не только не встрѣтили къ сему препятствій, но еще нашли великія пособія въ древней словесности. Безъ сомнѣнія, число ихъ не велико въ разсужденіи прочихъ современниковъ ихъ, кои отъ нихъ столь далеко отстали: хорошія сочиненія показались во множествѣ, и особливо у насъ не прежде, какъ когда уже языкъ установился. Сотоварищъ мой повторилъ истину, всѣми признанную, сказавъ съ Кондильякомъ, что дарованіе писателей обнаруживается совершенно на такомъ только языкѣ, который уже утвержденъ постоянно. Но я не перестаю вѣрить, что для достиженія сего, знаніе древнихъ языковъ не только не могло быть вредно, но было еще полезно и нужно; что дарованіе простираетъ виды и силы свои поколику, поколику имѣетъ предъ собою великое число предметовъ для сравненія, что изученіе языковъ, которое сперьва кажется изученіемъ только словъ, доводитъ естественнымъ порядкомъ до познанія вещей; что естьли, наконецъ, такая ученость не всегда входитъ во храмъ вкуса, по крайней мѣрѣ облегчаетъ путь къ нему и отверзаетъ преддверіе.

Итакъ древность была и долженствовала быть нашею истинною кормилицею; млеко ея обильно и питательно, и для сего не надлежитъ удивляться, естьли люди

сложенія слабаго не могли варить его, и по тому остались немощными и хворыми; а воспитанники крѣпчайшаго сложенія сосали вмѣстѣ съ нимъ здоровье, силу и красоту. И кто не знаетъ, что Портъ-Рояль, сіе славное училище, наслѣдіе Древнихъ, гдѣ воспитаны *Паскаль*, *Расинъ*, *Депрео*, было, между нами началомъ царствію изящнаго вкуса? Знаю, что нѣкоторые великіе мужи, во Франціи и Италіи, вознеслись сами собою, превыше вѣка своего, наподобіе тѣхъ скорыхъ и сочныхъ отпрысковъ, которые пускаютъ иногда, безъ всякаго присмотра, растеніе на землѣ дикой и невоздѣланной; въ общемъ порядкѣ вещей однако надлежитъ, чтобъ почва умягчена была неоднократною разчисткою и разпашкою, и постепенно удобрена, ежели хотимъ имѣть отъ нея въ надлежащее время тѣ обильныя жатвы, которыя цѣлымъ народомъ даютъ пищу, и видѣть тѣ сбереженныя и возраждающіяся дубравы, которыя готовятъ вѣчное приосѣненіе для позднѣйшихъ потомковъ.

Теперь разберемъ разговоръ, внесенный сюда по случаю вопроса: кого именно почитать надлежитъ въ числѣ древнихъ и новѣйшихъ писателей; на сей вопросъ отвѣчать для насъ весьма легко, когда, въ отношеніи къ намъ, древніе суть видимо Греки и Латиняне, отъ коихъ мы всему научились и все заимствовали.

Я долженъ благодарить моему сотоварищу за то, что онъ напомнилъ мнѣ о семъ разговорѣ, и тѣмъ подалъ случай, снова прочитать его съ великимъ удовольствіемъ. Онъ не полонъ, на многихъ мѣстахъ есть пропуски, и то, что до насъ дошло, заставляетъ жалѣть о утратившемся. Одни приписываютъ его Квинтиліану, другіе Тациту: а больше приписываютъ его послѣднему. Но вопросъ, относящійся до древнихъ и новѣйшихъ писателей, разбирается въ немъ только постороннимъ образомъ, и совсѣмъ подъ другимъ видомъ. Въ немъ сравниваются Римляне съ Римлянами, и одинъ вѣкъ словесности съ другимъ, такъ какъ мы могли бы сравнивать настоящій вѣкъ съ прошедшимъ, или прошедшій съ вѣкомъ *Марота*, *Монтаня*, *Ронсарда*. Въ разговорѣ семъ представляются четыре лица: любитель стихотворства, любитель краснорѣчія, поноситель древнихъ, въ видѣ человѣка, который въ своихъ мнѣніяхъ показываетъ игру разума, и четвертый, Мессала, который входитъ при половинѣ разговора, и беретъ сторону двухъ первыхъ. Мой сотоварищъ, коему измѣнила, по видимому, память, говорилъ, что вопросъ, побочнымъ образомъ въ разговорѣ семъ разсматриваемый, не былъ тѣмъ рѣшенъ. А мнѣ показалось, что онъ рѣшенъ, то есть, почтенъ за то, за что почесть должно, и весьма въ немногихъ словахъ отраженъ такъ что, объ немъ не упоминая, спали

уже разсуждать о предмѣтѣ, кѣ сему разговору собственно принадлежащемѣ. Я прочитаю изѣ него сіе, а послѣ и другія мѣста, могущія преподать наставленіе и принести удовольствіе; ибо вѣ сочиненіи семѣ часто рѣчь идетѣ о такихѣ предметахѣ, кои здѣсь представлялись, или представиться могутѣ; и встрѣчаются также истины пригодныя во всякое время.

„Вопервыхѣ, я вопрошаю васѣ, (говоритѣ „Аперѣ, противникѣ Древнихѣ писателей) „кого вы разумѣете подѣ именемѣ Древнихѣ? „который вѣкѣ краснорѣчія означаете вы „симѣ названіемѣ? Ибо я, слыша о Древ„нихѣ, представляю себѣ тѣхѣ, кои роди„лись въ отдаленнѣйшихѣ вѣкахѣ, и тот„часѣ воображаю Улисса и Нестора, кои „жили почти за тысячу приста лѣтѣ; а „вы говорите намѣ о Димосѳенѣ, о Иперѣ„дѣ, кои были на свѣтѣ не болѣе, какѣ „лѣтѣ за четыреста прежде насѣ, и „проч.„

Видѣть можно, что сіе не иное что есть, какѣ одна издѣвка, какѣ превратное толкованіе словѣ, весьма приличное такому собесѣднику, который выдается за человѣка нелѣпыхѣ мнѣній. Потомѣ вдругѣ переходитѣ онѣ кѣ Латинянамѣ, о коихѣ особенно идетѣ рѣчь вѣ семѣ разговорѣ; ибо сочинителѣ намѣренѣ былѣ доказать, что краснорѣчіе Римское крайне измѣни-

лось по смерти Цицерона; а сіе заставляетъ меня войти въ нѣкоторыя объясненія, что бы лучше уразумѣть послѣдующее.

Въ то время, когда сей разговоръ былъ сочиненъ, обыкновенно считали три вѣка въ Латинской словесности: вѣкъ Еннія, Акція, Пакувія, Катона ценсора, и проч. когда языкъ былъ грубъ и нечистъ; вѣкъ Гракховъ, кои первые нѣсколько умѣрили Римскую важность, приятностію Греческой словесности; наконецъ вѣкъ Цицероновъ, къ коему причисляются Крассъ, Антоній, Цезарь, Целій, Гортенсій; и Цицеронъ, ихъ всѣхъ превозшедшій, далъ имя свое сей эпохѣ, которую потомъ начали вообще почитать эпохою изящнаго вкуса. Но когда Тацитъ писалъ сей разговоръ, при царствованіи Веспасіана, тогда вкусъ былъ уже крайне испорченъ, и Сенека наиболѣе къ тому способствовалъ. Онъ обольстилъ почти всѣхъ молодыхъ писателей Римскихъ отмѣнною новизною своего слога, коего недостатковъ они не чувствовали: въ послѣдствіи сего сочиненія нашего мы разсмотримъ оные. Аперъ показывалъ себя ревностнымъ защитникомъ сего новаго вкуса, который поставляетъ онъ здѣсь выше древняго, какъ гораздо пріятнѣйшій и забавнѣйшій. Онъ говоритъ весьма неуважительно объ ораторахъ, коихъ называли Древними; не щадитъ даже и самаго Цицерона. Въ рѣчахъ его виденъ духъ любо-

прения паче, нежели критики, какъ и ожидать того должно. Онъ не упускаетъ придираться къ самымъ словамъ; отъ чего и родился тотъ посторонній вопросъ, кого надлежитъ разумѣть подъ именемъ *Древнихъ*. Онъ старается, сколько можно, льстить самолюбію своихъ противниковъ, Матерна и Секунда, которые и дѣйствительно упражнялись въ словесныхъ наукахъ съ великимъ успѣхомъ. Но похвалы его не ослѣпляютъ ихъ въ сужденіи, и Матернъ говоритъ Мессалѣ, приглашая его къ опроверженію Апера:

„Мы не требуемъ отъ тебя, чтобъ „ты прямо защищалъ Древнихъ; ибо сколь „худо ни говоритъ объ нихъ Аперъ, и ка„кія похвалы ни приписываетъ намъ, мы „не хотимъ однако сравнивать съ ними „никого изъ нашихъ современниковъ, и „самъ Аперъ въ томъ внутренно согла„сенъ; но слѣдуя порядку, заведенному въ „школахъ философскихъ, онъ принялъ на „себя лице спорщика. Итакъ, не разпро„страняясь о достоинствѣ Древнихъ, изъ„ясни намъ только, по чему столь да„леко отстали мы отъ ихъ краснорѣчія, „когда прошло не болѣе ста двадцати „лѣтъ по смерти Цицерона до нашего вре„мени.

Мессала продолжаетъ:

„Я послѣдую совѣту вашему; не буду „опровергать сказаннаго Аперомъ, который,

„мнѣ кажется, завелъ споръ объ однихъ „словахъ, какъ будто бы не льзя называть „Древними тѣхъ, кои умерли только за „сто лѣтъ предъ нами. Я не стану спо„рить о выраженіи; тѣ, о коихъ рѣчь „идетъ, пусть будутъ предки наши, или „Древніе, какъ угодно, лишь только бы „согласились вы, что въ ихъ времена „краснорѣчіе было превосходнѣе, нежели „нынѣ.„

Итакъ вотъ вопросъ приведенъ въ настоящій смыслъ онаго, и слѣдовательно рѣшенъ въ пользу Римлянъ, справедливо называвшихъ Древними тѣхъ ораторовъ и писателей, кои, за одно столѣтіе прежде, составляли всѣ вмѣстѣ сію великую эпоху, когда Римская словесность достигла до такого совершенства, отъ котораго новѣйшіе потомъ низсходили постепенно до того упадка, на который жалуются благомыслящіе люди.

Мессала продолжаетъ:

„Аѳиняне отдавали преимущество предъ „всѣми Димосѳену: за нимъ первые слѣду„ютъ Есхинъ, Иперидъ, Лизій, Ликургъ; и „сей вѣкъ краснорѣчія безпрекословно при„знается вѣкомъ совершенныхъ образцовъ. „Равно и у насъ, Цицеронъ, по общему умнѣ„нію, превосходитъ всѣхъ ораторовъ сво„его времени; и ежели онъ предпочитает„ся Кальву, Цезарю, Бруту, Целію, Азинію,

„то сіи предпочитаются также всѣмъ „ораторамъ, прежде или послѣ ихъ бывшимъ. Симъ не отвергается, чтобъ въ „каждомъ изъ нихъ не было чего нибудь „особеннаго отъ прочихъ; но всѣ они согласовались въ правилахъ изящнаго вкуса; „такъ, напримѣръ, Кальвъ былъ кратчае, „Азиній сладкозвучнѣе, Цезарь блистательнѣе, Целій суровѣе, Брутъ важнѣе, „Цицеронъ стремительнѣе, плодовитѣе, „сильнѣе; но всѣ они имѣли краснорѣчіе „чистое, неиспорченное, такъ что, читая „сочиненія ихъ, можно примѣтить между „ими, не смотря на природное различіе „умовъ, какъ бы нѣкое сродство, которое состоитъ въ сходствѣ сужденія и „выбора.„

Вотъ что можно также отвѣчать тѣмъ, кои противополагаютъ различіе умовъ единсіпву началъ. Такъ, безъ сомнѣнія, начала суть одинаковы, хотя умы различны, равно какъ правила въ пѣніи и музыкѣ, суть одинаковы, хотя не можно пѣть лучше, нежели голосъ и умѣнье позволяютъ. Я то же говорю о правилахъ вкуса: онѣ всеобщи, по тому что основаны на природѣ, которая всегда одинакова; но всякъ принаравливается къ нимъ, смотря по свойству своему и способностямъ. Наблюденіе оныхъ не есть рабское подражаніе тѣмъ писателямъ, кои исполнили ихъ съ наилучшимъ успѣхомъ; не дѣлай того, что они сдѣлали, но старайся вникнуть въ тѣ

же правила, по которымъ они хорошо сдѣлали, ежели хочешь съ ними сравниться. Они показали добрый путь; но всякъ идетъ по немъ, соотвѣтственно силамъ своимъ, подвигается впередъ болѣе или менѣе, соотвѣтственно способностямъ, и избираетъ различныя стези, сообразно свойству и расположеніямъ своимъ.

Мессала приступаетъ къ изъясненію причинъ упадка, и полагаетъ ихъ четыре.

„Кому не извѣстно, говоритъ онъ, „что краснорѣчіе и искуства потеряли „весьма много прежней славы своей, не „по недостатку дарованій, но по слѣпости „молодыхъ людей, по безпечности роди„телей, по неспособности наставниковъ „и по небреженію о старинныхъ обыча„яхъ?„

Онъ входитъ въ подробность о сихъ четырехъ причинахъ, но забываетъ, какъ то и нужно ему было, о первой изъ всѣхъ, о потерѣ свободы: сей разговоръ писанъ при императорахъ.

Однакожъ, чего сказать не осмѣливается, о томъ подразумѣвать даетъ. И дѣйствительно, въ послѣднемъ отрывкѣ, который я теперь вамъ прочитаю, представляетъ онъ разнообразіе выгодъ поли-

тическихъ, соперничество двухъ сословій Римской Республики; ихъ безпрестанную борьбу, важность сужденій сенатскихъ, споры судилищные, величество каѳедры ораторской, все сіе, говорю, представляетъ онъ въ видѣ движителей и орудій высокаго краснорѣчія. „Оно подобно огню, „для коего нужна пища, которая отъ движенія загарается, и издаетъ блескъ, „воспламеняясь. По сему-то самому въ „древней Республикѣ вознеслось оно до „толь высокой степени. Въ наше время, „имѣетъ оно предметомъ все то, что можетъ доставить правительство устроенное, спокойное и благодейственное. Но „заимствовало оно гораздо болѣе отъ мятежей, и даже отъ своевольства тѣхъ „временъ, когда все было, такъ сказать, „смѣшано въ кучу, и когда, не имѣя единственнаго правителя, каждый ораторъ „пользовался властію надъ заблудшею чернію, по мѣрѣ своихъ способностей; отсюда произошли сіи многочисленные законы, сіи рѣчи судей, провождавшихъ цѣлыя ночи на каѳедрахъ, сіи доносы на „начальниковъ, сіи вражды наслѣдственныя „въ семействахъ, сіи крамолы вельможъ, „сіи непрерывныя разпри у Сената съ народомъ, всѣ тѣ случаи, которые приводили Республику въ волненіе, но которые „упражняли краснорѣчіе, и служили оному „сильными побужденіями и великими занятіями.„

Безъ сомнѣнія, прискорбно для любителей словесности, быть принужденными, по примѣру введенныхъ въ разговоръ сей лицъ, признаться, что смятенія государственныя наиболѣе благопріятствуютъ краснорѣчію; но сіе есть самая истина: таковъ жребій дѣлъ человѣческихъ, и, какъ скажу въ послѣдствіи, врачевство не было бы наукою, естьли бы не было болѣзней. Краснорѣчіе можетъ служить орудіемъ страстямъ, но потребно также краснорѣчіе для противоборствованія онымъ; извѣстно же, что благо и зло сливаются вмѣстѣ во всемъ, что ни произходитъ отъ человѣка.

Впрочемъ, по оному изображенію политическихъ неустройствъ Рима, не надлежитъ заключать, что въ семъ городѣ, такъ какъ и въ Аѳинахъ, было что либо подобное виденному нами (Французами) толь долгое время. Искуство ораторское, правда, не было изъято отъ опасностей, но не знало ни препонъ, ни оковъ. Гракхи и Цицеронъ погибли насильственною смертію по тому, что одна изъ боровшихся сторонъ подавила наконецъ другую. Но сверхъ того, что сіи трагическіе случаи были весьма рѣдки, и суть такого рода, что не должны входить въ разсчеты благоразумія, а еще менѣе въ разсчеты мужества. Мы видимъ изъ исторіи, что извѣстный законный порядокъ, во всякомъ просвѣщенномъ народѣ всегда наблюдаемый, извѣст-

ная благопристойность правовъ, которая у Древнихъ никогда не нарушалась, оставляли, во всякое время, дарованіямъ витіи свободное поле; у насъ же надлежало сему дарованію вовсе изчезнуть, когда запрещено было даже и говорить: надѣяться должно, что таковаго рабства не будетъ уже болѣе.

Я обѣщалъ разрѣшить еще другія затрудненія, предложенныя мнѣ на-письмѣ; и я исполню данное слово.

Вопервыхъ, скажу нѣчто о тѣхъ, кои приводя на память злоупотребленіе краснорѣчія, предлагаютъ на разрѣшеніе вопросъ, не причиняетъ ли оно болѣе зла, нежели добра, и не лучше ли изгнать оное паче, нежели ободрять; и замѣчу, что не надлежало никогда дѣлать вопросовъ пустыхъ и давно уже рѣшеныхъ тѣмъ для здравомыслящихъ людей весьма извѣстнымъ правиломъ, что возможное злоупотребленіе наилучшихъ вещей есть порокъ неразлучный съ естествомъ человѣческимъ, и что даже злоупотребленіе тѣмъ опаснѣе, чѣмъ лучше вещь въ себѣ самой, по оному изрѣченію Древнихъ: *corruptio optimi pessima.* Такъ, въ нравственномъ состояніи, злоупотребляема была религія, философія, вольность, краснорѣчіе, предметы въ существѣ своемъ превосходные; такъ, въ физическомъ употребляется во зло сила, здоровье, красота, также въ существѣ своемъ превосходныя. Вспомнимъ, что сказалъ Руссо, начиная писать

своего Эмиля: „все хорошо, изходящее изъ „рукъ Творца существъ: все унижается и „измѣняется въ рукахъ человѣка.„

И дѣйствительно, зло не заключается въ самой вещи: оставь ей назначеніе и мѣру ея: все будетъ хорошо. Такъ, на примѣръ, религія, т. е. сообщеніе между Творцемъ и тварію, которая обязана имѣть къ нему благоговѣніе и благодарность, не только хороша сама по себѣ, но и нужна вообще для всѣхъ народовъ, и даже нѣтъ ни одной (и между ложными), которая бы на добро не наставляла: злоупотребленіе существуетъ въ служителѣ ея, естьли онъ суевѣръ, бѣснователь и честолюбецъ. Философія, изыскательница истины, есть ученіе достойное человѣка: хитрость или гордость Софиста дѣлаютъ изъ нея гнусное употребленіе; но зло находится въ Софистѣ. Что драгоцѣннѣе вольности, которая состоитъ въ повиновеніи однимъ только законамъ? И что ненавистнѣе того Демагогическаго лицемѣрія, которое льститъ одной части народа со вредомъ другой, дабы поработить и поглотить ту и другую? но зло находится въ Демагогахъ. Что прекраснѣе дара слова, коимъ разсудку и истинѣ сообщается вся возможная сила? Тѣмъ хуже для того, кто употребляетъ оный даръ на разпространеніе лжи и заблужденія. Но можно ли изъ сего заключить, что не надлежитъ быть, между людьми, религіи, философіи, законной власти и нравоученію? Ежели бы Промыслъ

попустилъ толь чудовищному сумасшествію существовать въ какомъ либо народѣ, то сіе могло бы быть развѣ только для того, дабы, чрезъ чудовищныя слѣдствія, какія произошли бы отъ онаго, показать, чему подвергнуться долженъ человѣкъ, когда захочетъ выдти изъ предѣловъ человѣчества, когда возмнитъ уничтожать или творить, забывъ, что то и другое для него равно невозможно, и что надлежитъ ему непрестанно учреждать, умѣрять то, что есть неразлучно съ человѣкомъ, а не хотѣть вовсе передѣлать человѣка; тогда исторія и философія, безъ сомнѣнія, обратили бы, въ пользу будущихъ родовъ, сіе ужасное наставленіе, гордости человѣческой единажды преподанное.

Что жъ дѣлать, дабы удержать, сколь возможно, злоупотребленія, дѣлаемыя изъ всего добраго? Вопервыхъ, оставить ту безумную мысль, яко бы можно изтребить или вещь или злоупотребленіе: то и другое состоитъ не въ нашей власти; потомъ направлять употребленіе вещи такъ, что бы зло, отъ того неизбѣжно произойти имѣющее, было, по возможности, самое меньшее: человѣческая мудрость далѣе не простирается. Вы боитесь злоупотребленія въ религіи: вы боитесь справедливо. Но служителю ея давайте власть, только въ дѣлахъ духовныхъ, давайте богатства только для бѣдныхъ: что существовало чрезъ многіе вѣки, то можетъ

быть и нынѣ. Вы боитесь злоупотребленія вольности: такъ, вы должны ожидать того; но будетъ она подвержена злоупотребленіямъ весьма сноснымъ, естьли не попустите, подъ какимъ бы то предлогомъ ни было, сдѣлаться ей самопроизвольною; естьли не забудете, что нѣтъ ничего безумнѣе, какъ возставать противъ вольности, для лучшаго утвержденія оной; естьли законная власть будетъ въ дѣяніяхъ своихъ разсудительна съ такою же строгостію, какъ логика въ своихъ умозаключеніяхъ, то есть, естьли мечь не прежде будетъ поражать виновнаго, какъ когда законъ таковымъ его объявитъ, а иначе никогда поражать не будетъ. Пусть грозитъ законопреступникъ, поелику онъ самъ трепещетъ: исполнитель закона, ничего бояться не долженствующій, не грозитъ: онъ дѣйствуетъ, коль скоро законъ повелѣваетъ.

Что касается до злоупотребленій, изъ философіи и краснорѣчія дѣлаемыхъ; источникъ оныхъ неизчерпаемъ: разсудокъ долженъ безпрестанно бороться съ ними; заблужденіе и разсудокъ спорятъ между собою о обладаніи міра, съ самаго начала его. Доля того и другаго уменшалась и увеличивалась; смотря по вѣкамъ. Нашъ вѣкъ, хвалящійся великимъ просвѣщеніемъ своимъ, достигъ нынѣ, признаться надлежитъ, до высочайшей степени безумія. Крайности одна другой касаются; кто знаетъ, не достигнемъ ли мы также

высочайшей степени разсудка? Сіе зависитъ отъ правительства и воспитанія, которыя сильно дѣйствуютъ на нравы народные, равно какъ сіи дѣйствуютъ на образъ мыслей и слова. Впрочемъ не льзя ни повелѣть ни запретить быть краснорѣчивымъ, какъ не льзя повелѣть и запретить разсуждать хорошо или худо. Сказываютъ, что отъ Ареопага запрещено было стряпчимъ прибѣгать къ пособіямъ витійства. На сіе скажу, что мы не можемъ знать, до какой степени такое запрещеніе было наблюдаемо. Ибо какъ положить точный предѣлъ, отдѣляющій простую рѣчь отъ краснорѣчія? Нѣкто изъ числа писавшихъ ко мнѣ вопрошаетъ меня, не есть ли краснорѣчіе иное что, нежели самый разсудокъ? Такъ, безъ сомнѣнія; а иначе, каждый разсудительный человѣкъ былъ бы ораторомъ: краснорѣчіе есть вооруженный разсудокъ; для разсудка нужно оружіе; толь много имѣетъ онъ непріятелей! Писавшій ко мнѣ думаетъ, что довольно одного разсудка для управленія людьми; а забываетъ, что люди имѣютъ страсти, и что цѣль краснорѣчія есть возбуждать страсти благородныя противъ низкихъ страстей. Злый человѣкъ дѣлаетъ противное, признаюсь; но вы какъ тому, такъ и другому возпрепятствовать не можете. Впрочемъ, я не могу понять, къ чему клонится сей вопросъ и вообще и частно. Вообще, сколько мы ни знаемъ древнихъ и новѣйшихъ ораторовъ, они краснорѣчіе

свое употребляли гораздо болѣе на добро, нежели на зло; а что касается до насъ, съ начала переворота Государственнаго, естьли онъ думаетъ, что и краснорѣчіе способствовало къ умноженію бѣдствій нашихъ, то думаетъ весьма несправедливо. Но съ другой стороны, не сдѣлало оно всего того добра, какое сдѣлать могло, не возпрепятствовало всему тому злу, какое причиняемо было злостію и невѣжествомъ, только по тому, что одного краснорѣчія было недостаточно. Цицеронъ, естьлибъ былъ онъ только ораторъ, не возторжествовалъ бы надъ Катилиною. Онъ былъ человѣкъ государственный; онъ имѣлъ твердость духа и вмѣстѣ власть въ дѣлахъ Республики; онъ употребилъ въ мѣрахъ и поступкахъ своихъ такую же силу, какъ въ своихъ словахъ, и Римъ былъ спасенъ.

Статья самая важнѣйшая изъ послѣднихъ нашихъ разсужденій относится собственно до Цицерона. Я никакъ не утверждаю, что бы онъ изъятъ былъ отъ всякаго порицанія; но всѣ приведенныя здѣсь противъ него доказательства толь мало сходственны съ историческою истиною, что лучшій способъ отвѣтствовать на оныя долженъ состоять въ ясномъ и точномъ изложенія подлинныхъ произшествій. Тогда всякъ удобно увидитъ то, что похулить, что извинить и что похвалить въ поведеніи Цицероновомъ можно: тогда

всякому легко будетъ произнести приговоръ, основавъ сужденіе свое на *вѣрныхъ послѣдствіяхъ*. Сіе краткое изслѣдованіе, къ предмету нашему естественно принадлежащее, можетъ намъ принести и пользу и удовольствіе.

Не надлежало бы говорить, что въ самую блистательную эпоху жизни Цицерона, въ эпоху, когда онъ названъ отцемъ отечества, *начались его проступки, и слава его увядать стала.* Съ эпохи сей до самаго изгнанія его, въ продолженіи четырехъ лѣтъ, я не думаю, чтю бы онъ сдѣлалъ какой либо *проступокъ;* и приписываемыя здѣсь ему погрѣшности суть пустыя только предположенія.

Не надлежало бы спрашивать, человѣкъ толико искусный, какъ онъ, проникъ ли въ честолюбивые виды Цезаря? и не столько проницательные люди, какъ онъ, нимало въ томъ не обманывались: въ семъ согласны всѣ историки. Потомъ вопрошается, *для чего онъ не присматривалъ за симъ молодымъ честолюбцемъ, для чего не возпротивился его происканіямъ?* Итакъ посмотримъ, не все ли сдѣлалъ онъ, что могъ только сдѣлать.

Здѣсь, кажется, забыто, что Цезарь не былъ еще тогда въ состояніи явно угрожать истребленіемъ вольности: Помпей, бывъ всемоченъ въ Римѣ, Помпей только

ногъ, по окончаніи войны съ Митридатомъ, безпрепятственно присвоить себѣ всю ту власть, какую имѣлъ Силла. Онъ не хотѣлъ того сдѣлать. Его честолюбіе, по видимому, довольствовалось однимъ титломъ перваго гражданина въ Римѣ, и страшилось имени тиранна; онъ разпустилъ войско свое, и сей поступокъ учинилъ его идоломъ Сената и народа. Не доброжелательствовала ему только сторона Республиканцевъ, коихъ называли тогда *optimates*, (лучшіе, первостепенные граждане) названіе соотвѣтствовавшее греческому слову *arictocrates* (благородные, вельможи). Страшное хуленіе для насъ! но, говоря о Древнихъ, принуждены мы принять и языкъ и мысли ихъ. Между нами *Аристократъ* есть приверженецъ осужденнаго на изгнаніе дворянства, и слѣдовательно врагъ нашей *демократіи* (народоправленія). Между Римлянами, когда правленіе было въ рукахъ Сената, хотя верховная власть заключалась въ народѣ, между Римлянами, кои сохранили сословіе *Патриціевъ* (благородныхъ), хотя Плебеане (простонародные) могли вступать во всѣ достоинства безъ изключенія, *Аристократы* были друзья и защитники государственнаго законоположенія, и враги всякаго самовластія, хотя бы кто достигъ сего, лаская народу, какъ Марій, или привергшись къ Сенату, какъ Силла. *Optimates* были въ то время, о коемъ говоримъ, наилучшіе и знаменитѣйшіе граждане Рима, Катулы, Домиціи, Марцеллы,

Гортензіи, и пр. и глава ихъ Цицеронъ со вступленія своего въ консульство, хотя и не былъ изъ рода *Патриціевъ*. Катонъ также не былъ *Патриціи*, и я увѣренъ, что большая часть изъ тѣхъ, кои наиболѣе произносятъ сіи знаменитыя имена Катона и Брута, весьма удивятся, естьли имъ доказать, что Катонъ и Брутъ были самые ревностные *Аристократы*, о чемъ всякому по крайней мѣрѣ здѣсь (*) должно быть извѣстно. Благоразумный человѣкъ не могъ не смѣяться отъ жалости, смотря долгое время на такихъ людей, кои читать едва умѣя, хотѣли ввести между всѣми народами одинаковый образъ политики, и даже ругались надъ тѣми, кои мнили быть свободными и республиканцами на свой собственный образецъ. Наконецъ оставлено, хотя нѣсколько и поздо, сіе неслыханное сумасшествіе, которое заключало въ себѣ нѣчто худшее, нежели достойное посмѣянія; примѣчено, что тѣ, кои провозгласили *права человѣка* неприкосновенными, должны уважать права народовъ, могущихъ по всей справедливости, избирать образъ правленія, какій имъ угодно, и что, ежели есть законное средство дѣйствовать на другія правленія, оное состоитъ въ томъ, что бы въ своемъ собственномъ подать примѣръ мудрости и благоденствія.

(*) Нормальныя училища составлены изъ тысячи двухъ сотъ искусныхъ наставниковъ.

Крассъ, непріятель Помпея по тому, что ничего кромѣ богатства, не могъ противопоставить славѣ его, нѣкоторымъ образомъ равнялся съ нимъ въ могуществѣ посредствомъ того несмѣтнаго богатства, доставлявшаго весьма многія пособія въ развращенной Республикѣ, гдѣ все было продажное. Ихъ раздоры хотя нѣсколько возмущали государство, но по крайней мѣрѣ поддерживали вольность. Цезарь, который видѣлъ сіе яснѣе, нежели они оба, Цезарь, который высокою породою и великими дарованіями своими начиналъ уже отличаться, который снискалъ любовь къ себѣ разточительностію и народоугодіемъ, и который, управляя Испаніею, велъ себя такъ, что заслужилъ торжественный вѣздъ въ Римъ; Цезарь почувствовалъ, что нужны для него сіи два человѣка, кои и лѣтами и довѣренностію отъ народа превышали его, и онъ сдѣлался примирителемъ между ими, дабы употребить ихъ въ свою пользу, обмануть ихъ и низпровергнуть: *что вы дѣлаете?* (говорилъ онъ имъ) „*своими раздорами умножаете только* „*силу Цицерона и Катона. Соединимся* „*всѣ трое: мы все покорили, истребили* „*всякую другую власть, и мы одни бу-* „*демъ владыками Республики.*„

Въ самомъ дѣлѣ, Цицеронъ, со времени консульства своего, началъ имѣть въ правленіи такой перевѣсъ, что Помпей не могъ ему не завидовать. Клеветники Цицеро-

новы, то есть, нечестивые останки заговора Катилинина, всѣ тѣ, кои были тайными подстрѣкателями онаго, словомъ, всѣ злоумышленные граждане называли тираннiею ту власть, какую доставили Цицерону его дарованiя, добродѣтели, заслуги, и которой употребленiе было всегда законно; и замѣтимъ, что злые называютъ законъ тираннiею, а имя вольности придаютъ только безначалiю, потому что подъ властiю закона, должны они всего бояться, а при безначалiи всего надѣяться могутъ. Не надлежало бы, кажется, впадать въ сѣти, съ давнихъ вѣковъ столь извѣстныя, и сiи старинныя истины долженствовали бы служить надежнымъ щитомъ противъ столь грубыхъ злоупотребленiй. Но большая часть управляемыхъ не знаютъ сихъ истинъ; большая часть управляющихъ не имѣютъ мужества возпользоваться ими; и такимъ образомъ сбывается Фонтенелево изрѣченiе: *глупости отцевъ не обращаются въ наставленiе дѣтямъ.*

Цицеронъ и Катонъ увидѣли приближающееся бѣдствiе, и соединили усилiя свои для отвращенiя онаго. Особливо Цицеронъ, который любилъ Помпея, и которому Помпей являлъ знаки дружбы, не опустилъ ничего для открытiя ему глазъ на поведенiе Цезаря, и на тѣ пагубныя послѣдствiя, какiя могли отъ того произойти, ежели Помпей и Крассъ пособятъ ему достигнуть консульства. Помпей не хотѣлъ

ничему вѣрить; сей человѣкъ, ничего отмѣннаго въ себѣ не имѣвшій кромѣ воинскихъ дарованій, которыя сперва были съ лишкомъ превознесены, когда счастіе во всемъ еще ему служило, и потомъ съ лишкомъ унижены, когда оно оставило его предъ Цезаремъ, коему все покорялось; сей человѣкъ, господствуемый малыми страстьми, которыя заставляли его забывать великія выгоды, будучи притворенъ безъ хитрости, и всегдашнимъ игралищемъ своего тщеславія гораздо въ вышшей степени, нежели Цицеронъ, котораго, можетъ быть, порицали въ семъ только по тому, что въ немъ соединялось оно съ любовію истинной славы; Помпей видѣлъ одну надежду, что не встрѣтитъ уже болѣе препонъ желаніямъ своимъ, и отвергъ всякую мысль о опасности въ томъ надмѣнномъ упованіи, что всегда онъ будетъ въ силахъ остановить Цезаря, когда того ни захочетъ. Такимъ образомъ составилось первое тріумвирство: извѣстно, какія были послѣдствія отъ онаго. Помпей возненавидѣлъ Цицерона за то, что онъ хотѣлъ возпрепятствовать сему союзу: Цезарь также противъ него огорчился. Сдѣлавшись консуломъ, издалъ онъ, при помощи Помпея и трибуновъ, законы самые гибельные, и наконецъ получилъ то, чего желалъ, какъ надежнаго средства присвоить себѣ неограниченную власть; то есть, получилъ начальство надъ войсками, для завоеванія Галліи посланными. Цицеронъ, коего такъ

какъ и Катона, хотѣли они оба непремѣнно удалить изъ Рима, дабы властвовать имъ безпрепятственно; Цицеронъ бы оставленъ ими на произволъ неистоваго трибуна Клодія. Чтобъ не возжечь междуусобной войны, Цицеронъ добровольно пошелъ въ ссылку; а противъ Катона не имѣя никакого предлога, они сбыли его съ рукъ, поручивъ ему въ управленіе островъ Кипръ.

Пусть скажутъ намъ теперь, что Цицеронъ *долженъ былъ тогда возстать, загрѣмѣть, возбудить весь Римъ*, и проч. Сіе значило бы не знать довольно и нравовъ Римскихъ и исторіи. Нѣкоторыя замѣчанія подадутъ о томъ яснѣйшее понятіе. Надлежитъ припомнить, что въ Римѣ не льзя было иначе имѣть великой силы и способовъ дѣйствовать, какъ посредствомъ государственныхъ должностей, то есть, худымъ или добрымъ, болѣе или менѣе распространеннымъ употребленіемъ власти, которая обуздавалась однимъ только опасеніемъ суда по сложеніи съ себя званія; но сіи же самыя государственныя должности часто подавали способъ предотвращать такое опасеніе. И такъ все дѣлалось законнымъ порядкомъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда уже явно подъемлемо было оружіе, чего, послѣ Силлы, не случалось до перехода Цезарева чрезъ Рубиконъ. Говорятъ намъ: *чего смотрѣлъ Цицеронъ, когда Цезарь продолжалъ начальство надъ*

войсками, вопреки законамъ? Нѣтъ, не *вопреки законамъ:* въ силу законовъ, въ силу опредѣленія, Сенатомъ постановленнаго и подкрѣпленнаго трибунами и Помпеемъ, Цезарю продолжаемо было чрезъ пять лѣтъ начальство въ Галліяхъ. Что же могъ сдѣлать Цицеронъ противъ власти Сената и народа? Порицатель его, по видимому, думаетъ, что въ Римѣ все также бывало, какъ и въ небольшой Аѳинской республикѣ, гдѣ народъ не столь многочисленный разбиралъ самъ всѣ важныя дѣла, и гдѣ герольдъ возглашалъ именемъ народа: *кто хочетъ говорить?* Онъ думалъ по сему, что Цицеронъ могъ словомъ дѣлать все то, что дѣлалъ Димосѳенъ. Нѣтъ, въ Римѣ все было подчинено градоначальникамъ. Въ Сенатѣ все зависѣло первоначально отъ Консуловъ; въ собраніи народномъ все зависѣло отъ трибуновъ. Сіи градоначальники могли, по своему произволу, созывать или разпускать собранія: особливо трибуны могли возпрепятствовать всякому, кто бы то ни былъ, говорить къ народу безъ ихъ позволенія. Такимъ образомъ, когда тріумвиры склонили на свою сторону Консуловъ и трибуновъ, (и они имѣли къ тому способы) тогда ничто противостоять имъ не могло. Катонъ хотѣлъ однажды отвергнуть нѣкоторый законъ Цезаря, въ то время Консуломъ бывшаго: Цезарь, находившійся при томъ вмѣстѣ съ трибунами, приказалъ отвести Катона въ темницу. А еще болѣе:

Консулы и трибуны властны были остановить собраніе всякаго рода, и слѣдовательно всякое избраніе градоначальниковъ. Сіе-самое случилось, когда Помпей хотѣлъ принудить Римлянъ провозгласить себя Диктаторомъ. Приверженная къ нему сторона остановила всякое избраніе, и наконецъ онъ одинъ объявленъ Консуломъ, чему не было примѣра, и что самъ Катонъ одобрилъ, сказавъ, что и непорядочное правленіе все еще лучше безначалія.

Вы понимаете теперь, что краснорѣчіе и самая добродѣтель не могла всего сдѣлать; надлежало прибѣгнуть къ политикѣ. Въ чемъ же состояла Цицеронова политика? Въ томъ, чтобъ сихъ честолюбивыхъ гражданъ, споривщихъ о верховной власти, поставлять одного противъ другаго, и тѣмъ ихъ удерживать; и по истинѣ, ничего лучше не льзя было дѣлать. Онъ зналъ совершенно Помпея и Цезаря; онъ ясно видѣлъ, что сей послѣдній простиралъ намѣренія свои далѣе, нежели первый; что одинъ хотѣлъ властвовать въ Республикѣ, не изпровергая оной, а другой, поправъ ногами всѣ законы, хотѣлъ непремѣнно царствовать. Итакъ остался онъ навсегда прилепленнымъ къ Помпею, хотя имѣлъ много причинъ на него жаловаться. Онъ не переставалъ предостерегать его противъ честолюбія Цезарева; онъ совершенно предвидѣлъ будущее, совершенно зналъ людей и положеніе дѣлъ; доказыва-

ютъ то его письма, до насъ дошедшія. Когда Цезарь снялъ съ себя личину и перешелъ чрезъ Рубиконъ, Цицеронъ не *преклонилъ колѣна предъ идоломъ*, какъ здѣсь его порицаютъ. Надлежитъ все сказать: вотъ что тогда происходило.

Онъ, бывъ совершенно увѣренъ, что междуусобная война кончится порабощеніемъ Рима, старался столько же предупредить разрывъ между Цезаремъ и Помпеемъ, сколько препятствовалъ прежде соединенію ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, тріумвирство оставляло хотя видъ правленія законнаго и республиканскаго; а междуусобная война необходимо долженствовала ввести самовластіе. Когда бѣдствія неизбѣжны, благоразуміе избираетъ изъ нихъ меньшее; *minima de malis* есть изображеніе онаго. Помпей глупымъ самохвальствомъ своимъ и безпечностію все испортилъ. Онъ принужденъ былъ, какъ бѣглецъ, оставить Римъ и Италію; однако законная власть была на его сторонѣ, и по тому всѣ республиканцы приверглись къ нему, хотя его и охуждали. Сія эпоха наиболѣе навлекла порицаній на Цицерона за его нерѣшительность, о коей извѣстно намъ изъ писемъ его къ Аттику. Я не почитаю порицаній сихъ основательными; ибо нерѣшительность не всегда означаетъ слабость. Цицеронъ не колебался, къ какой сторонѣ пристать ему, но хотѣлъ пристать къ оной, сколько можно, позже;

онъ предвидѣлъ, чему быть долженствовало. Объ стороны описалъ онъ немногими словами: *на одной сторонѣ всѣ права, на другой всѣ силы.* Цезарь, являвшій столько же умѣренности, сколько Помпей являлъ гордости, дѣлалъ мирныя предложенія на условіяхъ довольно выгодныхъ, и Цицеронъ желалъ, чтобъ оныя были приняты; но Помпей ни о чёмъ не хотѣлъ слышать. Цезарь, между тѣмъ, приближился къ Риму, и намѣревался созвать Сенаторовъ и другихъ чиновниковъ, сколько ихъ оставалось тогда въ городѣ, дабы придать поступку своему видъ *законности*, толь строго наблюдаемой во нравахъ римскихъ. Онъ поворачиваетъ съ дороги своей, и въ сопровожденіи четырехъ или пяти сотъ человѣкъ, пріѣзжаетъ ужинать къ Цицерону, жившему тогда въ одномъ изъ загородныхъ домовъ своихъ. Вы можете судить по сему посѣщенію и по тому, чѣмъ кончилось оное, какимъ высокимъ уваженіемъ наслаждался Цицеронъ единственно по своей славѣ, дарованіямъ и добродѣтелямъ своимъ, и въ тоже время увидите, простиралася ли та слабость, коею порицаютъ его, до пожертвованія должностями своими, Цезарь, который отдавалъ ему болѣе справедливости, нежели мы, не осмѣлился даже склонять его на свою сторону, а только просилъ не приставать ни къ той, ни къ другой сторонѣ; что самое, говорилъ онъ, прилично и лѣтамъ и достоинству такого человѣка, какъ

онъ, и который можетъ одинъ принять на себя ходатайство между двумя противными сторонами, ежели есть средство къ примиренію. Онъ обѣщалъ предложить о томъ сенату, и уговаривалъ Цицерона пріѣхать въ собраніе онаго. *Но ежели я туда приду*, сказалъ ораторъ, *позволено ли мнѣ будетъ объяснить свои мысли? — Безъ сомнѣнія.* Когда Цицеронъ произнесъ мнѣніе совершенно противное намѣреніямъ Цезаря, сей вскричалъ: *вотъ именно чего я и не хочу, что бы говорено было. Такъ я не буду въ Сенатѣ*, отвѣчалъ съ холодностію Цицеронъ, *ибо ничего другаго такъ сказать не могу.* Цезарь кончилъ разговоръ съ досадою и даже съ угрозами; они разстались, будучи весьма недовольны другъ другомъ, и спустя нѣсколько дней, Цицеронъ удалился въ станъ Помпеевъ.

Порицающіе его въ слабости пусть представятъ самихъ себя въ подобномъ свиданіи съ Цезаремъ, и пусть вообразятъ при томъ многочисленность сопровождавшихъ его, которая, по свидѣтельству Цицерона и историковъ, приводила въ трепетъ, во всякомъ человѣкѣ извинительный. Цицеронъ только вознегодовалъ на то, и заключилъ, что лучше быть еще побѣжденну съ Помпеемъ, нежели побѣдить съ такими сообщниками.

Прейдемъ къ тому, что послѣдовало за Фарсальскою битвою, и сперва послушаемъ обвинителя.„ *Вы были бы*, возкли-

цаетъ онъ, *еще бъ живыхъ, Кассій и Брутъ, жили бы для Рима; вы приняли подареніе жизни отъ Тирана, но смерть была цѣною, коею хотѣли вы заплатить за ненавистное его благодѣяніе.*„

Кто не заключитъ изъ сихъ выраженій, что Брутъ и Кассій вознамѣрились остаться въ живыхъ шолько для того, чтобъ убить Цезаря? Нѣтъ, сіе несправедливо. Откройте исторію, и вы увидите, что оба они спѣшили примириться съ нимъ отъ искренняго сердца; что оба они, а особливо Брутъ, были въ числѣ друзей его; что оба они, послѣ сраженія Фарсальскаго, писали къ нему, *прося повелѣній его*, и прибыли въ его станъ; что Брутъ даже сильно убѣждалъ Цицерона послѣдовать примѣру ихъ: сей того только и ожидалъ, что бы Цезарь отписалъ къ нему прежде. Всему сему мы не должны удивляться. Ни одинъ изъ нихъ не отчаявался еще о благосостояніи Республики, и всѣ они желали видѣть, какое употребленіе сдѣлаетъ Цезарь изъ побѣды своей. Еще не забыто было объ отреченіи Силлы: Цезарь могъ больше сдѣлать. Съ начала показалъ онъ въ поведеніи своемъ столько великодушія, что вселилъ о себѣ добрую надежду; Брутъ и Кассій болѣе всѣхъ ласкались ею; они были почти неотлучно при Диктаторѣ: получили отъ него многоразличныя благодѣянія, и пользовались великою довѣренностію. Цицеронъ, по лѣтамъ и опытности сдѣлавшись недовѣрчивѣе, не выходилъ

изъ своего дому, и однажды только явился къ Цезарю, для предложенія услугъ, какъ другу. Посѣтителей было такое множество, что Цицерону надлежало нѣсколько времени дожидаться въ передней. Цезарь, вышедъ на минуту, увидѣлъ его, извинялся предъ нимъ, и входя во внутренніе покои, сказалъ сіи весьма примѣчательныя слова: *Какъ хотите вы меня увѣрить, что могущество мое приятно Римлянамъ, когда вижу такого заслуженаго мужа, каковъ Цицеронъ, дожидающагося меня въ моей передней?* Въ собраніяхъ Сената, хранилъ онъ глубокое молчаніе до дѣла о Марцеллѣ. Пусть же порицаютъ здѣсь Цицерона, какъ *послѣдняго изъ подлостей*, тѣмъ, что при семъ случаѣ раздѣлялъ съ Сенатомъ чувствительность и благодарность; и Тирана осыпалъ похвалами: вотъ мой на то отвѣтъ.

Станемъ судить о вещахъ на ихъ мѣстѣ; посмотримъ на времена, нравы и людей. Что бы обвинить Цицерона, надлежитъ или осудить весь Сенатъ, не изключая Брута и Кассія, или представить кого ни есть такого, чье поведеніе было бы противоположно поведенію Цицерона; ибо, тогда было много республиканцевъ, и между прочими шестьдесятъ Сенаторовъ, кои, спустя нѣсколько времени, сдѣлали заговоръ; по чему не нашлось ни одного, который бы поступилъ иначе, нежели Цицеронъ? По чему, напротивъ того, раболѣп-

ствовалъ онъ гораздо менѣе, нежели всѣ другіе, какъ-то доказывается подробнымъ сего засѣданія Сенатскаго описаніемъ, которое до насъ дошло? По недостатку вниманія, мы все смѣшиваемъ. Поступокъ, коимъ Цезарь ознаменовалъ день сей, въ разсужденіи самаго ревностнаго республиканца и самаго жестокаго врага своего, Марцелла, которому онъ, по настоянію и просьбамъ Сената, дозволилъ возвратиться изъ ссылки, плѣнилъ умы всѣхъ, и подтвердилъ то мнѣніе, въ коемъ еще оставались Римляне, что Цезарь имѣлъ довольно величія духа для возстановленія Республики. Цицеронъ, бывъ равно чувствителенъ и какъ гражданинъ и какъ другъ, не могъ не раздѣлить сего всеобщаго восторга. Онъ въ первый разъ прервалъ молчаніе; онъ хвалилъ не *Тирана*, (надобно говорить правду) но Цезаря, но великаго мужа; сіе наименованіе оспориваемо не было, а первое подвергалось еще сомнѣнію, и Цезарь не показывалъ иной власти, кромѣ законной. И для чегожъ бы Цицерону не благодарить и не хвалить Цезаря, когда весь Сенатъ, просившій о возвращеніи Марцелла, былъ въ томъ удовольствованъ? Здѣсь-то надлежитъ отвѣтствовать обвинителю Цицерона, вовсе отвергающему побужденіе *дружбы*. Безъ сомнѣнія, не можетъ она никогда служить извиненіемъ ни преступленію, ни подлости. Но, вопервыхъ, можно видѣть ясно, что по понятіямъ и обычаямъ тогдашняго времени, никто не почи-

талъ за униженіе просить и благодарить перваго градоправителя Рима: извѣстно, до какого степени, и не стыдясь, низходилъ въ семъ предъ судіями. Я здѣсь не стану разсматривать сихъ обычаевъ; не о томъ идетъ дѣло; я только представляю ихъ въ точности, и всякъ знаетъ, что поступки частныхъ людей повсюду судятся сообразно обычаямъ народнымъ. Я присовокупляю, что обязанности дружбы простирались у Римлянъ гораздо далѣе, нежели между нами; и какого бы мнѣнія о семъ кто ни былъ, но неоспоримо то, что надлежитъ судить о Римлянинѣ по обычаямъ страны его.

Теперь хотите ли видѣть въ семъ самомъ благодареніи за Марцелла, свидѣтельство иамѣреній и надеждъ Цицерона? Хотители знать, въ какихъ выраженіяхъ говоритъ онъ къ побѣдителю Фарсальскому и обладателю міра? Прочтите еще выписку изъ той рѣчи, до которой, по счастію, не коснулась ѣдкость времени; изъ сего превосходнаго отрывка вы увидите, какъ откровенно говоритъораторъ Герою, что онъ не сдѣлалъ еще ничего истинно великаго, если не возставитъ вольности народной на твердыхъ основаніяхъ.(*) Такъ ли говоритъ рабъ и ласкатель? Доколѣ не представятъ мнѣ кого либо другаго, который бы говорилъ такимъ образомъ Цезарю, да будетъ мнѣ позволено удивляться Цицерону. Знаю,

---

(*) Въ предъидущей главѣ.

что онъ даетъ истинѣ виды прилипные и привлекающіе; но, когда хотимъ обратить къ истинной славѣ такого человѣка, коего почитаемъ достойнымъ сего, должно ли употреблять грубыя и колкія рѣчи? Вольтеръ, въ слѣдующихъ стихахъ, кажется, угадалъ мысли и намѣренія Цицероновы: въ трагедіи, *спасенный Римъ*, Цицеронъ говоритъ Катону, который хотѣлъ, что бы поступлено было съ Цезаремъ также, какъ съ Катилиною:

„Научись различать честолюбца отъ предателя:
„Естьли онъ не добродѣтеленъ, мой голосъ при-
нудитъ его быть таковымъ.
„Необузданное въ сердцѣ смертныхъ мужество
„Творитъ или великихъ героевъ, или великихъ
преступниковъ.
„Подавшій свѣту примѣры злодѣяній,
„Естьлибъ любилъ славу, заслужилъ бы храмы;
„И самый Катилина, толикими неистовствами
объятый,
„Былъ бы Сципіонъ, естьлибъ былъ руководимъ
мною.

Цицеронъ обманулся въ своемъ чаяніи такъ, какъ и всѣ обманулись. Для чегожъ обвинять его одного? Послѣ сего-то засѣданія, въ которомъ Цезарь, къ удовольствію Сената, оказалъ и къ нему уваженіе, и къ Республикѣ добрыя разположенія свои, писалъ Цицеронъ въ Аттику, что начинаетъ онъ имѣть надежду о ея спасеніи, по-

елику возпринимаетъ она паки нѣчто отъ древняго ея достоинства. Тогда-то говорилъ онъ за Лигарія и Деіотара; да и невозможно ему было не сдѣлать сего. Что сказали бы объ немъ, естьли бы отказался защищать друга и приверженца, когда Цезарь изъискивалъ, по видимому, всѣ случаи угодить ему, и, скажу словами Аттика, *похлѣбствовалъ Цицерон*? Съ котораго же времени изчезли всѣ сіи надежды, и когда составился заговоръ? Тогда, въ чемъ всѣ историки согласны, какъ Цезарь, упоенный своимъ счастіемъ, потребовалъ, или по крайней мѣрѣ не отвергъ тѣхъ почестей, которыя вскорѣ простерлись до подлѣйшаго ласкательства; какъ позволилъ носить истуканъ свой вмѣстѣ съ истуканами боговъ; какъ оскорбилъ гордость Сената, не вставъ предъ посланными къ нему отъ сего сословія; какъ далъ примѣтить притязанія свои на царство; какъ Антоній показалъ столько подлости, что хотѣлъ примѣрять царскій вѣнецъ къ челу его: съ сего самаго часа былъ онъ на смерть обреченъ. Письма, писанныя къ Бруту, приводили уже на мысль ему то, чего ожидалъ Римъ отъ человѣка, сіе имя носившаго, а Кассій совершенно утвердилъ его въ намѣреніи. Какъ можетъ говорить обвинитель Цицерона, что не участвовалъ онъ въ заговорѣ по тому, что по своимъ угожденіямъ Диктатору, сдѣлался для нихъ подозрительнымъ? Какъ могли Брутъ и Кассій, по таковой причинѣ, подозрѣвать Цицерона или

не признавать республиканскаго духа въ немъ, не обвинивъ самихъ себя, когда поступили они гораздо не скромнѣе, нежели онъ? Коль скоро Цезарь показалъ въ себѣ Тирана, тотчасъ обнаружилъ Цицеронъ свои чувствованія; вольностію въ разговорахъ заставилъ онъ трепетать друзей своихъ, и всѣ знали, что Цезарь ею весьма оскорблялся. Въ то же время Цицеронъ издалъ въ свѣтъ похвальное слово Катону, человѣку, Тираномъ наиболѣе ненавидимому; сіе слово произвело величайшее впечатлѣніе, и Цезарь почелъ за нужное отвѣтствовать на оное своимъ сочиненіемъ, названнымъ *Анти-Катонъ*. Стихи одной трагедіи, (*) въ которой Брутъ представляется говорящимъ, не служатъ ни малѣйшимъ доказательствомъ противъ Цицерона. И дѣйствительно, въ послѣдствіи Брутъ весьма негодовалъ на связи его съ юнымъ Октавіемъ; но въ то время, о коемъ мы говоримъ, былъ онъ въ великой дружбѣ съ Цицерономъ. Справедливо мнится, что-сдѣлавшіе заговоръ не открыли ему тайны своей по тому, что они почли человѣка лѣтъ его (ему было тогда шестьдесятъ четыре года) неспособнымъ къ дѣлу отважному, и опасались, что бы или болязливость старца не попрепятствовала рѣшительности ихъ, или опытность его

(*) Смерть Цезаря.

не сдѣлала его главнымъ въ такомъ предпріятіи, чести коего оставить ему они не хотѣли.

Впрочемъ, кто хочетъ вникнуть во всѣ сіи подробности, тому стоитъ только прочитать драгоцѣнное собраніе писемъ его и Аттиковыхъ: въ нихъ совершенно обнаруживаетъ онъ свою душу: и по сему судить можно, не превышаютъ ли его добродѣтели слабостей его. Онъ самъ строже всѣхъ укоряетъ себя въ нихъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, которыя относятся къ дѣламъ государственнымъ; ибо, что касается до уныніи его въ ссылкѣ и безмѣрной скорби о кончинѣ дочери его, почитаетъ онъ себя правымъ въ сихъ двухъ статьяхъ, противополагая всѣмъ укоризнамъ свою чувствительность; сіе однакожъ мнѣ не препятствуетъ быть одного мнѣнія съ его современниками, кои основательно думали, что и самымъ естественнымъ чувствованіямъ есть мѣра, и ничто не должно отнимать у человѣка мужества, приличнаго человѣку. Я также охуждаю съ ними и вмѣстѣ съ нимъ самимъ тѣ потворства и угожденія, на которыя снизходилъ онъ по гибельной дружбѣ къ Помпею; сія дружба не однократно навлекала ему нарекания, а особливо когда она заставила его защищать въ судѣ столь злыхъ людей, каковы были Габиній и Ватиній, коихъ самъ же онъ покрывалъ срамомъ и безчестіемъ во многихъ изъ рѣчей своихъ.

Остается оправдать его въ разсужденіи связей его съ юнымъ Октавіемъ; сдѣлать сіе всего легче, и въ самыхъ коротких словахъ. Мнѣ потребна только историческая истина, которую нарушаетъ обвинитель Цицероновъ на каждой строкѣ весьма страннымъ образомъ. Онъ говоритъ, что Брутъ и Кассій умерли прежде Цицерона, а война даже не началась еще, какъ сей великій мужъ сдѣлался жертвою меча тріумвирскаго. Онъ выставляетъ его *спокойнымъ зрителемъ великихъ разпрей, послѣдовавшихъ за кончиною Цезаря*, а онъ былъ тогда первымъ дѣйствователемъ, твердѣйшею подпорою вольности, душею Сената и страшнѣйшимъ врагомъ Антонія. Тогда-то сдѣлался онъ паки тѣмъ, чѣмъ былъ противъ Катилины, и сіи послѣдніе пруды, увѣнчавая знаменитую жизнь, были увѣнчаны славною кончиною.

Въ заключеніе, строго слѣдуя исторіи, утверждаю, что Цицеронъ, хотя вообще политика господствовала въ его характерѣ болѣе, нежели твердость духа, и хотя въ поведеніи его представляются нѣкоторыя неравности, никогда однако не измѣнялъ выгодамъ государственнымъ; и не повторяя здѣсь всѣхъ похвалъ, какія воздаваемы были ему Древними въ прозѣ и стихахъ за его патріотическія добродѣтели, я приведу только свидѣтельство та-

кого человѣка, котораго не льзя подозрѣвать въ пристрастіи къ республиканцу; коего смерть долженствовала приводить его въ стыдъ. Сей самый Октавій, сдѣлавшійся послѣ Императоромъ подъ именемъ Августа, нечаянно засталъ однажды внука своего, Друза, читавшаго сочиненія Цицероновы. Молодой человѣкъ хотѣлъ было спрятать книгу подъ свое платье, по тому что боялся оскорбить Цезаря, читая творенія республиканца. *Читай, мой сынъ,* сказалъ ему Августъ, *читай: онъ былъ высокаго ума и превосходный гражданинъ, который весьма много любилъ свое отечество.*

Вы видѣли, что одинъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ предубѣжденій, полико общихъ нынѣ, противъ великихъ людей, и тотъ духъ строптивости, который, какъ будто напрерывъ, противу ихъ выставляется, произходятъ отъ незнанія исторіи; а симъ доказывается, сколько пренебрежены всѣ отрасли ученія, и сколь рѣдки сдѣлались всѣ роды наставленія. Отъ сего часто произтекаютъ слѣдствія опасныя совсѣмъ съ другой стороны, нежели обнаруженныя мною, поелику заблужденіе и ложь приводятся во свидѣтельство, да и въ случаяхъ весьма важныхъ. Сей самый Цицеронъ, о которомъ мы теперь разсуждали, приводитъ мнѣ на память примѣръ сколько плачевный, столько и постыдный. Когда у насъ разсуждаемо было о учрежденіи

тѣхъ кровожаждущихъ судилищъ, которыми нынѣ явно гнушаемся, какъ уже пали онѣ, а въ то время едва говорить объ нихъ мы смѣли; кто бы повѣрилъ, что бы въ опроверженіе нѣкоторыхъ представленій противъ неслыханнаго закона, позволявшаго осуждать безъ доказательствъ, одинъ *конвенціонный* членъ сослался на поступокъ Цицероновъ въ сужденіи сообщниковъ Катилининыхъ? „*Цицеронъ*, произнесъ онъ голосомъ важнымъ и рѣшительнымъ, *нужны ли были доказательства, чтобъ осудить на смерть Катилину и его сообщниковъ?*„

Пусть тогда не хотѣлъ никто спорить противъ сего грубаго подлога потому, что опасно было даже прекословить тиранамъ относительно толь извѣстнаго историческаго произшествія; но я знаю, что такая же ложь была и послѣ повторяема въ такихъ сочиненіяхъ, кои писаны не для обмана. Сіе-то побудило меня говорить предъ совершеннолѣтними о томъ, что знаютъ двѣнадцатилѣтніе ученики въ училищахъ, т. е. что никогда разыскание судебное не простиралося такъ далеко, какъ въ дѣлѣ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь; поелику Сенатъ Римскій основалъ приговоръ свой на подписи и признаніи мятежниковъ. Въ разсужденіи же самаго Катилины, который никогда не былъ судимъ, и который погибъ съ оружіемъ въ рукахъ, погрѣшность маловажна, и я даже умолчалъ бы

о ней, ежели бы въ *Конвенціи* не было еще упоминаемо объ *ешафодѣ* Катилины.

Но сіе обращаетъ меня къ послѣднему обязательству моему, чтобъ сдѣлать, говоря о Цицеронѣ, какъ-то я сдѣлалъ, говоря о Димосѳенѣ, нѣкоторое сличеніе древнихъ примѣровъ съ примѣрами низложенной наконецъ, къ счастію нашему, тираніи. Тѣ, кои замѣчаютъ ходъ порока во всѣхъ временахъ и во всѣхъ странахъ, и кои преодолѣваютъ отвращеніе отъ сего непріятнаго упражненія, единственно убѣждаясь пользою, какую оно можетъ принести въ узнаніи и врачеваніи болѣзней нравственныхъ и политическихъ, такъ какъ врачебная наука испытуетъ яды и даже самые пометы, для изысканія пособія для тѣлѣсныхъ болѣзней; тѣ найдутъ нѣкоторое ощутительное сходство между средствами, какими Верресъ, по случаю войны противъ морскихъ разбойниковъ, воспользовался для обогащенія своего хищеніемъ и всякими неправдами, и какія Вандейская война чрезъ толь долгое время доставляла тиранамъ Франціи. Правда, Верресъ не имѣлъ никакого участія въ семъ морскомъ разбойничествѣ, существовавшемъ задолго прежде его; не возбуждалъ и не поддерживалъ онаго, какъ и разбойничества Спартакова, слабые остатки коего послужили также предлогомъ жестокостямъ его. Но вмѣсто того, что бы государственную силу, какая была у него въ

рукахъ, употребить на отраженіе разбойниковъ, завладѣлъ онъ казною Республики, ограбилъ защитниковъ ея, и отнявъ у нихъ способы дѣйствовать, лишилъ ихъ жизни, подъ видами судебнаго порядка, боясь, дабы они не донесли на него. Наша исторія также скажетъ, что въ сію ненавистную Вандейскую войну, которая и существовала только по тому, что ея желали, въ сію войну, которая была тщательно поджигаема для того, что она ко всему способствовала, тираны наши избирали въ полководцы своихъ только сообщниковъ; что посылали они ихъ не столько для пораженія вооруженныхъ непріятелей, сколько для грабежа и убивства вѣрныхъ и миролюбивыхъ согражданъ нашихъ. Мы читали въ рѣчахъ противъ Верреса, что Римскій Проконсулъ, который поклялся вести непримиримую войну противъ торгующихъ, захватывалъ всѣхъ богатыхъ купцовъ и всѣхъ начальниковъ кораблей, на коихъ привозились сбѣстные припасы въ пристани Сицилійскія, и отбиралъ въ казну товары ихъ, приводя въ причину то, что якобы они держали сторону бѣглыхъ рабовъ, и доставляли имъ хлѣбъ и другія потребности; что онъ велѣлъ предать смерти великое множество изъ сихъ неповинныхъ людей, удалилъ отъ береговъ бывшей подъ управленіемъ его области всѣхъ купцовъ, до коихъ доходили слухи объ ужасныхъ его жестокостяхъ, произвелъ голодъ во флотѣ, и произвелъ бы оный во всей своей

области, естьли бы управлялъ ею долѣе. Такимъ же точно образомъ у насъ богатая торговля Ліона, Нанта, Бордо, Марсели и пр. которой завидовала вся Европа, была уничтожена отъ тѣхъ, кои рѣшились гнать купеческій промыселъ (negociantisme), преступленіе столь же новое, какъ и самое на французскомъ языкѣ названіе, и въ томъ только состоявшее преступленіе сихъ, по трудолюбію своему, полезныхъ людей, коихъ дѣятельная промышленность снабдѣваетъ цѣлое государство, кои вообще не могутъ обогащаться иначе, какъ дѣлая добро, не могутъ пріобрѣсти довѣренности къ себѣ иначе, какъ извѣстною честностію, не могутъ получать барышей иначе, какъ по мѣрѣ отваги своей; но ихъ промыселъ и дарованія вездѣ находятся въ почтеніи, вездѣ ободряются, гдѣ есть хотя первыя понятія о благоустроенномъ правительствѣ, кои впрочемъ суть первые друзья свободы и законовъ, поелику свобода и законы суть первыя подпоры торговли и трудовъ ихъ; и кои во всѣ времена и у всѣхъ народовъ присоединяемы были философіею къ числу благотворителей рода человѣческаго.

Цицеронъ не пренебрегъ упомянуть о нѣкоемъ Секстіѣ, приставникѣ темницъ Верресовыхъ, одномъ изъ послѣднихъ рабовъ Претора; и для чего? Для того, что онъ зналъ, что свойство начальниковъ дѣлаетъ-

ся свойствомъ подчиненныхъ, и что можно судить объ однихъ по другимъ. Въ существѣ тиранiи есть нѣкая неотъемлемая подлость, нѣкая особенная гнусность, развращающая все даже до палача; и кто увидитъ наши ешафоды и темницы, тотъ можетъ уже судить о нашемъ правленiи. Но Цицеронъ говоритъ только объ одномъ Секстiѣ; а мы имѣли ихъ нѣсколько тысячь, о коихъ упомянуть также не преминетъ исторiя; и сколь далеко превзошли они Секстiя! Сей извергъ налагалъ, правда, дань на несчастiе другихъ; онъ продавалъ позволенiе погребать умершихъ, а сей родъ продажи былъ отнятъ у нашихъ Секстiевъ по тому, что у насъ не было даже и погребенiя; но нигдѣ не сказано, что бы онъ ставилъ себѣ за долгъ и удовольствiе поминутно ругаться надъ поломъ, старостiю, нуждою, болѣзнiю, послѣднимъ издыханiемъ, трупами. . . . Колико ужасныхъ подробностей слегка только представляю я памяти и размышленiямъ вашимъ! здѣсь и не долженъ я болѣе сего сдѣлать: я знаю мѣру обязанности и словъ моихъ. Но сiи подробности не будутъ закрыты отъ потомства, для его наставленiя. Такъ, не будутъ закрыты: я клянусь въ томъ человѣчествомъ, паче всякой мѣры оскорбленнымъ; и ежели природа дала кисти моей нѣкую способность, ежели глубокое чувствованiе правъ человѣка можетъ дополнить недостатокъ дарованiя, то сiи разнообразныя, но равно гнусныя черты, разбросанныя нынѣ по нѣкоторымъ

убивственнымъ листамъ, будутъ собраны и разкрашены, дабы могли составить картину истины и ужаса, на кою бы смотрѣть не льзя было безъ пролитія слезъ. Сіи слезы не безполезны будутъ; показать все то, что могла сдѣлать поврежденная *безнравственность*, въ новомъ нарѣчіи простому народу за правило выставленная, есть подать совѣтъ человѣку никогда не изкажать выраженій въ нравоученіи, есть-ли не хочетъ онъ изказить всего вмѣстѣ. Какое наставленіе противъ разбойниковъ и утѣснителей, кои изъ сего чудовищнаго переиначенія сдѣлали толь страшное оружіе, при помощи невѣжества и пороковъ черни! Вотще надѣялись бы они удержать руку, могущую представить ихъ цѣлому свѣту во всемъ гнусномъ ихъ безобразіи; самый мечь убицъ устремился бы для сего очень поздо: картина, уже оконченная, хранится подъ тѣнію, въ ожиданіи свѣта всѣхъ истинъ; и естьли живописецъ не безопасенъ отъ ихъ ударовъ, по крайней мѣрѣ произведеніе его безопасно отъ ихъ покушеній.

При чтеніи прекрасной рѣчи за Архію, вы съ восторгомъ одобряли высокую похвалу наукамъ и художествамъ, которая достойна и предмета и оратора; ваши рукоплесканія были нѣкоею примирительною жертвою, которую принесли вы имъ, по разрушеніи царства невѣжества и безчеловѣчія. Но когда Цицеронъ, за осмьнадцать столѣтій до насъ, говорилъ съ такою рев-

ностію и силою о всеобщемъ къ дарованіямъ ума почтеніи, какъ о чувствованіи свойственномъ всѣмъ благообразованнымъ народамъ, когда поэзію особенно выставлялъ за предметъ священный даже у народовъ варварскихъ, когда цѣлый свѣтъ свидѣтельствовалъ о истинѣ словъ его: естьли бы кто сказалъ ему тогда, что по изшествіи многихъ вѣковъ и въ такое время, какъ сей свѣтъ наукъ, при немъ между Греками и Римлянами только заключавшійся, разольется по всей Европѣ, тѣ самыя науки, тѣ самыя дарованія у народа, способнѣйшаго всѣхъ другихъ распространить успѣхи и совершенство ихъ, будутъ торжественно объявлены заслуживающими гоненіе, осуждены на безславіе, оковы, казни, памятники ихъ попраны ногами, влачимы по грязи, изломаны, сожжены во всемъ пространствѣ великаго государства, безъ малѣйшаго прекословія; что подумалъ бы онъ о такомъ пророчествѣ? — Не почелъ ли бы его за мечту, которая сбыться иначе не могла, какъ развѣ при нашествіи, съ концевъ свѣта, какой либо дикой и все опустошающей орды, которая бы у сего покореннаго народа все предала огню и мечу, или развѣ гнѣвъ божескій поразилъ бы весь народъ тѣмъ мрачнымъ безумiемъ, тѣмъ жестокимъ сумасшествіемъ, которое есть послѣдній степень уничиженія человѣка, и обыкновенно предшествуетъ его разрушенію? И ежели бы сказать ему еще, что сіи непостижимые ужасы совершатся

именемъ *философіи*, именемъ *вольности*, именемъ *равенства*, именемъ *человѣчества*, именемъ *правъ человѣка*; не утвердился ли бы онъ болѣе прежняго въ предположеніи совершеннаго безумія и наказанія божескаго; ибо иначе не можно изъяснить сего неслыханнаго превращенія во всѣхъ понятіяхъ человѣческихъ?

Мы все сіе видѣли! . . . И за нѣсколько лѣтъ мы также были не въ состояніи предвидѣть и вообразить сего, равно какъ и Цицеронъ за двѣ почти тысячи лѣтъ. Мы все то видѣли! . . . и еще вопрошаемъ другъ друга, подлинно ли все то видѣли; что-жъ скажетъ потомство? Мы знаемъ нынѣ, что другіе народы сперьва никакъ не хотѣли вѣрить тому, что объ насъ разсказываемо было; они думали, да и не безъ основанія, что сіи невѣроятные разсказы были разсѣваемы злѣйшими врагами Франціи; такъ, и дѣйствительно они изобрѣтали, но не разсказы, а злодѣянія. Наконецъ надлежало убѣдиться множествомъ, единообразіемъ и важностію свидѣтельствъ: они, къ несчастію нашему, были очень явны. То же будетъ съ потомками нашими: самые неимовѣрные изъ нихъ уже ни мало не усомнятся, когда увидятъ всѣ злодѣянія, прикровенныя законными обрядами, коихъ подлинники, по многочисленности своей, не могутъ быть заперяны; когда прочитаютъ опредѣленія судебныя, и въ силу оныхъ напечатанныя

рѣчи всѣхъ *исполнителей* власти, начиная съ тѣхъ, кои назывались *представителями народа* до послѣднихъ разбойниковъ частныхъ *обществъ народныхъ;* когда прочитаютъ сіи только слова, взятыя мною, безъ всякой перемѣны, изъ письма, присланнаго въ *конвенціо* отъ одного изъ ея членовъ и записаннаго въ протоколъ съ помѣтою полученія его изъ такого города, который былъ нѣкогда самымъ цвѣтущимъ во Франціи, и который представляетъ нынѣ только кучу развалинъ: „*Духъ народ-*
„*ный уже образованъ въ семъ департа-*
„*ментѣ; здѣсь нѣтъ уже ни ученыхъ,*
„*ныхъ, ни высокихъ умовъ, ни красно-*
„*рѣчивыхъ писателей;* когда прочитаютъ отвѣтъ другаго изъ сихъ *повѣренныхъ,* торжественно засвидѣтельствованный цѣлымъ сословіемъ чиновниковъ по нѣкоторой исполнительной части, кои признавались, что не взятъ ими никто подъ стражу для того, что они не нашли ни одного *подозрительнаго:* „какъ! развѣ не нашли
„вы людей *ни богатыхъ, ни ученыхъ?*„

Итакъ трудъ историка будетъ совсѣмъ новаго рода: обыкновенно состоитъ онъ въ доказаніи подлинности дѣяній, когда оныя выходятъ нѣсколько изъ обыкновеннаго порядка, или обстоятельства ихъ мало извѣстны, или объяснены недостаточно. Здѣсь затрудненіе будетъ состоять въ томъ, что бы все вышесказанное сдѣлать правдоподобнымъ, хотя самая яв-

ная извѣстность, хотя многія и ясныя доказательства утверждаютъ оное. Сего достигнуть иначе не льзя, какъ показавъ подробно сплетеніе и ходъ причинъ и дѣйствій, и возшедъ до перваго даже начала, безъ котораго изъяснить ничего не можно.

Вы наконецъ видѣли, съ какимъ удовольствіемъ предается Цицеронъ ободрительной мысли, утѣшительнымъ видамъ будущаго, съ какимъ восторгомъ прилѣпляется онъ къ сему безсмертію, которое принадлежитъ существу мыслящему; и по тому-то такая душа, какова его, какова душа Платона, Сократа, Марка Аврелія, обнаруживаетъ в утреннее чувствованіе превосходства своего, врожденное впечатленіе о великомъ предопредѣленіи своемъ, и даже изъ мрака земнаго своего обиталища при свѣтѣ понятій о нравственности и божествѣ, устремляется она къ неизмѣримой вѣчности. Кто не обезчестилъ своего произхожденія и своего званія, тотъ не ищетъ конца своему существованію; кто не страшится взора небесъ, тотъ не требуетъ отъ земли всегдашняго покрова. Но почему безбожничество произвело въ короткое время толь ужасныя опустошенія, и сдѣлалось какъ бы символомъ вѣры даже для грубѣйшаго невѣжества? Прежде большая часть безбожниковъ были по крайней мѣрѣ только на словахъ; и увѣренность, ежели она существовала въ людяхъ просвѣ-

щенныхъ, не иное что была, какъ знакъ той странной глупости, коею голова, впрочемъ и умная, могла, по безмѣрному тщеславію, заразиться, такъ какъ иной дѣлается вдохновеннымъ, пророкомъ, чудотворцемъ, по умоизступленію или любопытству. Ибо всякая сильная страсть можетъ дать уму нѣкоторый видъ безумія; мы сему имѣемъ много примѣровъ, и глупость сама по себѣ не иное что есть, какъ крайнее напряженіе ума въ одну какую нибудь мысль, которая всѣ прочія приводитъ въ замѣшательство: такимъ образомъ по крайней мѣрѣ изъяснялъ прямое безбожничество, которое произойти отъ чего нибудь другаго, мнѣ кажется, никакъ не можетъ. Но нынѣ сіе пагубное ученіе сдѣлалось почти общенароднымъ по тому, что нѣкоторые люди изтребляя всю нравственность въ дѣлахъ и словахъ, низпровергли основаніе всякой умственной нравственности, вѣрованіе въ Бога; что приучая другихъ *издѣваться*, безъ стыда и угрызенія совѣсти, надъ словами *злодѣяніе* и *добродѣтель*, всегда въ превращенномъ смыслѣ употребляемыми, наконецъ увѣрили ихъ, что все внушенное природою и воспитаніемъ о должностяхъ человѣка, есть только мечта и ложь. И съ какою жадностію должны поврежденныя души прилѣпиться къ такому ученію, которое довершаетъ уже всякое развращеніе, заглушаетъ вовся совѣсть и оправдываетъ всякое преступленіе! Какъ

могутъ такіе люди не желать умереть, подобно скотамъ, поживъ на свѣтѣ чудовищами? Злодѣи не могутъ представить себѣ инаго убѣжища, иной надежды, инаго жребія, кромѣ ничтожества.

Впрочемъ надобно признаться, что всѣ сіи разбойники властители, въ немногіе годы унизившіе природу человѣческую болѣе, нежели тираны всѣхъ вѣковъ, легко могли возмнить, что поелику земля имъ принадлежала, то нѣтъ и на небеси для нихъ владыки: такое заключеніе имъ прилично и ихъ весьма достойно. Еще болѣе: сіе гнусное *празднество*, дѣйствительно посвященное Робеспіеру, подъ именемъ *верховнаго существа*, могло ихъ болѣе всего увѣрить, что толико странное провозглашеніе было не иное что, какъ одно изъ принадлежавшихъ къ тогдашнему времени кощунствъ, какія тиранія выставляла каждодневно на позорище; и въ самомъ дѣлѣ почитали они сіе мнимое *празднество* произходящимъ отъ Бога, ими оскорбляемаго: и по истинѣ, что могло болѣе оскорблять его? Я уже не говорю о поношеніи, каковымъ сей гнусный обманщикъ покрывалъ всю Францію, повелѣвая ей возгласить цѣлому міру, что народъ Французскій, въ осьмомъ надесять столѣтіи, признавалъ еще другаго Бога. Надлежало, что бы тотъ же человѣкъ превратилъ божество въ надпись на дверяхъ храмовъ, который выставилъ *вольность* вмѣсто всякой вывѣски на дверяхъ домовъ: сколько

онъ былъ способенъ одинаково признавать то и другую, столько и поступать также съ тѣмъ и другою. Я пощупляю глаза отъ стыда и ужаса, когда вижу, проходя, на тѣхъ зданіяхъ, которыя были нѣкогда храмами, надписи существующія (*) только для посрамленія цѣлаго народа. Но что еще значитъ соблазнъ сей въ сравненіи съ тѣмъ богопротивнымъ обрядомъ, коего быть свидѣтелемъ и сообщникомъ весь Парижъ принужденъ былъ, когда Робеспіеръ (не льзя найти ничего презрительнѣе собственнаго его имени) дерзнулъ нагло поставить алтарь гордыни своей противъ губилища (echafaud) своихъ жертвъ, когда дерзнулъ препоручать Богу, котораго хулилъ, порабощенный и уничиженный народъ, который изтреблялъ каждодневно, и возводить взоры свои къ небесамъ, попирая ногами кровь неповинную? Безъ сомнѣнія, многочисленные зрители говорили тогда другъ другу: по видимому, нѣтъ Бога, внемлющаго ему, когда нѣтъ Бога поражающаго его. Знаю, что въ минуту паденія и казни его, кричали ему со всѣхъ сторонъ, что *есть Бого*: но тѣ кои такъ ему говорили тогда, въ сей истинѣ никог-

---

(*) Онѣ еще видны были тогда въ началѣ 1792 года, и сочинитель въ присутствіи тысячи двухъ сотъ слушателей, первый возсталъ противъ сего смѣшнаго и соблазнительнаго безчинства, имѣвшаго еще своихъ защитниковъ.

да не сомнѣвались. Напротивъ тѣ, кои, не смотря на такій примѣръ, хотѣли быть ему преемниками, говорили только, что измѣнило ему счастіе и что онъ сдѣлалъ одинъ тотъ проступокъ, что не довольно пролилъ крови.

Итакъ надлежитъ запечатлѣть въ памяти, что самая глубокая рана, тиранією нанесенная Франціи, есть тотъ явный развратъ, то повсюдное повреждение нравовъ, которое разторгло всѣ узы общественнаго порядка. Сіе-то великое зло уврачевать прежде всего нужно, и по ревностному попеченію о исправленіи нравственности можно будетъ впредь узнавать друзей общественнаго блага. Тиранамъ нашимъ было свойственно изтребить добрые нравы; а любящимъ благоустройство остается возстановить оные, и прежде сдѣлать людей, чтобъ имѣть гражданъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О Плиніи старшемъ и Плиніи младшемъ.

Краснорѣчіе Римлянъ, при паденіи общенародной вольности, потеряло все, что ни заимствовало отъ оной: свое достоинство, возвышенность, силу, смѣлость, важность. Оно не могло уже показать себя въ прежнемъ видѣ при собраніяхъ народа, никакой власти не имѣвшаго: при разсужденіяхъ раболѣпствующаго Сената; оно долженствовало оставаться въ молчаніи, или обратиться на подлое ласкательство: судилища уже не были достойны гласа его, когда рѣшенія народныя потеряли силу и величіе свое, и когда въ оныхъ разсуждаемо было только о маловажныхъ дѣлахъ, а все прочее зависѣло отъ воли единаго. Торжествуетъ Ораторъ тогда, когда предлежитъ подвигъ плѣнить волю всѣхъ: когда же все покорствуетъ предъ повелителемъ, тогда дарованіе льстить дѣлается первымъ изъ всѣхъ; ибо дарованія людей зависятъ всегда болѣе или менѣе отъ ихъ выгодъ. Правленіе свободное есть открытое поле сраженія для краснорѣчія: ему потребны, соперники, боренія, опасности, побѣды. Тогда-то усилія его равняются его надеждамъ, и высокій умъ входитъ въ естественное свое положеніе; для него лестно продираться сквозь толпу къ цѣли своей, шествовать посреди препятствій и трудностей,

взирая издали на награды и почести. Такимъ образомъ дѣлаются люди всѣмъ тѣмъ, чѣмъ сдѣлаться могутъ, и занимаютъ свое мѣсто на разныхъ степеняхъ по способностямъ и заслугамъ своимъ; но въ рабствѣ все на одной чертѣ, все подъ одинъ уровень: не льзя отступить отъ онаго, не нашедъ пропасти. Гражданская и политическая жизнь не есть уже то обширное и со всѣхъ сторонъ открытое поприще, на которомъ всякъ старается упредить соперниковъ своихъ; а есть узкое и утесистое ущеліе, по которому каждый идетъ въ молчаніи и съ потупленными глазами. Таково было состояніе Римлянъ со времени Августа, царствованіе коего хотя и дало имя его сей блистательной эпохѣ совершеннаго вкуса въ словѣ и въ искусствахъ; но при коемъ съ Республикою и Цицерономъ изчезло также и истинное краснорѣчіе.

Поэзія, хотя и для нея равно какъ и для всѣхъ наукъ, потребна свобода, не столько зависитъ отъ оной, какъ краснорѣчіе; она менѣе страшится тирановъ по тому, что сама не столько устрашаетъ ихъ. Ея гласъ не столь строгій посвященъ удовольствію паче, нежели наставленію, мечтаніямъ паче, нежели истинѣ, и прелесть ея игръ и вымысловъ можетъ плѣнять самыхъ тирановъ, естьли они не безсмысленны; однако и она должна тщательно избѣгать въ выраженіяхъ и вы-

думкахъ своихъ всего того, что можетъ явно встревожить совѣсть злыхъ людей. Виргилій, ни въ одномъ изъ своихъ сочиненій, не хвалилъ вольности: на сіе отважился Луканъ; но извѣстно, какъ онъ кончилъ дни свои. Итакъ не порабощеніе Римлянъ нанесло гибельный ударъ поэзіи, какъ-то произошло съ краснорѣчіемъ: но единственно тотъ почти неизбѣжный упадокъ, который слѣдуетъ весьма близко за совершенствомъ; но то поврежденіе вкуса и правилъ, необходимое послѣдствіе безпокойства и слабости свойственной уму человѣческому, который, будучи не въ состояніи остановиться на хорошемъ, заблуждаетъ, ища лучшаго.

Однакожъ и въ то самое время, когда краснорѣчіе и поэзія были уже въ великомъ упадкѣ, многіе достойные мужи сохранили еще имъ нѣкоторую славу, и составили какъ бы третій вѣкъ словесныхъ наукъ между Римлянами: въ стихахъ, Персей, Ювеналъ, Силій Италикъ, Стацій, Марціалъ, и особенно Луканъ: въ прозѣ, Квинтиліанъ, Сенека, Плиній старшій, Плиній младшій. Я не говорю здѣсь о Тацитѣ, мужѣ далеко превозходящемъ всѣхъ упомянутыхъ мною, мужѣ совсѣмъ отмѣнномъ, который одинъ въ семъ послѣднемъ вѣкѣ можетъ быть сравненъ съ величайшими умами Августова вѣка: объ немъ скажу въ статьѣ о историкахъ. Квинтиліана уже мы разсматривали; стихотворцевъ также видѣли: намъ

остается заняться обоими Плиніями, и вопервыхъ младшимъ, по тому что его *похвальное слово Траяну* есть единый памятникъ, оставшійся намъ отъ сего вѣка, и единый предметъ сравненія съ предшествовавшимъ вѣкомъ. Онъ часто въ сочиненіяхъ своихъ жалуется на упадокъ словесныхъ наукъ и вкуса, равно какъ и Тацитъ, другъ его, который даже издалъ о семъ одно сочиненіе въ видѣ разговора; но часть онаго до насъ не дошла. Однако Тацитъ имѣетъ то преимущество, что никому не уступаетъ въ своемъ родѣ писанія: а Плиній, который въ свое время порицаемъ былъ за удивленіе свое къ Цицерону, и за строгость къ своимъ современникамъ, Плиній, который Цицерона взялъ себѣ за образецъ, весьма далеко отсталъ отъ него. Мы не можемъ ничего сказать о защитительныхъ рѣчахъ его, по тому что ихъ не имѣемъ; но судя по его *похвальному слову*, ежели, удивляясь Цицерону, слѣдовалъ онъ собственному вкусу, то писалъ совсѣмъ отличнымъ и свойственнымъ другому уже вѣку слогомъ: имѣетъ весьма много ума; но занимаясь излишнимъ оказываніемъ онаго, ничего другаго не показываетъ. Онъ старается сдѣлать мысли свои острыми, дать имъ оборотъ краткій и разительный, а сіе непрерывное усиліе, сей безмѣрный избытокъ замысловатыхъ изрѣченій, сіе единообразіе ума скоро производитъ скуку. Онъ, какъ Сенека, хорошъ по мѣстамъ, а не повсюду.

У него нѣтъ, какъ у Цицерона, тѣхъ естественныхъ, благородныхъ и возвышенныхъ оборотовъ, того непринужденнаго и увлекающаго обилія, той связи и постепенности въ понятіяхъ, той совокупности, въ коей все соединено и все видимо, тѣхъ многообразныхъ словосочиненій, тѣхъ удачныхъ иносказаній, которыя все одушевляютъ; у него найдешь много блестящаго, много пламеннаго, что сперва весьма понравится и даже произведетъ нѣкое удивленіе, или паче омраченіе, но вскорѣ сдѣлается тягостнымъ. Многіе удивляются, какъ могъ Траянъ имѣть столько терпѣнія, что бы выслушать такое длинное слово, въ коемъ изтощены всѣ возможныя похвалы; но они забываютъ то, о чемъ увѣдомляетъ насъ самъ Плиній, т. е. что слово, произнесенное имъ въ Сенатѣ, когда Траянъ объявилъ его Консуломъ, было не иное что, какъ весьма краткая благодарительная рѣчь, приличная и мѣсту и обстоятельствамъ. Уже по прошествіи нѣсколька лѣтъ издалъ онъ его такимъ пространнымъ, какимъ до насъ дошло. Сію плодовитость можетъ извинить только то, что онъ хвалилъ Траяна и своего благодѣтеля; но во всемъ, а особливо въ похвалѣ, потребна мѣра. Впрочемъ, хотя и вышелъ онъ изъ предѣловъ, но не отступилъ отъ истины. Онъ имѣлъ рѣдкое преимущество хвалить самыми дѣлами, дѣла же были всѣмъ извѣстны. Исторія согласна съ похвальнымъ его словомъ, и, что еще болѣе, онъ могъ весьма

кстати противоположить изображенію добраго Государя изображеніе тирановъ, и особенно Домитіана. Раждается сугубое удовольствіе, которое чувствовать должна честная душа, когда поносится злодѣяніе похвалами добродѣтели, и когда настоящее благоденствіе сравнивается съ прошедшими бѣдствіями: сія противоположность есть величайшее достоинство въ его сочиненіи. Я выпишу изъ него нѣкоторыя мѣста, кои показались мнѣ лучшими и привлекательнѣйшими, и кои представляютъ наставленія и примѣры, полезные для всѣхъ временъ. Но надобно прежде знать, какимъ образомъ сочинитель самъ говоритъ о своемъ твореніи въ письмахъ, которыя онъ намъ оставилъ. „По „долгу Консула, я принесъ благодареніе „Императору отъ имени Республики; ис„полнивъ сіе по приличію мѣста и време„ни, разсудилъ я, что достойно добраго „гражданина объяснить въ сочиненіи про„страннѣйшемъ то, о чемъ въ благодари„тельной рѣчи только слегка мною сказа„но; вопервыхъ для того, дабы изъявить „великому Государю почитаніе, должное „его добродѣтелямъ; потомъ дабы пред„ставить его преемникамъ не правила „поведенія, но образецъ, который бы на„училъ ихъ заслуживать такую же похва„лу такими же средствами. Въ самомъ „дѣлѣ, говорить Государямъ о должностяхъ „ихъ есть безъ сомнѣнія похвально; но сіе „предпріятіе трудно и даже нѣкоторымъ

„образомъ высокомѣрно; хвалитъ же того,
„кто дѣлаетъ добро, такъ что бы похвала
„его служила для другихъ наставленіемъ,
„и какъ бы свѣтильникомъ, имъ путь по-
„казующимъ, есть дѣло не меньше полезное
„и больше скромное.„

Сочинитель похвальнаго слова, упомянувъ о трусости и подлости тѣхъ ничтожныхъ Императоровъ, которые не иначе, какъ только деньгами, избавлялись отъ набѣговъ варваровъ, и которые покупали у нихъ плѣнниковъ на то, чтобъ украшать ими мечтательныя торжества свои, показываетъ въ ироѣ своемъ поведеніе совсѣмъ отличное. „Нынѣ паки нанесенъ врагамъ
„имперіи страхъ и ужасъ. Они паки научаются быть послушными и покорными:
„имъ видится въ Траянѣ одинъ изъ тѣхъ
„ироевъ древняго Рима, кои не прежде по-
„лучали титло императоровъ, какъ по-
„крывъ поля кровію и наполнивъ моря сво-
„ими побѣдами. Нынѣ мы получаемъ залож-
„никовъ, а не покупаемъ. Постыдными
„дарами, изнуряющими и унижающими Рес-
„публику, мы не ищемъ ложнаго имени по-
„бѣдителей; непріятели сами просятъ,
„сами умоляютъ насъ; а мы жалуемъ или
„отказываемъ: и то и другое достойно
„величества имперіи. Они благодарятъ за
„то, что получили, и не смѣютъ жаловать-
„ся на то, чего не получаютъ. Да и какъ
„посмѣть имъ, помня, что видѣли станъ
„твой разположенный близъ народовъ са-

„мыхъ свирѣпыхъ, во время года для нихъ
„самое благопріятное, для насъ самое ги-
„бельное, когда спершійся грудами ледъ
„соединялъ оба берега Дуная, когда рѣка
„сія могла ежечасно принести къ намъ
„войну по отвердѣлымъ отъ морозовъ во-
„дамъ своимъ, когда мы имѣли противъ
„себя не только оружіе сихъ дикихъ наро-
„довъ, но и холодъ и туманы ихъ? Каза-
„лось тогда, будто бы порядокъ годовыхъ
„временъ премѣнился твоимъ присутстві-
„емъ; варвары укрывались въ убѣжищахъ
„своихъ; а наши войска были въ полѣ, раз-
„сыпались по берегамъ, и ожидали только
„повелѣній твоихъ, что бы напасть на не-
„пріятеля, переправясь по тѣмъ же са-
„мымъ льдамъ, которые составляли дото-
„лѣ силу и защиту его. . . . Но твоя умѣ-
„ренность тѣмъ достойнѣе похвалъ, что
„ты, бывъ воспитанъ въ войнѣ, любишь
„миръ, и что хотя имѣлъ ты отца побѣдо-
„носца, коего лавры освящены въ Капи-
„толіи въ самый день твоего усыновленія,
„но сіе не служило тебѣ побужденіемъ
„искать съ жадностію всѣхъ случаевъ къ
„торжеству. Ты не боишься войны, да и
„не ищешь ея. Преславное дѣло есть раз-
„положиться станомъ на брегахъ Дуная,
„быть увѣрену о побѣдѣ, ежели бы ты пере-
„шелъ чрезъ него, и при всемъ томъ не
„принуждать непріятелей къ сраженію,
„котораго они дать не хотятъ. Одно
„есть дѣло мужества, другое, мудрости
„твоей: сія удерживаетъ тебя отъ бит-

„вы, а то устрашаетъ враговъ твоихъ. „Итакъ Капитолія узритъ наконецъ не „торжество мечтательное, не пустый при- „зракъ побѣды, но Императора, принося- „щаго къ намъ истинную славу, миръ и „спокойствіе, а отъ непріятелей нашихъ „такую покорность, что не было даже на- „добности побѣждать ихъ. Вотъ что зна- „менитѣе всѣхъ торжествъ; ибо побѣжда- „ли мы прежде только тѣхъ, коимъ могу- „щество наше являлось нестрашнымъ. „Ежели какій варварскій владѣлецъ про- „стретъ несмысленную дерзость свою до „того, что обратитъ на себя негодованіе „и гнѣвъ твой, тогда-то познаетъ онъ, „что пространныя моря, широкія рѣки, „высокія горы будутъ для тебя толь сла- „быми препонами, что и горы, и рѣки, и „моря какъ бы изчезнутъ, дабы очистить „путь, я не говорю твоимъ войскамъ, но „цѣлому Риму съ тобою.„

Каждый Императоръ, при вступленіи своемъ на престолъ, обыкновенно раздавалъ народу Римскому деньги изъ собственной своей казны; сія раздача называлась *congiarium*. Ораторъ объясняетъ, какъ мнѣ кажется, благороднымъ и чувствительнымъ образомъ тѣ обстоятельства, которыми сопровождаема была сія Траянова щедрость.

„При наступленіи дня, назначеннаго „для сей раздачи, обыкновенно народъ и

„малыя дѣти безчисленными толпами на-
„полняли улицы, и ожидали Императора,
„при выходѣ его. Родители спѣшили пока-
„зывать ему дѣтей своихъ, поднимали ихъ
„на рукахъ, научали ихъ произносить къ
„нему ласкательныя просьбы и жалобныя
„привѣтствія. Дѣти сіи повторяли то,
„чему научали ихъ, весьма часто ушамъ
„глухимъ и нечувствительнымъ. Не зналъ
„никто, чего надѣяться могъ; ты, напро-
„тивъ того, ты даже не хотѣлъ, чтобъ
„тебя просили; и хотя одно воззрѣніе на сіе
„новое племя людей могло бы преклонить
„чувствительность твою въ ихъ пользу;
„но дары отъ тебя имъ уже назначены,
„каждому часть своя опредѣлена прежде,
„нежели ты ихъ увидѣлъ или услышалъ.
„Ты благоизволилъ, дабы они, съ самаго
„младенчества своего, замѣтили, что всѣ
„имѣютъ въ тебѣ отца, дабы возрастали
„они твоими благодѣяніями, возрастая для
„тебя, дабы они были твоими питомцами
„прежде, нежели будутъ воинами твоими,
„и дабы каждый изъ нихъ былъ столько
„же одолженъ тебѣ, сколько и собствен-
„нымъ своимъ родителямъ. Достойно тебя,
„Цезарь, питать онъ сокровищъ твоихъ
„надежду Римскаго народа. Нѣтъ щедроты
„пристойнѣйшей Государю, желающему
„быть безсмертнымъ, какъ благодѣянія, на
„потомство изліянныя. Богатые, безъ по-
„мощи другихъ, находятъ всѣ свои выго-
„ды, воспитывая дѣтей; и весьма много
„теряютъ, когда не имѣютъ ихъ; но бѣд-

„ные, чтобъ имѣть и воспитывать ихъ,
„имѣютъ только одно ободреніе, благость
„Государя. Его долгъ есть внушать имъ
„таковую довѣренность, подкрѣплять ихъ
„своими дарами, естьли не хочетъ онъ у-
„скорить паденія государства. Вельможи не
„иное что суть, какъ головы, и когда Го-
„сударь только на нихъ обратитъ свое
„вниманіе, тогда государство поколеблет-
„ся и вскорѣ разрушится, какъ тѣло осла-
„бленное и немощное. Итакъ, коль велика
„долженствовала быть твоя радость, ког-
„да ты былъ встрѣченъ возклицаніями от-
„цевъ, чадъ, старцевъ; когда ты внялъ
„первымъ воплямъ сего слабаго возраста,
„для коего щедроты Императорскія были
„тѣмъ важнѣе, что изліялись на него безъ
„просьбъ и моленій. Ты возшелъ на верьхъ
„славы, показывая себя таковымъ, что,
„въ царствованіе твое, каждый гражда-
„нинъ желаетъ быть отцемъ, и сдѣлав-
„шись имъ, почитаетъ себя счастливымъ.
„Нынѣ всякъ страшится для сына сво-
„его только случаевъ, неразлучныхъ съ
„человѣчествомъ: притесненіе отъ силь-
„наго не почитается уже въ числѣ неиз-
„бѣжныхъ золъ; и естьли приятно видѣть
„въ дѣтяхъ своихъ предметъ щедротъ Го-
„сударевыхъ, то еще пріятнѣе воспиты-
„вать ихъ въ надеждѣ, что будутъ онѣ
„свободны и спокойны. Пусть Императоръ
„не даетъ ничего; довольно и сего, лишь
„только бы не отнималъ; пускай не пи-
„шетъ, лишь только бы не изтреблялъ.

„Но ежели онъ, отнявъ у одного, отдаетъ „другому, ежели однихъ питая, другихъ „поражаетъ, тогда жизнь дѣлается для „всѣхъ тяжкимъ бременемъ. Итакъ, о Це- „зарь! въ щедролюбіи твоемъ я похваляю „наиболѣе то, что ты раздаешь свое соб- „ственное: никто не скажетъ о тебѣ, что „ты питаешь дѣтей нашихъ, подобно „птенцамъ дикихъ звѣрей, кровію и пло- „тію разшерзанною; а сіе самое усугуб- „ляетъ удовольствіе получающихъ твои „дары. Они знаютъ, что не отнятое у „кого либо раздаешь имъ; знаютъ, что, „обогащая ихъ, только ты одинъ оскудѣ- „ваешь; что я говорю? и ты не оскудѣ- „ваешь, ибо кто другихъ всѣмъ снабдѣ- „ваетъ, можетъ почитать своимъ все то, „что другимъ принадлежитъ.„

Другій предметъ щедрости Императоровъ составляли игры и зрѣлища, какія давали они народу Римскому, во всякое время любившему ихъ до того, что сіи толь извѣстныя слова Ювеналовы должно почесть за самую истину: *что нужно для обладателей міра? Хлѣбъ и зрѣлища.* Отвращенія къ онымъ не могло произвесть въ нихъ даже и люшое сумазбродство тирановъ, Цезарями названныхъ, которые въ сихъ самыхъ увеселеніяхъ, въ сихъ позорищныхъ битвахъ, находили новый случай дать возчувствовать тяжесть самовластія и оказать жестокость свою. Они пристращались къ какому нибудь возницѣ или мечебойцу до того, что повелѣвали

умерщвлять тѣхъ, кои не одного съ ними мнѣнія были, и противной сторонѣ благоприятствовали. Извѣстно, что при Греческихъ Императорахъ, сіе неистовое сумасшествіе простерлось до такого излишества, что крамола *Синихъ* и *Зеленыхъ*, такъ названная отъ одежды возницъ Цирка, неоднократно причиняла ужасное кровопролитіе въ Константинополѣ. Еще прежде того времени, въ которое писалъ Плиній, Калигула, Неронъ, Домитіанъ неслыханными лютостями отличали несмысленную страсть свою къ мечебойцамъ или пантомимамъ. Игры, по повелѣнію Траяна представленныя, совсѣмъ инаковы были, и описаніе ихъ въ *похвальномъ словѣ*, оканчивающееся изображеніемъ казней доносчикамъ, заключаетъ въ себѣ такія красоты, что, естьлибъ Плиній всегда писалъ симъ слогомъ, то можно бы его было, кажется, сравнить съ Цицерономъ. Но я выпишу лучшее, и означивъ главные недостатки, представлю вамъ красоты съ большимъ удовольствіемъ, нежели погрѣшности. Да и сіи послѣднія, въ латинской рѣчи, относятся частію къ выраженіямъ, и ощутительны только для тѣхъ, кои знаютъ сей языкъ, а чувствовать красоты всякъ можетъ.

„Намъ были представлены зрѣлища не „разврата и роскоши, не для изнуренія „мужества, но для внушенія великодушнаго

„презрѣнія смерти; мы видѣли почтенныя „раны, видѣли любовь къ славѣ и желаніе „побѣды даже въ бѣглыхъ рабахъ и осуж- „денныхъ преступникахъ. И какое благо- „родство явилъ ты, Цезарь, въ сихъ про- „спонародныхъ празднествахъ! Какую спра- „ведливость! Ты показалъ намъ, что ты „превыше всякаго пристрастія. Для народа, „при семъ случаѣ, сдѣлано все по его тре- „бованію; и даже предложено ему то, чего „и не требовалъ: ты все предоставилъ „произволу и выбору его, и удовлетворилъ „его желаніямъ, не предвидя ихъ. Какая „свобода въ голосахъ зрителей! съ какою „безопасностію могъ каждый слѣдовать „вкусу и склонностямъ своимъ! Никто не „былъ почтенъ нечестивцемъ или престу- „пникомъ за похуленіе мечебойца; никто „не заплатилъ жизнію за ничтожныя уве- „селенія, и изъ зрителя не сдѣлался самъ „для другихъ зрѣлищемъ. О коль несмы- „ленъ и невѣдущъ истинной чести тотъ „Государь, который, даже на мѣстѣ по- „хѣхъ, ищетъ преступленій въ оскорбле- „ніи величества, который почитаетъ себя „презрѣннымъ и униженнымъ, естьли не „отдается почтеніе шутамъ его, который „поруганіе имъ сдѣланное вмѣняетъ за „свое собственное, который поставляетъ „божество оскорбленнымъ въ лицѣ ихъ, и „который, чтя себя столько же, какъ и бо- „говъ, чтитъ мечебойцевъ своихъ также, „какъ самаго себя! Коль много различество- „вали сіи ужасныя зрѣлища отъ даннаго

„намъ тобою! Весьма долго видѣли, какіе
„грабежи производимы были въ Римѣ тол-
„пою доносчиковъ: они, оставивъ большія
„дороги и лѣса разбойникамъ другаго рода,
„окружали судилища и Сенатъ. Не было
„наслѣдія надежнаго; не было завѣщанія
„наблюденнаго; имѣлъ ли кто дѣтей, или
„не имѣлъ, опасность была равная; сребро-
„любіе Государя ободряло общественныхъ
„враговъ сихъ. Ты обратилъ взоръ твой
„на сіи бичи государства, и возвративъ
„миръ и веселіе воинству нашему, водво-
„рилъ оныя и въ самыхъ судилищахъ; ты
„изтребилъ сію язву, заражавшую оныя, и
„предусмотрительная твоя строгость не
„допустила Республикѣ, на законахъ осно-
„ванной, пасть отъ злоупотребленія тѣхъ
„же самыхъ законовъ. По чему, хотя до-
„статокъ и щедрость твоя подали тебѣ
„способъ представить намъ на зрѣлище
„все, что сила и мужество ни имѣютъ
„примѣчательнѣйшаго, показать намъ зви-
„рѣпыхъ или уже укрощенныхъ чудовищъ,
„и тѣ диковинки свѣта, которыя до тебя
„были рѣдкія и сокрытыя, но, благодаре-
„ніе тебѣ, сдѣлавшіяся извѣстными; одна-
„ко не было ничего пріятнѣе народу Рим-
„скому, ниже достойнѣе твоего царство-
„ванія, какъ низложеніе наглой гордости
„доносчиковъ. Мы ихъ всѣхъ узнавали, мы
„всѣ радовались, смотря на сіи очисти-
„тельныя жертвы общественныхъ бѣдъ,
„какъ проходили онѣ, на лобномъ мѣстѣ
„по окровавленнымъ прутамъ преступни-

„ковъ, дабы возприять казнь медлительнѣй-
„шую и ужаснѣйшую. Побросавъ кучами въ
„негодныя ладіи, предали ихъ на произволъ
„волнамъ и вѣтрамъ. Да удалятся они, да
„бѣгутъ отъ тѣхъ странъ, которыя опу-
„стошала злоба ихъ! ежели волнами бу-
„дутъ брошены на каменныя скалы, то да
„населяютъ мѣста дикія и негостепріим-
„ныя; да живутъ они тамъ въ мучитель-
„номъ безпокойствѣ и скудости, и, къ до-
„вершенію горести своей, да видятъ округъ
„себя родъ человѣческій, который оста-
„вить въ покоѣ принуждены были! Какое
„достопамятное зрѣлище представлялъ
„флотъ сей, нагруженный злодѣями, оста-
„вленный на произволъ вѣтровъ, безъ путе-
„водителя, безъ помощи, и принужден-
„ный повиноваться разъяреннымъ волнамъ,
„въ какую бы необитаемую страну ни за-
„несло ихъ море! Съ какою радостію ви-
„дѣли мы, когда всѣ сіи утлыя суда раз-
„бросаны были, при самомъ выходѣ изъ
„пристани, какъ будто бы море хотѣло
„оказать благодарность Императору за то,
„что поручилъ оному наказать сихъ зло-
„дѣевъ, не удостоивъ самъ произвести
„того въ дѣйство! Тогда можно было уз-
„нать, какая перемѣна произошла въ Рес-
„публикѣ, когда злымъ не оставалось дру-
„гаго убѣжища, кромѣ тѣхъ же скалъ, на
„которыя прежде было сослано множест-
„во невинныхъ; когда пустыни, Сена-
„торами прежде населенныя, стали насе-

„ляться одними ихъ доносчиками и пала-
„чами.„

Здѣсь всякому придутъ на память сіи Расиновы стихи въ Британникѣ:

Les deserts autrefois peuplés de Senateurs,
Въ пустыняхъ, населенныхъ нѣкогда Сенаторами,
Ne sont plus habités que par leurs delateurs.
Обитаютъ только ихъ доносчики.

Сіе мѣсто изъ Плинія переведено слово въ слово. Онъ продолжаетъ, поздравляя Траяна съ уничтоженіемъ доносовъ въ оскорбленіи величества, которые влагали кинжалъ въ руку презрѣннѣйшихъ злодѣевъ для умерщвленія честнѣйшихъ гражданъ, и которые Императорскую казну умножали загребленіемъ имуществъ послѣ заклан-ныхъ жертвъ. „Отъ него бы предшест-„венники твои, все пожиравшіе, другимъ „ничего не оставлявшіе, были бѣдны при „всѣхъ хищеніяхъ своихъ, а ты, отдавая „все, и ничего не отнимая, ты богатъ при „всей твоей щедрости? Отъ того, что „злонамѣренные совѣтники, ихъ окружав-„шіе, съ суровымъ и нахмуреннымъ челомъ „корпѣли надъ приращеніемъ Государевой „казны; сами Государи, при всемъ коры-„столюбіи, при всѣхъ хищеніяхъ своихъ, „сколь ни мало имѣли нужды въ таковыхъ „наставникахъ, научались однакожъ отъ „насъ всему тому, что можно было дѣлать „во вредъ намъ. Но ты, Цезарь, заградилъ „слухъ твой всякому ласкательству, и

„особливо внушеніямъ любостяжанія. Ла-
„скательство нѣмѣетъ, и нѣтъ подателя
„худыхъ совѣтовъ, коль скоро Государь не
„внемлетъ имъ; итакъ мы равно благода-
„рить тебѣ должны и за нравы, какіе ты
„имѣешь, и за исправленіе нашихъ нра-
„вовъ. Одно оскорбленіе величества, пре-
„ступленіе, вымышленное для пагубы тѣхъ,
„кои были изъяты отъ всякаго другаго пре-
„ступленія, наиболѣе обогащало казну
„Императорскую. Ты избавилъ насъ отъ
„страха сего, будучи доволенъ существен-
„нымъ величіемъ, каковаго никогда не имѣ-
„ли тѣ, кои присвояли себѣ величество
„мечтательное. Чрезъ сіе возвратилъ ты
„вѣрность друзьямъ, сыновнюю любовь дѣ-
„тямъ, покорность рабамъ. Наши рабы не
„суть уже друзья Цезарю; мы друзья ему,
„и отецъ отечества не мнитъ болѣе, что
„бы онъ былъ любезнѣе имъ, нежели намъ.
„Ты избавилъ насъ отъ домашнихъ донос-
„чиковъ; ты воздвигъ знакъ спасенія, ко-
„торый прекратилъ между нами войну
„господъ и рабовъ; ты всѣмъ имъ оказалъ
„равную услугу, учинивъ однихъ спокой-
„ными, а другихъ вѣрными. При всемъ
„томъ не хочешь ты, что бы хвалили тебя
„за такую правоту, и, можетъ быть, не
„надлежало бы сего дѣлать; но по крайней
„мѣрѣ помышлять о семъ весьма сла-
„достно для тѣхъ, кои не забыли еще того
„изъ твоихъ предшественниковъ, который
„самъ подущалъ рабовъ противъ господъ
„ихъ, и научалъ, въ чемъ именно доносить

„на нихъ, дабы имѣть предлогъ наказы-
„вать за преступленія, имъ же самимъ
„вымышленныя: толь ужа ному и неизбѣж-
„ному жребію подвергаться надлежало вся-
„кой разъ, когда сыскивался рабъ столь
„же злобный, какъ Императоръ.„

Траянъ долго жилъ, какъ человѣкъ частный; онъ былъ свидѣтелемъ гнуснаго царствованія и плачевной кончины Домитіановой. Бывъ усыновленъ Нервою, послѣ Домитіана на престолъ вступившимъ и не долго царствовавшимъ, вскорѣ ему наслѣдовалъ. Человѣкъ, имѣвшій столько ума, какъ Плиній, не могъ безъ вниманія пропустить сего благопріятнаго обстоятельства, и не сдѣлать разсужденій, къ каковымъ оныя подавали поводъ.

„Сколь полезно достигать величія пу-
„темъ бѣдствій! Ты жилъ съ нами, ты
„раздѣлялъ наши опасности; ты равно,
„какъ и мы, жилъ во всегдашнемъ страхѣ;
„такова была тогда участь невинности.
„Ты позналъ самъ собою, колико ненави-
„димы злые Государи даже отъ тѣхъ, кои
„способствуютъ имъ сдѣлаться еще злѣй-
„шими. Тебѣ памятны желанія и жалобы,
„которыя ты произносилъ вмѣстѣ съ на-
„ми. Такимъ образомъ, свѣденія человѣка
„частнаго служатъ въ тебѣ къ наставле-
„нію Государя, и ты сдѣлалъ еще болѣе,
„нежели чего желалъ отъ другаго: всѣ на-
„ши желанія ограничивались только тѣмъ,
„что бы не имѣть Императоромъ худшаго
„изъ человѣковъ; а ты приучилъ насъ не

„терпѣть инаго, который бы не былъ луч-
„шій изъ всѣхъ. По сему-то нѣтъ никого,
„кто бы зная тебя и зная самаго себя,
„дерзнулъ пожелать твоего мѣста. Легче
„наслѣдовать по тебѣ, нежели почитать
„себя къ тому способнымъ. И дѣйствитель-
„но, кто бы пожелалъ принять такое бре-
„мя, кто бы не убоялся быть сравненъ съ
„тобою? Ты самъ вѣдаешь, какую тяжесть
„возлагаетъ на себя тотъ, кто возходитъ
„на престолъ послѣ добраго Государя! Но
„ты имѣлъ извиненіе въ самомъ усыновле-
„нїи твоемъ. Какій образецъ предста-
„вляетъ то царствованіе, при которомъ
„никто не смѣетъ основать безопасности
„своей даже на своей ничтожности? Нынѣ
„не боится никто лишиться жизни или
„достоинства; и скрываться во мракѣ,
„уже не почитается знакомъ благоразумія.
„При подобномъ тебѣ Государѣ, добродѣ-
„тель имѣетъ такія же награды и такія
„же почести, какъ и во владѣніяхъ сво-
„бодныхъ, и миновало уже то время, когда
„она не имѣла иной мзды, кромѣ свидѣ-
„тельства совѣсти. Ты любишь твердость
„въ гражданахъ; ты не ищешь, по приме-
„ру твоихъ предшественниковъ, подавить
„мужество, устрашить правдолюбіе; ты
„возбуждаешь и ободряешь оныя. Уже было
„бы довольно и сего, что можно безъ опа-
„сности быть честнымъ человѣкомъ; нѣтъ,
„еще есть въ томъ и выгоды. Честнымъ
„людямъ предлагаешь ты достоинства,
„жречества, управленіе областей: отли-

„чаешь ихъ твоею дружбою и одобреніемъ.
„Плодъ, получаемый ими отъ своего без-
„корыстія и трудовъ, ободряетъ подоб-
„ныхъ имъ, и побуждаетъ другихъ быть
„таковыми же. Ибо въ томъ нѣтъ сомнѣ-
„нія, что люди бываютъ добры или злы,
„сообразно мздѣ, ими отъ сего ожидаемой.
„Не многіе имѣютъ душу толико возвы-
„шенную, что бы не по успѣхамъ судили
„о томъ, что есть честно или постыдно.
„Большая часть, видя, что награда, при-
„надлежащая трудолюбію, отдается лѣни-
„вому, должная умѣренности присуждает-
„ся роскошествующему, стараются доста-
„вить себѣ такія же выгоды и тѣмъ же
„способомъ; они хотятъ уподобиться тѣмъ,
„кои получили ихъ; и коль скоро захотятъ,
„то уже и дѣлаются таковыми. Твои пред-
„шественники, изключая отца твоего и од-
„ного или двухъ прежде его, любили въ
„гражданахъ пороки паче, нежели добродѣ-
„тели, какъ по тому, что каждый скло-
„ненъ любить подобнаго себѣ, такъ наибо-
„лѣе для того, что, по мнѣнію ихъ, гораз-
„до терпѣливѣе сносятъ рабство тѣ, кои
„въ самомъ дѣлѣ заслуживаютъ быть ра-
„бами. Они-то были одни повѣренные у
„нихъ; а добрые граждане оставались въ
„забвеніи и недѣйствіи; доносы только и
„опасности дѣлали ихъ извѣстными. Ты
„же, Цезарь, избираешь друзьями себѣ лю-
„дей самыхъ почтенныхъ; да и справедли-
„во, что бы ненавистнѣйшіе тиранамъ
„были любезнѣйшими доброму Государю.

„Тебѣ извѣстно, Цезарь, что нѣтъ ни-
„чего различнѣе между собою, какъ власть
„и тиранія, и что люди тѣмъ болѣе при-
„лепляются къ первой, чѣмъ болѣе нена-
„видятъ другую. По сему-то возвышая чест-
„ныхъ гражданъ, представляешь ты ихъ
„взорамъ цѣлаго государства, какъ руча-
„шелей и добрыхъ намѣреній и благора-
„зумныхъ выборовъ твоихъ.„

Ораторъ сравниваетъ благопривѣтли-вость Траянову, всегда безпритворную и удобоприступную, съ ужаснымъ и непро-ницаемымъ уединеніемъ, въ какомъ жили тираны Рима. „Съ какою благостію ты „принимаешь и выслушиваешь всѣхъ! по-„среди многихъ и великихъ трудовъ ты „кажешься быть всегда свободнымъ. Мы „приходимъ во дворецъ твой, уже не тре-„пеща отъ страха, что опоздали на по-„зывъ Императора, но исполненны радо-„сти и спокойствія, и въ часъ для насъ „удобный. Намъ позволено, даже и тогда, „какъ ты уже готовъ принять насъ, от-„казываться отъ сей чести, ежели мы за-„няты другими дѣлами. Мы всегда изви-„нены предъ тобою; и мы заслуживаемъ „сіе; ибо ты довольно знаешь, что каждый „изъ насъ считаетъ себя болѣе почтен-„нымъ, чѣмъ чаще у тебя бываетъ и тебя „видитъ; и вотъ новое для тебя побужде-„ніе къ благосклонному принятію насъ. „Пріемъ у тебя не таковъ, по коемъ по-„слѣдовали бы пустота и молчаніе; мы ос-

„шаемся, мы живемъ съ тобою въ семъ
„самомъ дворцѣ, который не давно лютый
„звѣрь окружалъ ужасомъ, когда, удалив-
„шись какъ будто въ пещеру, упивался
„кровію приближенныхъ своихъ, или выхо-
„дилъ оттуда только для пожиранія зна-
„менитѣйшихъ гражданъ нашихъ. Тогда
„бодрствовали при дверяхъ прещеніе и
„страхъ: тогда равно трепетали и тѣ,
„кои допускаемы, и тѣ, кои удаляемы бы-
„би. Онъ самъ являлся не иначе, какъ въ
„видѣ грозномъ; гордыня изображалась
„на челѣ, ярость въ очахъ его; никто не
„дерзалъ приступить къ нему, ни гово-
„рить съ нимъ во мракѣ, коимъ ограждалъ
„себя, и онъ оставлялъ свое уединеніе
„только для того, чтo бы повсюду нахо-
„дить пустоту. Однако въ сихъ же са-
„мыхъ стѣнахъ, которыя почиталъ онъ
„для себя оплотомъ, заключалъ съ собою
„мщеніе и смерть, и бога, наказующаго
„злодѣянія. Праведная казнь проникла до
„него и сквозь преграды, коими онъ окру-
„жалъ себя. Къ чему тогда послужило мни-
„мое божество его, и тайна сего непри-
„ступнаго обиталища, куда започали его
„гордость и ненависть къ роду человѣче-
„скому? Нынѣ сіе же самое обиталище сдѣ-
„лалось благонадежно и тихо, когда не
„стало въ немъ прислужниковъ тираніи
„и жестокости, когда начало оно имѣть
„вмѣсто стражи одну любовь нашу, и быть
„защищаемо только множествомъ прини-
„маемыхъ въ него. Какій примѣръ можетъ

„лучше убѣдить тебя въ томъ, что вѣр-
„нѣйшая и крѣпчайшая стража Государей
„есть ихъ собственная добродѣтель, или
„паче, они всего надежнѣе бываютъ защи-
„щаемы тогда, когда не имѣютъ нужды
„въ защитѣ?„

Онъ съ великимъ благородствомъ и силою оправдывается въ томъ, что въ своемъ словѣ не щадилъ тирановъ, Римъ угнетавшихъ, прежде нежели Траянъ возвратилъ оному благоденствіе. „Все, что я ни сказалъ, „почтеннѣйшіе Сенаторы, о другихъ Государяхъ, какіе у насъ были, имѣетъ только ту цѣль, что бы показать вамъ, сколь „много спасительныхъ перемѣнъ произвелъ „общій нашъ отецъ въ образѣ правленія, „толь съ давнихъ временъ поврежденнаго „и вовсе изпроверженнаго. Такое сравненіе „служитъ къ большему ознаменованію „и заслугъ и благодарности. А паче, пер-„вый долгъ гражданъ къ такому Импера-„тору, каковъ нашъ, состоитъ въ показа-„ніи явнаго презрѣнія къ тѣмъ, кои на „него не походятъ. Мы не довольно лю-„бимъ добрыхъ Государей, ежели злыхъ не „ненавидимъ. Наконецъ, мы наиболѣе бла-„годарить должны нашему достойному Им-„ператору за вольность все говорить про-„тивъ тирановъ. Можемъ ли забыть, что „не давно Домитіанъ хотѣлъ отмстить „за Нерона? Итакъ мститель смерти его „позволилъ ли бы охуждать жизнь его? Онъ „причелъ бы самому себѣ все то, что бы-

„ло бы сказано противъ образца его. Что „касается до меня, Цезарь, я почитаю за „величайшее изъ твоихъ благодѣяній, что „мы можемъ и мстить за прошедшее, и „дѣйствовать на будущее; что позволено „намъ предвозвѣстить злымъ Государямъ, „что ни въ какое время, ни въ какомъ „мѣстѣ, виновныя тѣни ихъ не укроются „отъ поношенія и проклятій потомства. „Итакъ, почтеннѣйшіе Сенаторы, изъявимъ „съ благонадѣяніемъ и твердостію наши „скорби и радость нашу; возстѣнаемъ о „претерпѣнномъ нами: что и другое вмѣ- „стѣ, подъ правленіемъ добраго Государя, „дѣлать надлежитъ: сіе и тайно и явно, „и въ обыкновенныхъ разговорахъ, и даже „въ торжественныхъ благодареніяхъ пер- „вымъ предметомъ имѣть мы должны, на- „мяпуя, что хранимый богами Императоръ „нашъ тѣмъ наиболѣе возхваляется, когда „предшественники его, инако съ нами по- „ступавшіе, поносимы будутъ. Ибо, когда „не смѣемъ говорить о злыхъ Государяхъ, „изъ сего видно, что и царствующій имъ „подобенъ.„

Мы имѣемъ изъ сочиненій Плинія, кромѣ сего похвальнаго слова, собраніе писемъ, въ десяти книгахъ состоящее, которыя онъ привелъ въ порядокъ и издалъ въ свѣтъ, какъ самъ говоритъ, по просьбѣ друзей своихъ: т. е. письма сіи суть не иное что, какъ нарочное сочиненіе; а не подлинная переписка. Итакъ не должно надѣяться

найти въ нихъ той приятельской вольности, той дружеской откровенности, той непринужденности, которыя свойственны слогу, *письмовнымъ* собственно называемому. Письма его не изъ числа такихъ, которыя писаны не для всеобщаго чтенія; и которыя особенно заимствуютъ все достоинство свое отъ свойственнаго уму человѣческому любопытства, для коего лестно знать мысли особъ, не воображающихъ, чтобъ онѣ были обнаружены. Г жа. Севинье нравится намъ въ письмахъ своихъ по тому, что и въ самыхъ малыхъ дѣлахъ заставляетъ брать участіе; Цицеронъ по тому, что открываетъ тайны вельможь. Плиній есть только сочинитель въ письмахъ своихъ, но сочинитель весьма приятный и многообразный: онѣ писаны для потомства; потомки читаютъ ихъ, и сіе чтеніе заставляетъ любить сочинителя.

Письма Плинія дѣлаютъ честь уму его слогомъ своимъ; а имена тѣхъ, къ коимъ онѣ писаны, служатъ великою похвалою душевнымъ его качествамъ. То были честнѣйшіе и знаменитѣйшіе мужи по своимъ дарованіямъ, заслугамъ и добродѣтелямъ; и чувствованія, имъ изражаемыя, суть достойны таковыхъ связей. Онъ равно занимаетъ насъ и воспоминаніемъ о друзьяхъ, потерю коихъ оплакиваетъ, каковы были Гелвидій, Аруленъ, Сенеціонъ, жертвы Домитіановы, и бесѣдою съ тѣми, кои вмѣ-

стѣ съ нимъ наслаждаются благополучнымъ царствованіемъ Траяна, каковы суть Тацитъ, Квинтиліанъ, Мацеръ; Свѣтоній, Марціалъ, и пр. Онъ не можетъ насъ привлекать, какъ Цицеронъ, подробнымъ описаніемъ происковъ и различныхъ перемѣнъ самаго мятежнаго вѣка Республики. Счастливое и мирное царствованіе не можетъ доставить сего рода прелести воображенію, и сей пищи любопытству. Въ такомъ случаѣ остается только наслаждаться благополучіемъ; исторія подобна театру, на которомъ меньше всего обращаютъ на себя вниманіе люди счастливые. Но по крайней мѣрѣ находимъ въ письмахъ Плиніевыхъ обстоятельства и сказанія, изображающія нравы и свойства тогдашняго времени. Особливо изъ нихъ можно видѣть жестокую злобу доносчиковъ при Домиціанѣ, и пресмыкающуюся подлость ихъ при Траянѣ; ибо нѣтъ ничего подлѣе и уничиженнѣе, какъ злый человѣкъ, коль скоро дѣлать зла не можетъ; онъ подобенъ свирѣпому звѣрю, у котораго вырваны когти и зубы, и который только лижетъ, когда угрызать не въ состояніи. Таковъ былъ нѣкій Регулъ, о которомъ Плиній говоритъ въ одномъ письмѣ, представляющемъ поразительную и вмѣстъ пріятную картину истины, т. е. картину уничиженія злаго человѣка. Вотъ то письмо:

„Видалъ ли ты когда человѣка уни-
„женнѣе и подлѣе М. Регула послѣ смерти

„Домитіана, при которомъ учинилъ онъ „не меньше злодѣяній, какъ и при Неронѣ, „но съ большею осторожностію и скрыт„ностію? Онъ началъ опасаться, что бы „я противъ него не огорчился: не обма„нулся онъ; я крайне досадовалъ на „него. Онъ возбуждалъ гоненіе на Ру„стика Арулена, и радовался смерти его „до того, что читалъ всѣмъ и издалъ въ „свѣтъ сочиненіе, въ которомъ поноситъ „Рустика и *обезьяною стоиковъ* называетъ, „прибавляя, что *затянанъ клеймомъ Ви„телліевымъ*. Узнаешь по сему краснорѣчіе „Регула. Онъ ругаетъ также Геренніа Се„неціона, и съ такимъ неистовствомъ, „что Метій Каръ (соперникъ его въ гну„сномъ ремеслѣ доносчика) сказалъ ему: „*какое тебѣ дѣло до мертвыхъ моихъ? „Забочусь ли я о Крассѣ или Камеринѣ?* „на которыхъ Регулъ, при царствованіи „Нерона, доносилъ.„

Не льзя не остановиться здѣсь и не подивиться симъ выразительнымъ, толико безстыдства и жестокости заключающимъ словамъ: *мои мертвые*. Такія выраженія, принадлежащія къ ненавистному ремеслу, представляютъ весь ужасъ онаго. Злодѣи сіи почитали за свою собственность тѣхъ, коихъ они губили: неиначе говорятъ гробокопатели, споря о трупахъ. Но станемъ продолжать.

„Регулъ думалъ, что поступки его мнѣ „крайне противны, и не пригласилъ меня

„къ слушанію своего сочиненія. При томъ
„же помнилъ, какой опасности подвергалъ
„онъ меня самаго предъ Центумвирами.
„По просьбѣ Арулена Рустика, защищалъ
„я Аріонеллу, жену Тимонову; Регулъ былъ
„противъ меня. Я основывалъ доказатель-
„ства мои частію на мнѣніи Метія Моде-
„ста, мужа весьма честнаго: онъ нахо-
„дился тогда въ ссылкѣ по повелѣнію До-
„миціана. Тутъ остановилъ меня Регулъ,
„вопросивъ: *Плиній, какихъ ты мыслей*
„*о Модестѣ?* Видишь, сколь опасно ска-
„зать *хорошихъ*, и сколь безчестно ска-
„зать *худыхъ*. Могу только увѣрить тебя,
„что сами боги вдохнули мнѣ спаситель-
„ный отвѣтъ. *Объявлю мысли мои*, ска-
„залъ я, *когда Центумвиры того отъ меня*
„*потребуютъ*. Онъ еще повторяетъ: *ска-*
„*жи, какихъ ты мыслей о Модестѣ?* Я
„опять отвѣтствую, что *свидѣтель-*
„*ство потребно только для обвиняемыхъ,*
„*а не для осужденныхъ. Я уже не спра-*
„*шиваю*, сказалъ Регулъ, *какихъ мыслей*
„*ты о Модестѣ, но о Модестовой при-*
„*вязанности къ Государю какъ ты ду-*
„*маешь?* *Ты хочешь знать*, отвѣчалъ я,
„*какъ о семъ думаю; а мнѣ кажется, не*
„*позволено и вопрошать о томъ, о чемъ*
„*уже судъ произнесенъ.* Тогда онъ замол-
„чалъ: а меня всѣ хвалили и поздравляли,
„что я не повредилъ чести моей какимъ
„либо отвѣтомъ, для меня, можетъ быть,
„полезнымъ, но постыднымъ, и изъ сѣтей
„толь коварнаго вопроса выпутался. Итакъ

„нынѣ мучимый совѣстію Регулъ проситъ „Цецилія Целера, потомъ Фабія Юста, чтобъ „меня съ нимъ примирили. Не довольствуясь тѣмъ, приходитъ къ Спуриннѣ; и съ „униженностію (ибо онъ, когда боится, „бываетъ подлъ до крайности) говоритъ: „*прошу тебя повидаться завтра съ Плиніемъ, и, какъ можно, ранѣе; ибо я не могу долѣе сносить моего безпокойства: постарайся всячески укротить его гнѣвъ противъ меня.* Я только лишь всталъ съ постели, Спуринна присылаетъ сказать „мнѣ, что онъ ко мнѣ придетъ. *Нѣтъ, я самъ иду къ нему*, былъ мой отвѣтъ. И „какъ мы шли одинъ къ другому, то и „встрѣтились на переходахъ Ливіиныхъ. „Онъ объявляетъ препоручение Регула, и „даже проситъ, но такъ какъ прилично „человѣку честному просить за непохожаго на себя, что бы я простилъ его. *Самъ „разсуди*, сказалъ я ему, *что тебѣ сказать „въ отвѣтъ Регулу. Не хочу тебя обманывать. Я ожидаю Маврика (ибо онъ не „возвратился еще изъ ссылки). По чему „и не могу тебѣ ничего рѣшительнаго „отвѣтать; въ семъ дѣлѣ онъ долженъ „быть руководителемъ: я ему послѣдо„вать буду.* Спустя нѣсколько дней, ког„да были мы у Претора, Регулъ самъ подо„шедъ ко мнѣ, отводитъ меня къ сторо„нѣ. *Я боюсь*, говоритъ, *не лежитъ ли „у тебя на сердцѣ сказанное мною предъ „Центумвирали*, когда отвѣтствуя тебѣ „и Статирію Руфу, вымолвилъ: *Статирій*

„*Рyфъ и недосольный краснорѣчіемъ вѣка*
„*нашего подражатель Цицероновъ. Я от-*
„*вѣчалъ, что теперь разумѣю, что слова*
„*сіи съ худымъ намѣреніемъ сказаны;*
„*ты самъ въ томъ признаешься; впрочемъ*
„*онѣ могли быть приняты и за похвалу.*
„*Ибо я въ самомъ дѣлѣ стараюсь подра-*
„*жать Цицерону, и недоволенъ краснорѣчі-*
„*емъ вѣка нашего. Весьма глупо, по мнѣ-*
„*нію моему, избирать не самые лучшіе об-*
„*разцы для подражанія. Но ты, который*
„*такъ хорошо помнишь сіе обстоятель-*
„*ство, для чего забылъ о томъ, при коемъ*
„*вопрошалъ меня, что я думаю объ усер-*
„*діи Метія Модеста къ Государю?* Онъ
„побѣдившъ примѣрнымъ образомъ, хотя
„и всегда блѣденъ: и отвѣчаетъ, запина-
„ясь: *я спрашивалъ для того, чтобъ по-*
„*вредить только Модесту, а не тебѣ.*
„Замѣть жестокосердіе сего человѣка,
„который признается, что хотѣлъ вре-
„дить несчастному изгнаннику, приводя
„прекрасную причину: *Модестъ*, говоритъ
„онъ, *написалъ въ одномъ письмѣ, кото-*
„*торое было читано Домитіану, именно*
„*сіи слова: Регулъ есть негоднѣйшая тварь*
„*изъ всѣхъ двуногихъ*; какъ будто бы Мо-
„дестъ написалъ сущую неправду. Тѣмъ
„почти нашъ разговоръ и кончился; ибо я
„не хотѣлъ продолжать далѣе, предостав-
„ляя себѣ свободу дѣйствовать до дру-
„времени, какъ возвратится Маврикъ. Мнѣ
„не безъизвѣстно, что Регула не легко
„одолѣть: онъ богатъ и пронырливъ; мно-

„гіе въ немъ ищутъ, а еще болѣе боятся „его, что весьма часто бываетъ сильнѣе „дружбы. Однакожъ быть можетъ, что сей „оплотъ потрясется и падетъ. Ибо сча- „стіе злыхъ также вѣроломно, какъ и они „сами. Но, еще то же скажу тебѣ, что „ожидаю Маврика. Онъ человѣкъ степен- „ный, благоразумный, многими опытами „искушенный; онъ можетъ о будущемъ „судить по прошедшему. По его совѣтамъ „буду я дѣйствовать, или останусь въ по- „коѣ. Я пишу къ тебѣ о семъ для того, „что справедливость требуетъ, дабы, по „взаимной дружбѣ нашей, не только дѣла „и слова, но и мысли мои были тебѣ из- „вѣстны.„

Въ другомъ письмѣ къ Тациту, изо- бражаетъ онъ благородными и трогающи- ми чертами дружбу, какая была между ими, и какая долженствовала бы суще- ствовать между всѣми тѣми, кои да- рованіями своими превозходятъ другихъ людей, но не всегда избѣгаютъ зави- сти.

„Я читалъ книгу твою, и со всевоз- „можнымъ раченіемъ замѣчалъ, гдѣ что „перемѣнить или выкинуть, по мнѣнію „моему, должно. Ибо я привыкъ говорить „правду, а ты любишь ее слушать. Всѣхъ „терпѣливѣе подвергаютъ себя сужденію „другихъ тѣ, кои наиболѣе похвалъ до- „стойны. Теперь отъ тебя ожидаю моей

„книги съ твоими замѣчаніями. О пре-
„красная, о пріятная взаимность! коль
„сладостно мнѣ помышлять, что, естьли
„потомство обратитъ на насъ хотя нѣко-
„торое вниманіе, то всѣ станутъ гово-
„рить, съ какимъ согласіемъ, откровен-
„ностію и чистосердечіемъ мы жили меж-
„ду собою! Будетъ рѣдкій и достопримѣча-
„тельный примѣръ, что два человѣка, рав-
„ныхъ почти лѣтъ, и уже нѣсколько из-
„вѣстные по словеснымъ наукамъ, (я
„принужденъ сказать о тебѣ скромнѣе, по
„тому что говорю вмѣстѣ и о себѣ са-
„момъ) помогали другъ другу въ ученіи.
„Въ самой юности моей, когда уже ты
„покрылъ себя славою и честію, имѣлъ я
„желаніе за тобою слѣдовать, твоимъ под-
„ражателемъ и быть и казаться, *хотя вдa-*
„*лекомъ разстояніи, но ближе нежели всякъ*
„*другой*. Было много людей знаменитыхъ
„по своимъ дарованіямъ: но ты мнѣ (такъ
„дѣйствовало сходство нашихъ свойствъ)
„казался и удобнѣе къ подражанію и до-
„стойнѣе. Тѣмъ еще наиболѣе веселюся,
„что, коль скоро рѣчь зайдетъ о наукахъ,
„всегда объ насъ вмѣстѣ упоминаютъ; го-
„ворящимъ о тебѣ и я тотчасъ на мысль
„попадаюсь. Есть люди, кои намъ обоимъ
„предпочитаются; но мнѣ мало нужды въ
„томъ, лишь только бы имя мое съ тво-
„имъ было всегда вмѣстѣ. Ибо, по моему
„мнѣнію, тотъ первый, кто къ тебѣ
„всѣхъ ближе: ты даже замѣтить долженъ,
„что и по духовнымъ завѣщаніямъ намъ

„тѣ же вещи и по равной части отказыва-
„ются. Сіе можетъ нарушиться только
„развѣ особенною отъ кого либо дружбою
„къ которому имѣетъ изъ насъ. Изъ все-
„го сего заключаю, что мы тѣмъ болѣе
„любить другъ друга должны, что толь
„многими узами и ученіе, и нравы, и слава,
„и наконецъ послѣдняя воля людей насъ
„соединяютъ.„

Въ нѣкоторыхъ изъ сихъ писемъ содержатся одинъ только забавныя произшествія: изъ числа таковыхъ есть слѣдующее: „Въ отсутствіе твое случилось смѣш-
„ное произшествіе, коего свидѣтелемъ не
„былъ и я; но скоро объ немъ услышалъ.
„Пассіенъ Павелъ, знаменитый всадникъ
„Римскій, сочиняетъ элегіи: въ немъ даръ
„сей наслѣдственный: онъ изъ одного го-
„рода съ Проперціемъ, котораго почитаетъ
„въ числѣ даже предковъ своихъ. Онъ
„читалъ, при многолюдномъ собраніи, одну
„элегію, которая начинается сими слова-
„ми: *Ты приказываешь ли, Приск?* На
„сіе Яволенъ Приск, находившійся тутъ
„съ прочими, какъ наилучшій другъ Павлу,
„тотчасъ отвѣчаетъ: *нѣтъ, я ничего не*
„*приказываю.* Представь себѣ хохотъ и на-
„смѣшки отъ собравшихся слушателей.
„Правда, голова у Приска не совсѣмъ здо-
„рова; однакожъ несетъ Государственныя
„должности, избирается въ судьи, и даже
„преподаетъ гражданское право; по чему
„поступокъ его былъ смѣшнѣе и примѣти-

„нѣе. Между тѣмъ и чужая глупость нѣ-
„сколько прохладила Павла. Тѣ, кои хо-
„тятъ въ собраніи читать свои сочиненія,
„не только сами должны имѣть здравый
„разсудокъ, но и слушателей приглашать
„не слабоумныхъ.

Другое письмо представляетъ намъ поступокъ благотворительности, приносящій столько же чести виновнику, сколько и предмету оной. Сіе письмо весьма просто писано; что самое и составляетъ достоинство его. Плиній пишетъ къ Квинтиліану: „Хотя ты и самъ живешь весьма
„умѣренно, и дочь свою воспиталъ такъ,
„какъ прилично дочери Квинтиліановой, и
„внукѣ Тутиліевой: но когда выходитъ
„она замужъ за Нонія Целера, человѣка
„знатнаго, и коего гражданскія должно-
„сти, имъ отправляемыя, принуждаютъ
„жить нѣсколько поопрятнѣе, должна, по
„состоянію мужа, имѣть и платье и услу-
„гу, коими хотя не умножается достоин-
„ство, однако украшается. Знаю, что ты
„весьма богатъ дарованіями душевными,
„но имуществомъ недостаточенъ. Итакъ
„принимаю на себя часть обязанности
„твоей, и какъ второй отецъ, даю любез-
„ной дочери нашей пятьдесятъ тысячь
„сестерцій. Я далъ бы и болѣе, естьли бы
„не былъ увѣренъ, что одна только мало-
„важность подарка можетъ тебя склонить
„къ принятію онаго.„

Увѣдомленіе о самопроизвольной смерти друга его, Кореллія Руфа, заключаетъ въ себѣ обстоятельства, вниманіе заслуживающія, и изображаетъ мужество и твердость духа, которыя достойны древнихъ Римлянъ.

„Я понесъ невозвратную трату, еже„ли можно назвать тяжкою потерю толь „великаго мужа. Корелліи Руфъ скончался, „и скончался самопроизвольно; что наибо„лѣе усугубляетъ скорбь мою. Ибо самая „плачевная смерть есть та, которая при„ходитъ не по естественному поряд„ку, ниже по другимъ случаямъ. Въ „разсужденіи тѣхъ, кои отъ болѣзни уми„раютъ, самая необходимость служитъ ве„ликимъ утѣшеніемъ; но тѣ кои сами у„скоряютъ смерть свою, оставляютъ насъ „по себѣ неутѣшными; ибо думаемъ обык„новенно, что они бы долго еще жить „могли. Правда, самая важная причина, ко„торую почитаютъ мудрые за необходи„мость, побудила Кореллія къ сему отча„янному намѣренію, хотя и многое привя„зывало его къ жизни: и чистая совѣсть, „и безпорочная слава, и великое отъ всѣхъ „уваженіе, сверхъ того, дочь, жена, внукъ, „сестры, и, между толь драгоцѣнными за„логами, истинные друзья. Но его удруча„ла толь продолжительная и толь мучи„тельная болѣзнь, что причины умереть „превозмогли всѣ побужденія жить. На „тридцать третьемъ году, какъ я отъ са-

„маго его слышалъ, началъ онъ чувство-
„вать сильную боль въ ногахъ; она была у
„него наслѣдственная: ибо часто и болѣз-
„ни передаются наподобіе другихъ наслѣ-
„дій. Пока былъ еще молодъ, находилъ
„нѣкоторую помощь и облегченіе въ своей
„умѣренности и воздержаніи; а когда отъ
„старости ослабѣвать началъ, то подкрѣп-
„лялъ себя только душевными силами. Од-
„нажды, какъ онъ терзаемъ былъ жесто-
„чайшими мученіями, (ибо не въ однѣхъ
„ногахъ, какъ прежде, боль держалась, но
„разпространялась уже по всѣмъ членамъ)
„пришелъ я къ нему въ загородный домъ
„его: тогда еще живъ былъ Домитіанъ.
„Служители тотчасъ вышли отъ больна-
„го; такъ у него заведено было, коль ско-
„ро входилъ къ нему хорошій приятель:
„даже жена его, впрочемъ самая скромная,
„принуждена была то же дѣлать. Окинувъ
„кругомъ глазами, сказалъ мнѣ: *Какъ ты*
„*думаешь, для чего я переношу такъ дол-*
„*го толь жестокія мученія? Только для*
„*того, чтобъ хотя однимъ днемъ пере-*
„*жить изверга* (Домитіана). Естьли бы
„его силы тѣлесныя соотвѣтствовали ду-
„шевнымъ, конечно исполнилось бы то,
„чего хотѣлъ. По крайней мѣрѣ боги услы-
„шали его желаніе, и онъ могъ надѣяться
„умереть свободнымъ и спокойнымъ, прер-
„вавъ многіе, но слабѣйшіе узы, его къ
„жизни привязывавшіе. Болѣзнь усилилась;
„онъ хотѣлъ облегчить ее воздержаніемъ;
„ослабѣваетъ его теріѣніе; и уже цѣлые

„четыре дни не принималъ пищи; Гиспул-
„ла, жена его, прислала ко мнѣ общаго на-
„шего пріятеля, К. Геминія, съ печаль-
„нымъ извѣстіемъ, что *Корелліи рѣшился*
„*умереть;* что *ни она ни дочь ихъ не мог-*
„*ли поколебать* его своими моленіями; что
„*только я одинъ могу возвратить его къ*
„*жизни.* Я побѣжалъ, и лишь только под-
„ходилъ къ дому, какъ Гиспулла приказы-
„ваетъ сказать мнѣ чрезъ Юлію Аттти-
„ка, что и я уговорить его не въ состо-
„яніи; такъ утвердился онъ въ своемъ на-
„мѣреніи! когда лѣкарь поднесъ ему пищу,
„онъ сказалъ: *уже рѣшено.* Сіе слово ис-
„полнило духъ мой столько же удивленіемъ,
„сколько и сожаленіемъ. Непрестанно по-
„мышляю, какого человѣка, какого друга я
„лишился. Ему было шестьдесятъ лѣтъ
„отъ роду; а прожить столько и для са-
„мыхъ здоровыхъ людей довольно: знаю; из-
„бавился отъ непрерывной болѣзни: знаю;
„оставилъ въ цвѣтущемъ состояніи Респу-
„блику, которая ему любезнѣе всего се-
„мейства его: также знаю; болѣзную од-
„нако, какъ о смерти человѣка и юнаго и
„самаго здороваго: болѣзную же объ немъ,
„(хотя ты почтешь сіе за слабодушіе) для
„самаго себя. Ибо лишился я свидѣтеля
„жизни моей, руководителя, наставника.
„Словомъ: тебѣ то же скажу, что въ пер-
„вомъ восторгѣ горести сказалъ я прія-
„телю моему Калвизію: *Опасаюсь, что бы*
„*мнѣ въ поведеніи своемъ не сдѣлаться*
„*неосторожнымъ.* И такъ утѣшай меня,

„но не тѣмъ, что Корелліи *старъ былъ*, „*дряхлъ былъ:* это я самъ вѣдаю; но утѣ- „шай меня чѣмъ нибудь новымъ, чѣмъ ни- „будь убѣдительнѣйшимъ, чего я никогда „не слыхалъ и не читалъ. Ибо все слы- „шанное, все читанное приходитъ на „мысль само собою, но великою скорбію „превозмогается.„

Ежели письмо сіе печально, то вотъ другое, которое позабавитъ можетъ; ибо сказки о духахъ и привиденіяхъ всегда забавляютъ, даже и тѣхъ, кои ихъ боятся. Повѣсть о привиденіи Африканскомъ, которую пересказываетъ Плиній не въ шутку, походитъ, кажется, совершенно на всѣ тѣ сказки о *живыхъ мертвецахъ*, которыя сочиняются и повторяются различнымъ образомъ, по тому что всякъ можетъ пересказывать о небываломъ, какъ ему хочется. Впрочемъ, здѣсь не льзя сказать за шутку, что сія повѣсть о *духѣ* (esprit) составлена человѣкомъ, не имѣвшимъ *духа*. Говоритъ Плиній: послушаемъ.

„И мнѣ учиться, и тебѣ учить позво- „ляетъ свободное время. Итакъ желалъ бы „я отъ тебя узнать, существенное ли что „нибудь суть привиденія, имѣютъ ли ка- „кій ниесть собственный образъ, и суть „ли нѣкіе духи, или только пустыя изобра- „женія, страхомъ въ насъ производимыя? „Нѣсколько вѣрнинъ былію ихъ заставляетъ

„меня то, что случилось, какъ я слы-
„шалъ, съ Курціемъ Руфомъ. Бывъ еще не
„богатъ и незнатенъ, жилъ онъ въ Африкѣ,
„при управлявшемъ сею областію. Нѣког-
„да вечеромъ прогуливался онъ подъ однимъ
„портикомъ: вдругъ представляется ему об-
„разъ женщины, и выше и красивѣе образа
„человѣческаго: онъ весьма испугался.
„*Я Африка, предвѣщательница будущаго,*
„сказала она: *ты отправишься въ Римъ,*
„*будешь возведенъ на высокія достоин-*
„*ства, возвратишься сюда начальникомъ*
„*сей области, и здѣсь умрешь.* Все сбы-
„лось. Сказываютъ, что когда, приплывъ
„къ Карѳагену, сошелъ онъ съ кораб-
„ля, на берегу тотъ же самый образъ пред-
„ставился глазамъ его. И дѣйствительно,
„когда онъ впалъ въ болѣзнь, то судя о
„будущемъ по прошедшему и о предстоя-
„щей опасности по бывшимъ удачамъ, ос-
„тавилъ всю надежду о своемъ выздоров-
„леніи, хотя никто изъ приближенныхъ
„его о томъ не сомнѣвался. Еще опишу
„тебѣ такъ, какъ мнѣ пересказывали, произ-
„шествіе гораздо страшнѣйшее, и не мень-
„ше чудное. Въ Ѳинахъ былъ огромный и къ
„житью весьма способный домъ, однако
„жить въ немъ никто не хотѣлъ по той
„причинѣ, что въ самую полночь слышанъ
„былъ звукъ отъ желѣза, а ежели послу-
„шать прилѣжнѣе, то отдавалось бряца-
„ніе цѣпи сперьва вдали, потомъ и ближе.
„Тотчасъ являлся тутъ призракъ въ видѣ
„сухаго и весьма неопрятнаго старика, съ

„длинною бородою, съ торчащими дыбомъ
„волосами, имѣвшаго на рукахъ и на но-
„гахъ оковы, коими производилъ ужасный
„стукъ. Отъ сего всякую ночь терпѣли
„безпокойство и страхъ жившіе прежде въ
„семъ домъ; отъ страху не спали; отъ не-
„спанья болѣзнь, а при возраставшемъ ужа-
„сѣ, слѣдовала смерть. Ибо и въ то время,
„когда призракъ не являлся, воображеніе
„непрестанно глазамъ оный представляло,
„и страхъ былъ продолжительнѣе самой
„причины страха. Наконецъ домъ совсѣмъ
„былъ брошенъ, и оставленъ тому приви-
„дѣнію; однакожъ прибито было объявленіе,
„что онъ и продается и отдается въ на-
„емъ; сіе сдѣлано въ надеждѣ обмануть
„кого нибудь, кто не зналъ о такомъ ве-
„ликомъ неудобствѣ дома. Пріѣзжаетъ въ
„Аѳины философъ Аѳенодоръ, читаетъ
„объявленіе: и услышавъ о цѣнѣ, малость
„коея наводитъ ему подозрѣніе, разспра-
„шиваетъ, и обо всемъ узнаетъ; но, не
„смотря на сіе, еще тѣмъ охотнѣе нани-
„маетъ его. Повечеру, приказываетъ сдѣ-
„лать для себя постелю въ передней час-
„ти дома; требуетъ себѣ письменнаго
„прибора и свѣчи: слугъ своихъ отсыла-
„етъ во внутренніе покои; а самъ и умъ,
„и глаза, и руку къ писанію устремляетъ,
„дабы праздная мысль не представила слы-
„шаннаго о привидѣніи и пустыхъ стра-
„ховъ. Съ начала ночи глубокое молчаніе
„въ домѣ, какъ и повсюду; потомъ звукъ
„желѣза и звѣненіе цѣпей. Аѳенодоръ не

„подѣимаетъ глазъ, не перестаетъ писать,
„укрѣпляется духомъ, не хочетъ слышать:
„стукъ увеличивается, приближается, слы-
„шится при дверяхъ, потомъ уже и въ
„самомъ покоѣ. Аѳенодоръ взглядываетъ,
„видитъ и узнаетъ привидѣніе таковымъ,
„какъ ему описывали: оно, стоя, манило
„его къ себѣ пальцемъ. Аѳенодоръ даетъ
„ему знакъ рукою, что бы не много подож-
„дало; и опять принимается писать. При-
„видѣніе звѣнитъ цѣпями надъ его голо-
„вою: онъ взглядываетъ и опять видитъ,
„что оно манитъ его: тогда онъ встаетъ,
„беретъ свѣчу и идетъ за нимъ. Приви-
„дѣніе шло медлѣнно, какъ будто обре-
„менено было оковами: вышедъ на дворъ,
„оно тотчасъ изчезло и оставило спут-
„ника, который нарванною травою и
„листьемъ замѣчаетъ мѣсто. На другой
„день приходитъ къ градоначальникамъ,
„и проситъ ихъ, что бы приказали то мѣ-
„сто разкопать: находятъ тутъ голыя и
„сухія кости, цѣпями обложенныя; отъ
„времени и сырости земли пѣло совсѣмъ
„сгнило, и только сіи кости остались въ
„оковахъ: онѣ собраны и погребены всена-
„родно; и послѣ сего привидѣніе въ томъ
„домѣ уже не являлось. Сему произшествію
„я вѣрю по сказанію другихъ, а о слѣдую-
„щемъ могу самъ другихъ увѣрить. Есть
„у меня отпущенникъ, именемъ Маркъ,
„человѣкъ не безъ знанія. Съ нимъ спалъ
„на одной постелѣ меншой его братъ; ему
„привидѣлось, что кто-то сидитъ подлѣ

„его съ ножницами и стрижетъ у него во-
„лосы съ самой маковки. Какъ скоро раз-
„свѣло, и подлинно увидѣли у него голову
„на маковкѣ выстриженную и лежащіе на
„постелѣ волосы. Не много спустя, слу-
„чилось еще нѣчто подобное, и дѣлаетъ
„вѣроятнымъ первое. Одинъ изъ принад-
„лежащихъ мнѣ малолѣтныхъ служителей
„спалъ съ товарищами своими въ назна-
„ченномъ для нихъ мѣстѣ; вошли въ
„окошко (такъ онъ самъ разказываетъ)
„два, въ бѣлое платье одетые, человѣка,
„и его лежащаго остригли, и тѣмъ же
„окошкомъ опять вышли. И сего, по на-
„ступленіи дня, нашли также остриже-
„наго, и волосы около его разметанные.
„Ничего достопримѣчательнаго за симъ не
„послѣдовало, кромѣ того, что я не былъ
„обвиненъ предъ Домиціаномъ, при цар-
„ствованія коего все сіе случилось: и ко-
„нечно не избѣгъ бы я сей участи, ежели
„бы тиранъ прожилъ долѣе. Ибо, между
„бумагами, послѣ него оставшимися, най-
„денъ доносъ, поданный на меня отъ Метія
„Кара. Изъ сего заключать можно, что,
„какъ осужденные обыкновенно отращива-
„ля у себя волосы, то остриженные у
„моихъ людей означали минованіе угрожав-
„шей мнѣ опасности. Итакъ прошу тебя
„употребить къ сему всю свою ученость:
„предметъ достоинъ великаго вниманія и
„щательнаго разсмотренія: да и я, мо-
„жетъ быть, не недостоинъ того, что бы
„ты удѣлилъ мнѣ нѣсколько отъ глубо-

„кихъ познаній твоихъ. Хотя ты, по „обыкновенію своему, при прошивныхъ мнѣ- „ніяхъ, объ стороны защищаешь; однако „одну которую нибудь болѣе подкрѣпи, да- „бы не остался я въ недоумѣніи и неизвѣ- „стности; ибо совѣта твоего для того и „прошу, что бы перестать мнѣ сомнѣ- „ваться.“

Первое размышленіе, представляющееся при семъ повѣствованіи, (слушая исторіи о выходцахъ съ того свѣта, не льзя не сказать своего мнѣнія) состоитъ въ томъ, что Плиній за одно только произшествіе, т. е. за стриженіе волосовъ ручается, безъ всякой основательной причины; ибо говоритъ объ ономъ, единственно повѣря словамъ отпущенника и слуги, которые могли обмануться отъ страха, или обмануть своего господина, въ такомъ случаѣ не будетъ уже ничего чудеснаго; и конечно можно удобнѣе предположить сіе, нежели повѣрить, что духъ въ бѣлой одеждѣ приходилъ отправлять должность цирульника. Но здѣсь представляется и другое разсужденіе: требованіе объясненія, предложенное Плиніемъ другу безъ всякой шутки, появленіе злаго Брутова духа, описанное важнымъ и разсудительнымъ Плутархомъ, и многія мѣста въ глубокомысленномъ Тацитѣ, показываютъ намъ, что самые великіе умы, писатели философы не почитали явленій невозможными. Вопъ

прекрасная задача для изтолкованія; но какъ и много поговоря, случается не больше узнать, при томъ же предметъ сей можетъ показаться или малостоющимъ помѣщенія его на ряду съ важными, или заслуживающимъ изслѣдованія внимательнѣйшаго, то я болѣе ничего не скажу, и сія статья изъ Плинія кончится тѣмъ же, чѣмъ кончатся обыкновенно всѣ разсказы о духахъ, т. е. всякъ разсказываетъ и самъ слушаетъ другихъ, не обязывая и не обязываясь всему тому вѣрить. Я замѣчу только, что Плиній одно письмо къ другу своему Тациту начинаетъ такъ: „Предвѣщаю, и я въ предвѣщаніяхъ не обманываюсь, что сочиненная тобою исторія будетъ безсмертна.„ И подлинно предсказаніе доселѣ сбывается. Я изъ сего осмѣливаюсь заключить, что Плиній разсуждалъ лучше о сочиненіяхъ Тацита, нежели о выходцахъ съ того свѣта.

Другое весьма краткое письмо содержитъ замѣчаніе нравственное, котораго хотя ко всѣмъ примѣнить не льзя, какъ то думаетъ Плиній, но которое весьма часто бываетъ справедливо: кто бывалъ опасно болѣнъ, тотъ самъ посудить о семъ можетъ.

„Не давно болѣзнь одного изъ моихъ „пріятелей мнѣ доказала, что мы самыми „лучшими людьми бываемъ во время болѣз„ни. Ибо какого больнаго мучитъ сребро-

„любіе или другая непомѣрная страсть? „Не предается онъ любви, не желаетъ чес- „тей, богатство презираетъ, и самымъ „малымъ доволенъ, когда и то оставить „готовится: тогда вѣритъ бытію боговъ, „тогда помнитъ, что онъ человѣкъ: ни- „кому не завидуетъ, никому не удивляет- „ся, никого не презираетъ, и никакихъ „злыхъ рѣчей или не слушаетъ или не „трогается ими: на умѣ у него бани и „источники: о семъ только печется, сего „только желаетъ, и тихую и спокойную „то есть, невинную и счастливую жизнь „вести предполагаетъ, когда выздоровѣть „удастся. И такъ я могу тебѣ и себѣ въ „краткихъ словахъ сдѣлать наставленіе, „которое философы пространными разсу- „жденіями, и даже цѣлыми книгами препо- „дать стараются: Будемъ и при здоровьѣ „таковыми, каковыми быть обѣщаемся въ „болѣзни.„

Письмо къ Максиму, отправлявшемуся правителемъ въ Грецію, показываетъ намъ, сколько любилъ Плиній сію страну, которая была колыбелію искуствъ всякаго рода, и которой единое имя долженствовало быть во всякое время приятно для любящаго словесныя науки. Впрочемъ письмо сіе показываетъ человѣка, напитаннаго правилами человѣколюбія и кротости, которыя приличествовали философу, другу Траянову, и которыя могутъ служить наставленіемъ, для всѣхъ тѣхъ, кои по чи-

намъ и должностямъ своимъ выше другихъ бываютъ поставляемы. Мало писемъ, въ которыхъ бы Плиній обнаружилъ свойство любезнѣйшее, и въ которыхъ изъяснялся бы съ большею пріятностію и нѣжностію.

„Любовь моя къ тебѣ заставляетъ ме„ня дать тебѣ не наставленіе, (ибо не ну„женъ для тебя наставникъ) но совѣтъ, „дабы ты помнилъ и наблюдалъ то, что „знаешь уже, или бы узналъ то еще луч„ше. Не забывай, что ты отправляешься „въ Ахаію, т. е. истинную и настоящую „Грецію, гдѣ общежительность, науки, и „самое замледѣліе, по мнѣнію всѣхъ, начало „свое возприяли; отправляешься для упра„вленія городовъ свободныхъ, т. е. людей, „наиболѣе къ свободѣ привязанныхъ, лю„дей, которые данное отъ природы право „всегда охраняли своими добродѣтелями, „великими дѣяніями, дружественными сою„зами, договорами и благоговѣніемъ къ бо„гамъ. Чти боговъ, основателей городовъ, „и имена боговъ, какія носятъ города сіи. „Чти древнюю славу и ту самую старость, „которая въ человѣкѣ почтенія достойна, „а въ городахъ священна. Отдавай честь „древности, славнымъ подвигамъ, и даже „баснямъ. Не унижай ни чьего достоин„ства, не прикасняй свободы, не оскор„ляй даже тщеславія. Имѣй всегда предъ „глазами, что мы отъ сей страны заим„ствовали свое законовѣденіе, и что не

„она, яко завоеванная, приняла наши зако-
„ны, но намъ дала ихъ, по про ьбѣ нашей.
„Ты ѣдешь въ Аѳины; ты будешь управ-
„лять Лакедѣмономъ: отнять у нихъ тѣнь
„и имя вольности, которыя только и ос-
„тались между ими, есть дѣло жестокое,
„звѣрское и безчеловѣчное. Послѣдуй при-
„мѣру лѣкарей: хотя въ болѣзни нимало
„не различествуютъ между собою рабы и
„свободные, однакожъ со свободными по-
„ступаютъ они ласковѣе и снизходитель-
„нѣе. Воспоминай, въ какомъ состоянїи
„былъ какой городъ; не для того, чтобъ
„презирать настоящее положеніе его. Не
„будь гордъ и суровъ, не опасайся быть
„презираемъ безъ сего. Имѣющій власть
„и силу можетъ ли быть презираемъ,
„ежели не сдѣлается подлымъ и гнуснымъ,
„и самъ первый презирать себя не нач-
„нетъ? Худое есть дѣло показывать власть
„свою, другихъ оскорбляя; страхомъ не
„льзя снискать почтенія; къ полученію
„желаемаго гораздо болѣе способствуетъ
„любовь, нежели боязнь. Ибо боязнь прой-
„детъ, когда ты удалишься, а любовь ос-
„танется; и какъ первая обращается въ
„ненависть, такъ другая премѣняется въ
„почтеніе. . . .„

Я окончу сію выписку приключеніемъ, бывшимъ съ однимъ мальчикомъ Іппонскимъ, которое описано весьма пріятно, и доказываетъ ту любовь, какую къ людямъ приписываютъ дельфинамъ. Плиній

разсказываетъ о семъ произшествіи одному изъ друзей своихъ, стихотворцу Канинію, почитая оный предметъ весьма удобнымъ къ Піитическимъ украшеніямъ; и онъ не ошибается.

„Случилось мнѣ услышать повѣсть ис„тинную, но весьма похожую на вымышлен„ную, однако достойную твоего забавнаго, „высокаго и совершенно стихотворческаго „ума. Я услышалъ ее за обѣдомъ, гдѣ обыкно„венно разсказываются всякія диковинки. „Повѣствователь почитается за человѣка „весьма вѣрнаго; да, правду сказать, какая „нужда въ вѣрности стихотворцу? Одна„кожъ повѣствователь сей таковъ, что по„вѣрилъ бы ты ему, естьли бы писалъ и „исторію. Есть въ Африкѣ Гиппонское „селеніе, къ морю близкое: не далеко отъ „него лежитъ судоходное озеро, изъ коего „выходитъ каналъ, по которому вода какъ „въ рѣкѣ, то выходитъ въ море, то опять „возвращается въ озеро дѣйствіемъ прилива „и отлива. Тамъ люди всякаго возраста „собираются для рыбной ловли, для плава„нія на судахъ, и такъ же для купанья, „особенно дѣти, по любви своей къ праз„дности и забавамъ. Между ими постав„ляется за великую честь и достоинство, „кто далѣе оставитъ за собою и берегъ и „плавающихъ: у нихъ тотъ и побѣдитель. „На такомъ сраженіи одинъ мальчикъ, про„чихъ посмѣлѣе, заплылъ весьма далеко. „Вдругъ является дельфинъ, и плыветъ то

„передъ нимъ, то за нимъ, то около его,
„наконецъ поднимаетъ его къ себѣ на спину,
„потомъ опускаетъ его на воду, подни-
„маетъ опять и уноситъ его трепещущаго
„въ море; но вскорѣ приближается съ низу
„къ берегу, и возвращаетъ его товарищамъ.
„Слухъ разпространяется по всему селенію:
„всѣ сбѣгаются, какъ на чудо смотрятъ на
„мальчика, спрашиваютъ, слушаютъ, пере-
„сказываютъ. На другой день стекаются
„на берегъ, устремляютъ глаза на море,
„или что моремъ кажется имъ. Дѣти пу-
„скаются плавать, также и помянутый
„мальчикъ, но съ большею осторожностію.
„Дельфинъ появляется въ то же время, опять
„приближается къ мальчику. Съ товарищами
„и онъ удаляется. Дельфинъ, какъ бы же-
„лая остановить и воротить его, вспры-
„гиваетъ, погружается, и дѣлаетъ различные
„обороты. На другой, на третій и многіе
„дни то же самое зрѣлище, какъ наконецъ
„люди, воспитанные на морѣ, устыдились
„страха своего: приближаются къ дельфину,
„маняютъ его къ себѣ, играютъ съ нимъ,
„даже прикасаются къ нему, ласкаютъ его,
„и онъ не дичится. Симъ опытомъ умно-
„жается смѣлость, особливо въ томъ маль-
„чикѣ, который первый испыталъ на себѣ
„опасность; онъ приплываетъ къ дельфину,
„вскакиваетъ ему на спину: туда и сюда
„разъѣзжаетъ на немъ; думая, что онъ
„узналъ, полюбленъ имъ, и самъ любить его
„начинаетъ: одинъ другаго не боится, ни
„тотъ ни другой не внушаетъ страха.

„Одинъ становится отважнѣе, а другой ру-
„чнѣе: да и прочія дѣти вокругъ его пла-
„ваютъ, возбуждая его крикомъ и словами.
„Съ симъ вмѣстѣ (что также дивно) видали
„другаго дельфина, который былъ только
„провожатаемъ и зрителемъ: онъ ничего
„подобнаго не дѣлалъ, и надъ собою дѣлать
„не давалъ, а приводилъ и отводилъ перваго
„дельфина, такъ какъ мальчики приводили
„и отводили своего товарища. Невѣроятно,
„однако столь же истинно, какъ и сказанное
„выше: дельфинъ, носившій на себѣ мальчи-
„ка и игравшій съ нимъ, привыкъ такъ же
„выходить на берегъ, и обсушась на пескѣ,
„коль скоро чувствовалъ жаръ, опять бро-
„сался въ море. Сказываютъ, что Октавій
„Авитъ, намѣстникъ проконсула, по какому-
„то пустому суевѣрію, улучивъ время, ко-
„гда дельфинъ вышелъ на берегъ, вылилъ на
„него жидкую нѣкую мазь, отъ необычай-
„ности и запаху которой, ушелъ онъ въ море,
„и многіе дни не являлся: наконецъ увидѣли
„его, но томнаго и печальнаго; а вскорѣ по-
„лучивъ прежнія силы, сдѣлался опять рѣ-
„зовъ и забавенъ. На такое зрѣлище сте-
„кались всѣ начальники окрестныхъ мѣстъ;
„пріѣзды и пребываніе ихъ изнуряли селеніе
„новыми издержками: а сверхъ того, мѣсто
„сіе теряло тишину и спокойствіе свое.
„Итакъ разсуждено убить тайно дельфина,
„котораго смотрѣть сбѣжалися. Какими
„жалкими и сильными выраженіями ты опи-
„шешь, украсишь, прославишь сію повѣсть,
„хотя и нѣшъ нужды что нибудь къ тому

„придумывать или прибавлять? Довольно „и того, чтобъ не уменшить истины.

Плиній, названный естествоиспытателемъ для различенія отъ предъидущаго, принадлежитъ, какъ и самое названіе показываетъ, къ числу мужей искусныхъ болѣе въ физикѣ и наукахъ естественныхъ, нежели въ словесныхъ; но ежели судить объ немъ только, какъ о писателѣ, то и въ семъ качествѣ, краснорѣчіе, какое повсюду видно въ его сочиненіи, и воображеніе, которымъ оживляется и украшается слогъ его, даютъ ему высокое мѣсто между писателями послѣдняго вѣка Римской словесности. Не льзя сомнѣваться, и сіе составляетъ величайшую похвалу ему, что служилъ онъ образцемъ знаменитому сочинителю нашей естественной исторіи, который благородствомъ и возвышенностію мыслей, силою выраженій, богатствомъ изображеній и разнообразіемъ описаній хотѣлъ, кажется, съ нимъ спорить. Прочитай въ Плиніи описаніе слона и льва, и ты подумаешь, что читаешь Бюфона. Но Французскій писатель преимуществуетъ чистотою вкуса: его не можно порицать, такъ какъ Латинскаго сочинителя, чтобъ онъ вдавался въ велерѣчіе, и дѣлался иногда не гладокъ и теменъ, ища краткости и силы: а сей недостаткъ есть въ Плиніи естествоиспытателѣ. Впрочемъ книга его есть, по всѣмъ причинамъ, драгоцѣнный памятникъ, и справедливо названа энциклопедіею Древнихъ. Она показываетъ

намъ предѣлъ познаній ихъ. Въ ней все найдешь, астрономію, геометрію, всеобщую и частную физику, ботанику, медицину, анатомію, минералогію, хлѣбопашество, механику, художества, къ роскоши относящіяся. Одинъ реэстръ книгъ, на которыя ссылается сочинитель, и число тѣхъ, которыя, какъ онъ говоритъ, читалъ, и которыя составляютъ тысячи томовъ, но большею частію до насъ не дошли, могутъ уже подать доспаночное поняшіе о неутомимомъ его трудолюбіи; и когда подумаешь, что издалъ онъ множество другихъ сочиненій, коихъ мы уже не имѣемъ, что сей самый человѣкъ былъ во всю жизнь свою занятъ дѣлами государственными, ходилъ на войну, управлялъ многіе годы провинціею, умеръ пятидесяти шести лѣтъ; то не льзя бы было повѣрить, какимъ образомъ могъ онъ обьять столько предметовъ, столько чипать, дѣлать столько наблюденій, и понести столько трудовъ, естьли бы младшій Плиній, начерчавая планъ жизни дяди своего, не показалъ намъ въ немъ человѣка самаго трудолюбивѣйшаго въ свѣтѣ. Надлежитъ только взглянуть на сіе изображеніе, чтобъ узнать, что такое есть трудолюбіе, и тогда не станешь удивляться, по чему представившій оное называлъ самаго себя лѣнивымъ въ сравненіи съ такимъ образцемъ. Безъ сомнѣнія не многіе могутъ быть сопнсоы къ трудамъ дяди и крайней точности племянника. Вотъ какъ изъясняется сей послѣдній въ одномъ письмѣ своемъ.

„Весьма приятно мнѣ, что читаешь съ „такою охотою сочиненія дяди моего, желаешь „имѣть ихъ всѣ, и спрашиваешь, сколько всѣхъ „ихъ. Я тебѣ не только по заглавіямъ изчислю „ихъ, но и покажу по порядку, когда онѣ „писаны: ибо знать и сіе не непріятно для „любящихъ ученіе. *О бросаніи пики кон-„ныли*, одна книга. Онъ сочинилъ ее съ „великимъ умомъ и раченіемъ, начальство-„вавъ надъ однимъ отрядомъ конницы. *Жизнь „Помпонія Секунда*, въ двухъ книгахъ. Онъ „былъ отмѣнно любимъ Помпоніемъ, и симъ „памяти друга какъ бы подлежащій долгъ „исполнилъ. *О войскахъ Германскихъ*, „двадцать книгъ, въ которыхъ включилъ „всѣ бывшія у насъ брани съ Германцами. „Онъ началъ сіе сочиненіе, бывъ побужденъ „сновиденіемъ. Ибо представился ему во снѣ „Неронъ Друзъ, который, сдѣлавъ въ Герма-„ніи великія завоеванія, тамъ и скончался: „онъ просилъ сохранить память о себѣ и „отъ обиднаго забвенія избавить себя. *Уче-„ный* въ трехъ книгахъ, которыя, по обшир-„ности своей, раздѣлены на шесть томовъ: „въ семъ сочиненіи беретъ оратора отъ са-„мой, такъ сказать, колыбели, и постепен-„но наставленіями своими, приводитъ въ „совершенство. Восемь книгъ *о. сомнитель-„номъ образѣ объясненія*, написаны въ по-„слѣдніе годы царствованія Нерона, когда „ираніи всякое упражненіе, хотя нѣсколь-„ко свободнѣйшее и возвышеннѣйшее, дѣ-„лала опаснымъ. *Продолженіе исторіи Ав-„фидія Басса*, въ тридцати одной; и *есте-*

„*ственная исторія* въ тридцати семи кни-
„гахъ, сочиненіе обширное, ученое и много-
„образное, какъ и сама природа. Ты дивишь-
„ся, что человѣкъ, занятый разными дѣлами
„по должности, написалъ столько книгъ,
„между прочими много и весьма трудныхъ?
„Ты еще больше удивишься, когда узнаешь,
„что иногда говорилъ онъ въ судѣ рѣчи;
„что скончался пятидесяти шести только
„лѣтъ отъ роду; что средняя часть жизни
„его протекла то въ отправленіи важнѣй-
„шихъ должностей, то въ собесѣдованіи съ
„Государями. Онъ имѣлъ проницательный ра-
„зумъ, невѣроятную къ трудамъ охоту, ве-
„личайшую неусыпность. Начиналъ бодство-
„вать по ночамъ съ праздниковъ Вулкано-
„выхъ, (съ Августа мѣсяца) не для исканія
„предзнаменованій на небѣ, но для ученія;
„съ сего времени вставалъ за долго до раз-
„свѣта, зимою же въ часъ по полуночи, или
„въ два по крайней мѣрѣ, а часто и въ са-
„мую полночь. Сонъ и приходилъ къ нему
„и оставлялъ его весьма скоро, такъ что
„иногда засыпалъ и просыпался онъ за кни-
„гами. Еще до свѣту ходилъ къ Веспасіану
„Императору; ибо и онъ умѣлъ употреблять
„ночи на хорошее: оттуда къ исправленію
„поручаемыхъ ему дѣлъ. Возвратясь домой,
„остальное время проводилъ въ ученіи. По-
„слѣ обѣда, (всегда простаго и легкаго, по
„обычаю предковъ) въ свободное время часто
„ложился на солнцѣ: читали ему книгу: онъ
„дѣлалъ замѣчанія и выписки. Ибо ничего
„не читалъ, не дѣлая выписокъ. Даже гоза-

„ривалъ, что *нѣтъ такой худой книги, ко-*
„*торая бы не принесла сколько нибудь*
„*пользы.* Полежавъ на солнцѣ, мылся по
„большей части холодною водою; потомъ
„принявъ не много пищи, засыпалъ на весь-
„ма короткое время. Послѣ сна, какъ бы
„новый день для него начинался, тотчасъ
„принимался за ученыя упражненія и про-
„должалъ до самаго ужина, во время
„коего опять читалась книга, дѣлались за-
„мѣчанія, но кратко. Я помню, что, когда
„одинъ изъ гостей остановилъ чтеца, навы-
„воромъ произнесшаго нѣкоторую рѣчь, и
„заставилъ повторить ее, дядя мой сказалъ
„гостю: *Такъ ты понималъ ее?* конечно,
„понималъ, отвѣчалъ сей. *Для чего же за-*
„*ставляешь повторять?* примолвилъ дядя:
„*отъ такой остановки, мы болѣе десяти*
„*строкъ потеряли.* Такъ берегъ онъ время!
„Лѣтомъ, изъ за вечерняго стола вставалъ
„еще засвѣтло; а зимою, между седьмымъ и
„осьмымъ часами; и сіе дѣлалъ какъ бы по
„необходимому нѣкоему закону. Такъ жилъ
„при различныхъ занятіяхъ и градскомъ
„шумѣ. Въ уединеніи же, одно время бани
„изключено было отъ ученія, то есть, когда
„бывалъ въ самой банѣ: а по выходѣ, когда
„обтирали и одѣвали его, всегда или слу-
„шалъ чтеніе, или заставлялъ записывать
„свои мысли. Въ дорогѣ, какъ будто забывъ
„всѣ другія заботы, въ семъ только одномъ
„упражнялся: для чего всегда имѣлъ при
„себѣ писца съ книгою и письменнымъ при-
„боромъ: зимою, писецъ на руки надѣвалъ

„перчатки, дабы и самая жестокость погоды „не могла отнять у него времени, на ученіе „опредѣленнаго: по сей причинѣ и въ Римѣ „употреблялъ всегда носилки. Помню еще, „какъ однажды выговаривалъ мнѣ за то, что „ѣздилъ я пѣшкомъ: *ты могъ бы не поте-* „*рять сихъ часовъ*, сказалъ онъ. Ибо все „то время почиталъ потеряннымъ, которое „употреблялось не на ученіе. Сіе-то неу- „томимое прилѣжаніе пособило ему сочинить „такое множество книгъ, и оставить мнѣ „сто шестьдесятъ томовъ съ своими при- „мѣчаніями, на поляхъ и на оборотѣ и при „томъ самымъ мелкимъ почеркомъ писанны- „ными, чѣмъ число книгъ должно еще болѣе „умножиться. Мнѣ самъ разсказывалъ, что „могъ бы онъ, когда былъ правителемъ въ „Испаніи, продать сіи примѣчанія Ларгію „Лицинію за четыре ста тысячь сестерцій: „тогда были онѣ еще не въ такомъ коли- „чествѣ. Когда вспомнишь, сколько онъ чи- „талъ, сколько написалъ, не подумаешь ли, „что не былъ онъ ни въ какихъ должно- „стяхъ, ниже въ милости у Государей? На- „противъ, когда тебѣ скажутъ, сколько онъ „времени и труда употреблялъ на исправле- „ніе должностей и на ученіе, то не помы- „слишь ли, что онъ еще не довольно читалъ, „и не довольно написалъ. Ибо съ одной сто- „роны, какихъ препятствій не наносятъ „должности и занятія придворныя ученію? „А съ другой, чего не можетъ произвесть „неослабное прилѣжаніе? Итакъ я всегда „смѣюсь, когда называютъ меня трудолюби-

„вымъ; а я, въ сравненіи съ нимъ, самый „праздполюбецъ. Меня развлекаютъ и госу- „дарственныя должности и дружескія связи- „Да и кто изъ тѣхъ самихъ, кои всю жизн.- „свою посвящаютъ ученію, не постыдится „равнять себя съ нимъ, какъ будто сну и „нѣтъ преданный? Уже много разпростра- „нился я въ письмѣ моемъ, хотя и хотѣлъ „только отвѣчать на вопросъ твой, какія „книги сочинилъ мой дядя. Надѣюсь однако, „что и все писанное здѣсь тебѣ не меньше „пріятно будетъ, какъ и самыя книги; и моя „жетъ побудить тебя не только къ чтенію „ихъ, но и къ произведенію чего нибудь по „добнаго.“

Мы имѣемъ переводъ всей Плиніевой *естественной исторіи*, переводъ самъ по себѣ посредственный, но драгоцѣнный по ученымъ и физическимъ изысканіямъ, которыя суть отъ части плодъ тщанія многихъ искусныхъ людей, побужденныхъ, за тридцать лѣтъ тому назадъ, къ сему трудному дѣлу однимъ изъ почтеннѣйшихъ соотечественниковъ нашихъ, который, предсѣдательствуя по части словесныхъ наукъ, былъ, кажется, поставленъ на такое мѣсто, какое склонности его соотвѣтствовало, и какое сама природа для него назначила; онъ, по славѣ своей и выбору монарха, призываемъ былъ къ высокимъ должностямъ, но предпочелъ имъ сіе благородное и ученое упражненіе, сію мирную и купно дѣятельную свободу, которая для душъ тихихъ и чистыхъ, лю-

бящихъ природу и искуства, и чувствительныхъ къ дружбѣ, есть источникъ наслажденія, ничѣмъ неизмѣняемаго, и блаженства, ничѣмъ невозмущаемаго.

Сей переводъ, въ 12-ти томахъ въ четвертую долю листа, сдѣланъ для ученыхъ и словесниковъ больше, нежели для людей свѣтскихъ. Но и для сихъ выдана книжка, содержащая въ себѣ любопытнѣйшія статьи изъ Плинія естествоиспытателя, со вкусомъ избранныя и переведенныя съ исправностію, красотою и превосходствомъ, доказывающими совершенное знаніе обоихъ языковъ. Сія книжка, къ истинной услугѣ любителей, издана Аббатомъ Герульпомъ, профессоромъ риторики Гаркуртскаго училища, и дѣлаетъ честь Университету, который считаетъ издателя между отличнѣйшими своими членами. Въ ней находится множество наставительныхъ подробностей о домашней жизни Римлянъ, о ихъ художествахъ, о ихъ роскоши, и великое число историческихъ обстоятельствъ, которыя придаютъ весьма высокую цѣну обширному памятнику, для насъ Плиніемъ оставленному. Предписанныя мнѣ границы не позволяютъ что либо привести здѣсь изъ него; совѣтую любителямъ древностей прочитать помянутое мною сокращеніе; а я выпишу только одно или два мѣста, которыя могутъ дать понятіе о красотахъ и въ то же время о недостаткахъ Плинія; ибо сіи послѣдніе находятся иногда подлѣ красотъ самыхъ, и скрыть ихъ не надлежало пере-

водчику. Я возьму, на примѣръ, изъ первой книги то мѣсто, гдѣ Плиній говоритъ о землѣ.

„Земля есть единая изъ стихій, ко-
„торой мы, въ замѣнъ ея благодѣяній, дали
„названіе, представляющее почтенную мысль
„о любви материнской. Она есть наслѣдіе
„человѣка, такъ какъ небо есть наслѣдіе Боже-
„ство. Она возпріемлетъ его при рожденіи,
„питаетъ по рожденіи, и съ того самаго
„часа, какъ онъ узритъ свѣтъ, не престаетъ
„уже служить для него и защитою и под-
„порою. Наконецъ, когда уже отдѣлимся
„отъ всей природы, тогда она, сдѣлавшись
„еще сердобольнѣе, отверзаетъ намъ нѣдро
„свое, прикрываетъ смертные останки на-
„ши, творитъ насъ священными, какъ и
„сама священна, и по сему особенно должна
„быть для насъ предметомъ святыни и
„благоговѣнія. Она дѣлаетъ еще болѣе; она
„носитъ на себѣ нашу собственность и па-
„мятники наши, распространяетъ славу име-
„ни нашего и продолжаетъ память объ насъ
„за тѣсные предѣлы жизни нашей. Она
„есть послѣднее божество, которое призы-
„ваемъ во гнѣвѣ нашемъ; мы просимъ ее
„отяготѣть на тѣхъ, коихъ нѣтъ уже на
„свѣтѣ, какъ будто не знаемъ, что она
„одна не раздражается противъ человѣка.
„Воды возвышаются, дабы низпасть въ дож-
„дяхъ *бурныхъ*, онѣ претворяются въ гра-
„ды, вздымаются въ волнахъ, устремляются
„въ потокахъ; воздухъ сгущается въ облака,

„свирѣпствуетъ въ буряхъ; но земля есть „благодѣтельна, кротка, терпѣлива, всегда „готова служить смертнымъ. Сколько дани „вынуждаемъ мы отъ нея? Сколько даровъ „намъ предлагаетъ она сама собою? Какіе „цвѣты! Какія сладости! Какіе соки! Какіе „предметы для осязанія, для обонянія! Съ „какою лихвою возвращаетъ она залогъ, ей „ввѣренный! Сколько существъ питаетъ для „насъ! Ежели есть животныя ядоносныя, „виновенъ въ томъ одинъ воздухъ, имъ жизнь „дающій. Она принужденно принимаетъ въ „себя зародыши ихъ, и сохраняетъ вышед„шихъ на свѣтъ; но вмѣсто того разсы„паетъ спасительныя пары: она въ безпре„станномъ трудѣ для человѣка, и, можетъ „быть, самые яды суть даръ ея объ насъ „сожаленія. “

Сей отрывокъ написанъ слогомъ совершенно ораторскимъ, и даже стихотворческимъ. Онъ великолѣпенъ; но всѣ ли мысли въ немъ справедливы? Правда ли, что земля (естьли предположимъ въ ней все то могущество, какое приписываетъ ей сочинитель неосказательно) не дѣлаетъ никакого зла человѣку? И когда огнедышущія горы отверзаютъ недра свои для поглощенія цѣлыхъ городовъ? И когда землетрясеніями опустошается государство? А сверхъ того, все добро, творимое ею, одной ли ей принадлежитъ? Безъ дождей, на которые жалуется Плиній весьма не справедливо, безъ солнца, о которомъ онъ не говоритъ, что была бы

сія благотворительная земля? Сказать правду, надлежало бы оставить стихотворцамъ превозносить божество земли на счетъ другихъ боговъ; а философу надобно было показать намъ паче ту стройность стихій, которыя, одна безъ другой не могши сдѣлать ничего для насъ, соединяются между собою, дабы имъ быть полезными намъ, и которыхъ вѣчное согласіе производитъ вѣчное плодородіе: Я не буду распространяться болѣе въ разсматриваніи сего отрывка, который заключаетъ въ себѣ много красоты и блеска, но походитъ, какъ то видѣть можно, на *декламацію;* ибо такъ называется все то, что клонится къ увеличенію предметовъ съ ущербомъ истины.

Цицеронъ доставилъ намъ столько удовольствія, что для насъ должны быть пріятны и тѣ похвалы, какія приписываетъ ему Плиній. Говоря о почестяхъ, которыя у Римлянъ отдаваемы были наукамъ и дарованіямъ, дѣлаетъ онъ къ Цицерону слѣдующее краснорѣчивое обращеніе: „Могу ли я, „безъ преступленія, прейти молчаніемъ „имя твое, о Цицеронъ? Что буду прославлять въ тебѣ, что возьму за отличительное „доказательство славы твоей? Ахъ! „безъ сомнѣнія, довлѣетъ сослаться только „на тѣ лестныя почести, которыя цѣлый „народъ, народъ, каковъ Римскій, воздалъ „высокимъ дарованіямъ твоимъ, и взять „изъ всего продолженія славной жизни одинъ „дѣяніе, ознаменовавшія твое консульство.

„Ты говоришь, и трибы римскія отказыва-
„ются отъ закона о раздѣленіи полей (lex
„agraria), отъ закона, который обезпечивалъ
„имъ въ первыхъ нуждахъ жизненскихъ. Ты
„совѣтуешь: онѣ прощаютъ Росція, поста-
„новившеля закона, который опредѣлялъ мѣ-
„ста на зрѣлищахъ по чинамъ, и соглашают-
„ся на обидное для себя отличіе. Ты увѣща-
„ваешь, и дѣти ссылочныхъ осуждаютъ са-
„ми себя на отчужденіе отъ всякихъ поче-
„стей. Катилина бѣжитъ предъ великимъ
„духомъ твоимъ: ты изгналъ и Марка-Анто-
„нія. Приими почитаніе мое, о ты, кой
„первый названъ *отцемъ отечества*, ты,
„кой первый заслужилъ торжество, не
„оставляя мирной одежды, и первый полу-
„чилъ побѣдоносные лавры единымъ оружі-
„емъ слова; ты отецъ латинскаго краснорѣ-
„чія и словесности; ты наконецъ, да скажу
„съ Цезаремъ, бывшимъ нѣкогда врагомъ
„твоимъ, ты удостоился прекраснѣйшаго
„изъ всѣхъ торжествъ; ибо разпространить
„для Римлянъ границы разума гораздо слав-
„нѣе, нежели разширить предѣлы ихъ вла-
„дычества. “

Конецъ второй книги.

ДРЕВНІЕ ПИСАТЕЛИ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

ИСТОРІЯ, ФИЛОСОФІЯ
И
СМѢШАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ГЛАВА ПЕРЬВАЯ.

ИСТОРІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРЬВОЕ.

Историки Греческіе и Римскіе первой степени.

Исторія, въ первыя времена, была, кажется, предметомъ одной поэзіи, которая, занимая воображеніе, или заключалась въ общенародныхъ памятникахъ, которые могли, повидимому, учинить великія произшествія незабвенными. Изображались оныя на мѣди, на камнѣ, на истуканахъ, на гробницахъ, на медаляхъ; и посему-то послѣдніе, изъ которыхъ великое число укрылось отъ ѣдкости времена, сдѣлались предметомъ изысканій для любителей древности, и часто способствовали къ изъясненію или къ доказательству дѣяній и точному опредѣле-

нію времени въ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ. Самое древнее сочиненіе, какое оставила намъ Греческая словесность въ видѣ исторіи, (здѣсь дѣло идетъ не о книгахъ священныхъ, ниже о писателяхъ восточныхъ) есть твореніе Иродота, названнаго по сей причинѣ *отцемъ исторіи*.

Отъ него получили мы небольшія свѣденія о царствовавшихъ древле поколеніяхъ въ Мидіи, Персіи, Финикіи, Лидіи, Греціи, Египтѣ, Скиѳіи. Онъ жилъ почти за пять столѣтій до Р. Х. и путешествовалъ въ малую Азію, Грецію и Египетъ. Имена девяти Музъ, данныя его современниками девяти книгамъ, составляющимъ его исторію, свидѣтельствуютъ, въ какомъ почтеніи была она у Грековъ, коимъ читалъ ее сочинитель на играхъ Олимпійскихъ, и сія оказанная ему честь придаетъ исторіи его вѣроятіе; однако не надлежитъ изъ сего заключать, что бы все повѣствованіе его было неоспоримо: когда новѣйшія даже исторіи не избѣгли критики, то кольми паче то, что основано только на преданіяхъ весьма отдалѣнныхъ, должно быть подвергнуто изслѣдованію, и можетъ поселить въ насъ сомнѣніе. Впрочемъ извѣстная склонность Грековъ къ чудесному и баснямъ, склонность, за которую весьма часто порицали ихъ Латинскіе писатели, можетъ сдѣлать самую правдивость ихъ подозрительною. Но впадемъ въ другую крайность, ежели будемъ, безъ разсмотрѣнія, отвергать все то, что

не кажется намъ сообразнымъ съ правилами правдоподобія, котораго опредѣлить въ точности не возможно; ибо въ Исторіи, такъ какъ и въ драммѣ,

Le vrai peut quelquefois n'etre pas vraiſemblable,

т. е.

Иногда истинное можетъ не быть правдоподобно.

Мы весьма часто полагаемъ мѣру правдоподобія, сообразуясь съ общими нашими понятіями и несовершенными познаніями нашими. Разстояніе временъ и мѣстъ, и различіе вѣръ, нравовъ, обычаевъ и предразсудковъ поставили Древнихъ и Новѣйшихъ въ такомъ отдаленіи другъ отъ друга, что послѣдніе должны быть крайне осторожны, когда надобно судить о томъ, что первые дѣлать или мыслить могли. Здѣсь опытъ, такъ какъ и во всемъ, долженъ служить наставленіемъ: онъ неоднократно доказывалъ существенность того, что прежде казалось невѣроятнымъ, и весьма просвѣщенные путешественники на мѣстѣ нашли истиннымъ то, что писалъ Иродотъ о Египтѣ, и что доселѣ почиталось за баснь. И все отвергать, и всему вѣрить есть равное невѣжество; разность только въ томъ, что одно происходитъ отъ простоты, другое отъ высокоумія. Надлежитъ остерегаться отъ того и другаго: кто много знаетъ, тотъ часто сомнѣвается, а сомнѣніе ведетъ къ

изслѣдованіямъ и познанію; кто знаетъ мало, тотъ скоро все отвергаетъ, и тѣмъ теряетъ случай просвѣтить себя. Впрочемъ такое изслѣдованіе не принадлежитъ къ моему предмету, и особливо долженъ я почитать историковъ, за писателей и людей ученыхъ. И такъ я представлю здѣсь весьма краткія замѣчанія только о пяти Греческихъ и Римскихъ Историкахъ, кои, по общему согласію всѣхъ вѣковъ, причислены къ писателямъ классическимъ.

Послѣ Иродота, который много почитается за ясность, чистоту и пріятность слога, но въ которомъ не достаетъ нѣсколько порядка, изъясненій, изслѣдованій, явился Ѳукидидъ, описавшій ту славную Пелопонизскую войну между Аѳинами и Лакедемономъ, которая двадцать семь лѣтъ продолжалась. Онъ повѣствовалъ о наибольшей части войны сей, какъ самовидѣцъ, и даже какъ дѣйствующее лице; ибо препоручено ему было предводительство надъ войскомъ, и Аѳиняне, изгнавшіе его за худый успѣхъ на войнѣ, почтили наконецъ и наградили его, какъ историка, наказавъ, какъ полководца. Въ немъ находятся два недостатка, довольно противные одинъ другому: онъ съ лишкомъ кратокъ въ повѣствованіи, и съ лишкомъ длиненъ въ рѣчахъ своихъ. У него много мыслей, но онѣ бываютъ иногда темны; въ слогѣ его найдешь важность философа, но нѣсколько примѣтна сухость. По сему и

читать его можно не съ такимъ удовольствіемъ, какъ Ксенофонта, который писалъ послѣ него вскорѣ, и который прозванъ *пчелою аттическою*, для означенія пріятности слога его. Онъ издалъ и продолжалъ исторію Ѳукидида, прибавивъ къ ней еще семь книгъ. Былъ онъ ученикъ Сократа, и предводительствовалъ войскомъ при томъ достопамятномъ отступленіи десяти тысячь Грековъ, которое почитается за одно изъ чудесъ древности, и которое описать былъ онъ достоинъ. Онъ, какъ Цезарь, былъ историкъ собственныхъ своихъ подвиговъ: какъ Цезарь, соединялъ въ себѣ даръ описывать оные со славою совершать ихъ: какъ Цезарь, заслуживаетъ полное довѣріе; ибо судіями имѣлъ свидѣтелей. Сего послѣдняго достоинства вы не найдете въ *Киропедіи*, въ которой, какъ разсуждаетъ Цицеронъ, слѣдовалъ онъ исторической истинѣ меньше, нежели желанію начертать образецъ совершеннаго Государя и наилучшаго правительства. Ежели военные люди должны брать его въ примѣръ, какъ полководца въ отступленіи десяти тысячь, то надлежитъ удивляться ему, какъ философу и какъ человѣку государственному въ семъ прекрасномъ твореніи *Киропедіи*, которую можно сравнить съ нашимъ *Телемаковъ*. Сказано о Ксенофонтѣ, что Граціи обитали на устахъ его; къ сему прибавить можно, что имъ соприсутствовала и Мудрость.

Начиная съ него даже до Фенелона, не имѣлъ ни одинъ человѣкъ, въ такой степени, дара представлять добродѣтель любезною. Древніе говорятъ объ немъ не иначе какъ съ благоговѣніемъ, и извѣстно, что Сципіону и Лукуллу служили творенія его сладкою утѣхою. Сей человѣкъ, имѣвшій въ своихъ сочиненіяхъ всю пріятность аттическаго краснорѣчія, имѣлъ въ душѣ своей твердость Спартанца. Когда онъ, съ увѣнчанною цвѣтами головою, приносилъ жертву богамъ, вдругъ сказываютъ ему, что сынъ его убитъ на Мантинейскомъ сраженіи. Онъ снимаетъ съ себя вѣнки и проливаетъ слезы; но, услышавъ при томъ, что сей самый сынъ, сражаясь до послѣдняго издыханія, смертельно ранилъ непріятельскаго полководца, надеваетъ опять свои вѣнки, говоря: *я зналъ, что сынъ мой смертенъ, и его слава должна меня утѣшить о его смерти.*

Мы имѣемъ отъ него много и другихъ сочиненій, между прочими *похвальное слово Агезилаю*, Царю Лакедемонскому, *собраніе достопамятныхъ изреченій Сократа*, и *защитительную рѣчь* за сего философа. Но самыя превосходнѣйшія его творенія суть *отступленіе десяти тысячъ* и *Киропедія*.

Квинтиліанъ сравниваетъ Тита-Ливія съ Иродотомъ, а Саллюстія съ Ѳукидидомъ. Я думаю, что удивленіе Римлянъ къ Греческой словесности, которая ихъ собствен-

ной образцемъ служила, и то почтеніе, какое обыкновенно сохраняемъ въ своимъ учителямъ, вмѣшали нѣсколько предубѣжденія въ сіе Квинтиліаново мнѣніе, впрочемъ весьма разсудительное и умное. Мы же, будучи равно обязаны Грекамъ и Римлянамъ, предпочли бы, мнѣ кажется, Тита-Ливія Иродоту, а Саллюстія Оукидиду, по той причинѣ, что сіи Латинскіе историки и въ приданіи красокъ и въ чистотѣ слога гораздо превозходятъ обоихъ Греческихъ. Краски Тита-Ливія пріятнѣе; краски Саллюстія живѣе. Одинъ удивляетъ своею блистательною легкостію, другой сильною стремительностію. Вкусъ Тита-Ливія толь совершенъ, что Квинтиліанъ помѣщаетъ его на ряду съ Цицерономъ, совѣтуя давать преимущественно сихъ двухъ писателей читать молодымъ людямъ. „Его повѣствованіе, гово„ритъ онъ, весьма пріятно, весьма ясно „и чисто. Его рѣчи превыше всякой пох„валы. У него все приноровлено и къ ли„цамъ и къ обстоятельствамъ. Особливо „превосходенъ онъ въ изъясненіи чувство„ваній сладостныхъ и трогающихъ; нѣтъ „ни одного историка, который бы умѣлъ „лучше возбуждать страсти.„

Сія похвала во всемъ справедлива, и можно еще прибавить, что высокій умъ Тита-Ливія, не показывая ни труда ни усилія, не принужденно, кажется, возносится до высоты Римскаго величія. Онъ повсюду ни выше ни ниже того, о чемъ по-

вѣствуетъ. Его рѣчи, которымъ древніе удивлялись, и за которыя Новѣйшіе порицаютъ его, суть толь прекрасны, что самый строгій цѣнитель долженъ бы пожалѣть безъ сомнѣнія, ежели бы онѣ до насъ не дошли, и я тотчасъ докажу, что то были красоты не неумѣстныя, и что не льзя къ нему примѣнить извѣстнаго остраго изреченія Плутархова: *ты говоришь не кстати весьма статную рѣчь.*

Слава его такъ далеко разпространилась, еще при его жизни, что, естьли правда, какъ то сказываютъ, одинъ житель города Кадикса, который въ то время для Римлянъ былъ краемъ свѣта, отправился изъ своей отчизны, что бы увидѣть Тита-Ливія, и увидѣвъ его, тотчасъ домой возвратился. Св. Іеронимъ въ одномъ письмѣ своемъ къ Павлину сказалъ о семъ случаѣ весьма остроумно: „необычайное дѣ„ло, чтобъ чужестранецъ, вошедъ въ та„кой городъ, каковъ Римъ, искалъ въ „немъ чего нибудь инаго, кромъ самаго „Рима.„

Извѣстно, что въ сочиненіи своемъ, состоявшемъ изо ста сорока книгъ, обьялъ онъ все пространство Римской исторіи, съ самаго основанія Рима по смерть Друза, внука Августова. Намъ осталось изъ нихъ только тридцать пять книгъ, и время не больше пощадило Тацита и Саллюстія. Таковыя потери, весьма чувствительныя для тѣхъ, кои все свое удовольствіе спа-

вятъ въ наукахъ, вѣроятно, ничѣмъ не вознаградятся.

Онъ былъ весьма любимъ Августомъ; однако сіе не мѣшало ему, въ своихъ сочиненіяхъ, приписывать величайшія похвалы республиканцамъ, Бруту, Кассію и особливо Помпею, такъ что Августъ называлъ его *Помпеанцемъ*. При Тиверіѣ, историкъ Кремуцій Кордъ обвиненъ былъ предъ Сенатомъ въ оскорбленіи величества по тому, что назвалъ Брута *послѣднимъ уже изъ Римлянъ*, и принужденъ самъ себя умертвить. По сему одному случаю судить можно, какіе успѣхи, отъ одного царствованія до другаго, дѣлало рабство.

Аббатъ Дефонтень порицалъ Тита-Ливія за то, что онъ съ лишкомъ ослѣплялся величіемъ Рима, и говорилъ о семъ новозаводимомъ еще городѣ, какъ о столицѣ всего свѣта; такое порицаніе мнѣ кажется не основательнымъ. Римъ никогда не имѣлъ болѣе истиннаго величія, какъ въ первые вѣки своего существованія, которые были вѣками добродѣтели, мужества и любви къ отечеству; а не тогда, какъ разпространилъ уже повсюду владычество свое, имѣлъ онъ болѣе существенной славы. И дѣйствительно, сражаяся за жилища свои противъ Пирра и Карѳагена, народъ Римскій явилъ себя первымъ народомъ вселенныя, и сіе высокое свойство души, возвѣщавшее то, чѣмъ онъ былъ въ послѣдствіи,

т. е. повелителемъ народовъ, долженствовало показаться таковымъ же подъ перомъ Тита Ливія.

Обвиняютъ его въ слабости и суевѣріи, по тому что онъ весьма важнымъ образомъ повѣствуетъ о множествѣ чудесъ. Не знаю, можно ли изъ сего заключать, что онъ имъ вѣрилъ. Чаще всего выдаетъ ихъ за наслѣдственныя преданія; и ему не льзя было умолчать объ нихъ. Сіи чудеса составляли существенную часть исторіи такого государства, гдѣ все дѣлалось по предвѣщаніямъ и предзнаменованіямъ, гдѣ ничего важнаго не начиналось, безъ примѣчанія часа во дни и перемѣнъ въ небѣ. Я думаю, что во время Августа, и даже прежде его, стало уже уменшаться суевѣріе; но простый народъ былъ всегда суевѣренъ, а политика умѣла и долженствовала пользоваться сею сильною пружиною всеобщаго вѣрованія, коего слѣдствія полезны во всякомъ правленіи, хотя бы вѣрованіе было и ложное. Одно безвѣріе есть необходимый врагъ общественнаго и нравственнаго порядка. Но сему-то Сенатъ во всякое время примѣнялъ вѣру и гаданія къ пользамъ общественнымъ. Книги Сивиллинскія, которыя отъ времени до времени бы[illegible] раскрываемы, походили, безъ сомнѣнія, на предвѣщанія Нострадамовы, въ коихъ все, что хочешь, найти можно: но мы смѣемся надъ Нострадамомъ, а Сивилловъ тогда почитали. Сіи замѣчанія заставляютъ вѣрить,

что Титъ-Ливій и другіе историки поставляли обязанностію никакъ не обнаруживать мыслей своихъ о чудесахъ, и весьма мало заботились выводить кого либо изъ заблужденія. Я не хочу однакожъ увѣрять, что бы Титъ-Ливій былъ вовсе не суевѣренъ: говорю только, что написанное имъ не можетъ быть почитаемо за доказательство того, что онъ о семъ мыслилъ. Дѣло весьма возможное и при великихъ дарованіяхъ вѣрить року и гаданію. Читая Тацита, легко подумать можно, что онъ вѣрилъ тому и другому.

Саллюстій старался, кажется, подражать краткости и важности Ѳукидидовой, и даже увѣряютъ, что онъ много заимствовалъ изъ сего писателя. Саллюстій, говоритъ Квинтиліанъ, много переводилъ съ греческаго и помѣщалъ въ своихъ сочиненіяхъ; но сіе разумѣть должно развѣ о сочиненіяхъ, до насъ не дошедшихъ; ибо не видно никакого слѣда сихъ переводовъ въ тѣхъ, которыя мы имѣемъ. Онъ писалъ большую часть Римской исторіи; но подражая краткости Ѳукидидовой, придалъ ей еще болѣе крѣпости и силы: Сенека ясно показываетъ сію разность. „Въ Греческомъ „писателѣ, говоритъ онъ, при всей его „краткости, можно еще что нибудь убавить, не безъ уменшенія, правда, красоты въ словосочиненіи, но по крайней мѣрѣ безъ всякаго нарушенія полноты мыслей. Въ Саллюстіи же, отними хоть

„одно слово, и смыслъ уже пропалъ; сего„то и не почувствовалъ Титъ-Ливій, ко„торый порицалъ его тѣмъ, что яко бы „онъ изкажалъ и ослаблялъ мысли Грековъ, „и который предпочиталъ ему Ѳукидида, „не по тому что бы любилъ сего послѣд„няго болѣе, но для того, что его боялся „менѣе, и что надѣялся удобнѣе сдѣлать„ся выше Саллюстія, естьли прежде сдѣ„лаетъ Саллюстія ниже Ѳукидида.„

Такое сужденіе Сенеки показываетъ, что Титъ-Ливій, коего нравы почитаются столь же кроткими, какъ и слогъ его, имѣлъ однакожъ склонность къ зависти; толико-то справедливо, что для преодолѣнія сего порока, съ человѣческимъ несовершенствомъ сопряженнаго, не довольно еще великаго дарованія, которое очень рѣдко; надобно имѣть великую душу, каковая еще того рѣже.

Авлугеллій называетъ Саллюстія писателемъ *искуснымъ въ краткости, нововодителемъ въ словахъ;* сіе значитъ не то, что бы онъ выдумывалъ новыя реченія, но что дѣлалъ изъ нихъ новое употребленіе. „Изящность Саллюстія, говоритъ онъ „на другомъ мѣстѣ, красота выраженій его „и стараніе изъискивать новыя, обратили „на себя много критиковъ, даже изъ лю„дей отличныхъ; но между великимъ чис„ломъ примѣчаній, на его сочиненія сдѣ„ланныхъ, находимъ нѣсколько весьма ос-

„новательныхъ, и много такихъ, въ ко-
„ихъ больше довитости, нежели точно-
„сти.„

Въ число таковыхъ критиковъ не должно полагать Лена, отпущенника Помпѣева, который называлъ Саллюстія *самымъ неискуснымъ воромъ выраженій древняго Катона:* сіе не иное что есть, какъ грубое ругательство отъ непріятеля, и непріятеля подлаго. Однакожъ порицали Саллюстія темнотою въ слогѣ и привязанностію къ старинымъ реченіямъ люди весьма именитые, какъ-то: Юлій Цезарь, который любилъ его и составилъ его счастіе; и славный Азиній Полліонъ, человѣкъ, имѣвшій весьма нѣжный и разборчивый вкусъ, покровитель для людей ученыхъ тѣмъ любезнѣйшій, что самъ былъ человѣкъ ученый. Онъ учился у одного учителя съ Саллюстіемъ, Граммашика Претекстата, который, находя въ ученикѣ своемъ Саллюстіи способность къ роду историческому, сдѣлалъ для него краткую выписку изъ всей Римской исторіи съ тѣмъ, что бы онъ избралъ какую нибудь часть для описанія. Онъ принялся сперва за войну противъ Катилины, а потомъ описалъ войну противъ Югурты: онъ былъ очевидецъ первой. Сочинилъ исторію о междуусобныхъ войнахъ Марія и Силлы, по смерти Серторія, и о повременныхъ мятежахъ, возбужденныхъ Лепидомъ по кончинѣ Диктатора Силлы, и усмиренныхъ Катуломъ. Сіе со-

чиненіе, безъ сомнѣнія драгоцѣнное, почти все потеряно; остались нѣкоторые только опрывки.

Ежели критики съ лишкомъ строго судили Саллюстія, то другіе хвалили его безъ мѣры. Марціалъ называетъ его первымъ изъ историковъ Римскихъ (*), и онъ не одинъ такого мнѣнія. Признаюсь, что я предпочелъ бы ему Тита-Ливія и Тацита, перваго за совершенство слога, другаго за глубокость мыслей. Не произнося рѣшительнаго суда о выборѣ его реченій, о которыхъ достаточно судить мы не совсѣмъ въ состояніи, не льзя однакожъ не признаться, что въ его слогѣ видна нѣкая принужденность, а всякая принужденность есть недостатокъ. Не можно также похвалить длинныхъ его приступовъ и правоучительныхъ отступленій, которыя не довольно связываются съ главнымъ предложеніемъ, и которыхъ предметъ не опредѣлителенъ, а основаніе съ лишкомъ обыкновенно. Онъ въ правоученіи и политикѣ отстоитъ далеко отъ Тацита, который, въ семъ родѣ, всѣхъ превозходитъ. Еще можно обвинять Саллюстія несправедливостію противъ Цицерона. Сей великій мужъ полагалъ двѣ главныя обязанности въ историкѣ: не говорить ничего ложнаго, и не опускать ничего истиннаго. Въ первомъ

(*) Crispus romanâ primus in historiâ.

не льзя упрекать Саллюстія; да и какъ погрѣшить ему противъ того? Онъ писалъ о произшествіяхъ всенародныхъ, коихъ свидѣтелями были всѣ его читатели. Но есть другій родъ лжи, весьма свойственный ненависти, ложь, въ умолчаніи объ истинѣ состоящая, и сей родъ, будучи не столько оскорбителенъ, какъ явная клевета, есть столько же пороченъ, но гораздо подлѣе, по тому что злость скрываетпся для избѣжанія стыда. Сенатъ извъявляетъ Цицерону, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, благодарность за избавленіе Республики отъ величайшей опасности, безъ пролитія крови. О семъ торжественномъ и всенародномъ случаѣ упоминаютъ всѣ историки: Саллюстій объ немъ не говоритъ. Катулъ и Катонъ, въ полномъ собраніи Сената, дали Цицерону достохвальное имя *отца отечества;* Плиній, Ювеналъ и другіе многіе писатели приводили оное имя на память, да и потомство при немъ его оставило: Саллюстій о томъ не говоритъ. Градоправители Капуи, перваго союзнаго въ Италіи города, опредѣлили поставить Цицерону статую за спасеніе Рима, во время его консульства: Саллюстій о семъ не говоритъ. Наконецъ, Сенатъ опредѣляетъ ему почесть, каковой примѣра еще не бывало; повелѣваетъ производить объ немъ моленія въ храмахъ; сіе дѣлалось только для торжествовавшихъ побѣдителей. Такое неслыханное отличіе весьма примѣчательно: Саллюстій о немъ

не говоритъ. Сего еще не довольно: прочитайте исторію его о войнѣ противъ Катилины: въ ней все описано подробно, кромѣ дѣлъ Цицерона, безъ котораго ничего не было бы сдѣлано. Такова ли должна быть вѣрность исторіи? Такъ ли достигнуть можно полезнѣйшаго и почтеннѣйшаго намѣренія, т. е. показать, какимъ образомъ наказывается злодѣяніе и награждается добродѣтель? Но коль худо разсуждаетъ страсть? Какъ не почувствовалъ Саллюстій, что такое молчаніе и во всякомъ другомъ человѣкѣ почлось бы за непростительное опущеніе, а въ непріятелѣ есть ненавистная низость. Умалчивая о дѣлахъ явныхъ, не уже ли думалъ онъ привести ихъ въ забвеніе? Не уже ли воображалъ, что другіе не опишутъ ихъ? Не долженъ ли былъ онъ предвидѣть, что такое злонамѣренное молчаніе не будетъ имѣть инаго послѣдствія, кромѣ того, что навсегда останется извѣстнымъ, что сіи почести были Цицерону опредѣляемы, и что Саллюстій объ нихъ ничего не сказалъ?

Впрочемъ, непріятель такихъ свойствъ, какъ описываютъ Древніе Саллюстія, дѣлаетъ честь Цицерону. Всѣ свидѣтельства согласуются равно и о развращности его нравовъ, и о превосходствѣ дарованій. Разпутное поведеніе его, о которомъ Горацій говоритъ въ своихъ сатирахъ, долженствовало простираться до явнаго безчинства, поелику онъ выгнанъ былъ изъ Се-

наша Преторомъ Аппіемъ Пульхромъ въ такое время, когда надзираніе за благочиніемъ, столико же прежде строгое, колико и народные нравы, само ослабѣло и изказилось, какъ и все прочее. Вѣроятія достойные писатели единогласно утверждаютъ, что онъ хотѣлъ только обольстить читателей своихъ и обмануть потомство, показывая въ сочиненіяхъ своихъ величайшую благопристойность и выставляя нравоученіе, съ сердцемъ своимъ несогласное; что выискивалъ старинныя выраженія только для того, дабы увѣрить, что его правила, такъ какъ и слогъ, отзываются строгостію первыхъ вѣковъ Республики; что, наконецъ, заимствовалъ слова, какія употреблялъ Цензоръ Катонъ въ книгѣ своей о *началахъ*, дабы только показать, что онъ чѣмъ нибудь походитъ на сей образецъ добродѣтели, которому впрочемъ не подражалъ ни мало.

Онъ обязанъ своимъ возвышеніемъ и богатствомъ Цезарю, который, бывъ начальникомъ крамолы, не могъ быть разборчивъ въ людяхъ: употреблять пороки другихъ въ свою пользу есть правило и нещастіе любочестивыхъ. Цезарь опять ввелъ его въ Сенатъ, и своею властію доставилъ ему преторское достоинство. Саллюстій усердно служилъ Цезарю во время Африканской войны, и послѣ побѣды, получилъ въ награду управленіе Нумидіею, съ титломъ Пропретора. Тамъ-то всякими грабе-

жами собралъ онъ несчетное богатство; коимъ наслаждался послѣ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что, разточивъ собственное свое наслѣдіе, доведенъ былъ до бѣдности. Купилъ онъ славные сады, которые извѣстны потомъ подъ именемъ садовъ Саллюстіевыхъ, и прекрасный загородный домъ, близъ Тиволи. Вопль прошивъ него былъ всеобщій, и народы областей, управленію его ввѣренныхъ, доносили на него въ грабительствѣ Цезарю, тогда Диктаторомъ бывшему. Но тотъ, который предъ глазами всѣхъ Римлянъ похитилъ общенародную казну изъ храма, гдѣ она хранилась, какъ могъ наказать грабителя? Междуусобная война не есть время правосудія. Саллюстій избавился отъ отвѣтствія, отдавъ господину, коему служилъ, нѣкоторую часть изъ накраденнаго, и тѣмъ обезпечилъ себя на всю жизнь. Вотъ каковъ человѣкъ, который вопіетъ противъ всеобщаго разврата, и непрестанно твердитъ о старинныхъ нравахъ!

Не можно сказать о Тацитѣ, такъ какъ о Саллюстіи, что бы онъ былъ пустый проповѣдатель добродѣтели: онъ заставляетъ своихъ читателей почитать ее, по тому что самъ показываетъ къ ней непритворное уваженіе. Слогъ его столь же твердъ, какъ и его душа, разнообразенъ безъ излишняго украшенія, кратокъ безъ темноты, силенъ безъ напряженія. Онъ трогаетъ и душу, и воображеніе, и разумъ.

Можно судить о читателяхъ Тацита по достоинству, какое они въ немъ находятъ, поелику мысли его такъ обширны, что каждый постигаетъ ихъ болѣе или менѣе, смотря по степени силъ своихъ. Онъ углубляется до крайности, и углубляется безъ усилія. Сочиненія его кажутся гораздо меньше обработанными, нежели сочиненія Саллюстія, хотя въ самомъ дѣлѣ несравненно полнѣе и чище сихъ послѣднихъ. Качество слога его, можетъ быть, вовсе неподражаемаго, зависитъ не только отъ высокаго ума его, но и отъ обстоятельствъ, въ какихъ онъ находился.

Сей добродѣтельный мужъ, коего первые взоры, при выходѣ изъ младенчества, устремились на ужасныя неистовства двора Неронова; который видѣлъ потомъ позоръ Гальбы, пьянство Вителлія и грабительства Оттона, который послѣ дышалъ нѣсколько времени воздухомъ чистѣйшимъ при Веспасіанѣ и Титѣ, принужденъ былъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, сносить недовѣрчивое и лицемѣрное тиранство Домиціана. Бывъ рожденъ въ низкомъ состояніи, возведенъ Титомъ на Квесторское достоинство, и видя себя на пути чести, боялся онъ, для семейства своего, остановить ходъ возвышенія, которое первый онъ началъ, и котораго выгоды раздѣлять должны были всѣ его присные. Необходимо надлежало ему унизить высокость души своей и строгость своихъ правилъ, хотя не до подлостей царедворца, но

по крайней мѣрѣ до угожденій, до искательствъ подданнаго, который надѣется, и который ничего охуждать не долженъ, есть-ли получить что нибудь желаетъ. Поелику былъ не способенъ заслужить дружбу отъ Домиціана, то надобно ему было избѣгать ненависти его, скрывать часть достоинства и дарованій подданнаго, дабы не возбудить зависти въ повелителѣ; скрѣплять, всякую минуту, раздраженное сердце свое, только втайнѣ оплакивать раны отечества и кровь добрыхъ гражданъ, и даже не показывать вида печали, какую долговременное принужденіе разпространяетъ по лицу человѣка честнаго, и всегда подозрительнаго худому государю, который очень знаетъ, что при дворѣ его одна только добродѣтель должна быть печальна.

Тацитъ, будучи принужденъ бесѣдовать только съ самимъ собою, изобразилъ на бумагѣ всѣ тѣ жалобы и негодованіе, отъ коихъ облегчить себя иначе не могъ: вотъ что дѣлаетъ слогъ его весьма живымъ и привлекательнымъ. Онъ не произноситъ ругательствъ, какъ *декламаторъ*: человѣкъ, пораженный сильнымъ чувствованіемъ, не можетъ быть таковымъ; но описываетъ истинными красками все то, что подлость и рабство ни заключаютъ въ себѣ отвратительнаго; все то, что самовластіе и жестокость ни имѣютъ въ себѣ ужаснаго: надежды и успѣхи злодѣянія, боязнь невинности и уныніе добродѣтели; такъ живо изобра-

жаетъ все то, что ни видѣлъ и ни претерпѣлъ, что и читатель вмѣстѣ съ нимъ видитъ и страждетъ. Каждая строка наполняетъ чувствованіемъ душу: онъ извиняется предъ читателемъ, что занимаетъ его такими ужасами, и сіи самые ужасы привязываютъ до того, что всякъ пожалѣлъ бы, естьли бы онъ не начерталъ ихъ. Тираны намъ кажутся наказанными, когда ихъ описываютъ. Онъ представляетъ потомство и мщеніе, и я не знаю, можетъ ли быть какое чтеніе поразительнѣе для совѣсти злыхъ, какъ чтеніе его исторіи.

Многіе говорили, будто бы онъ повсюду видѣлъ зло, и клеветалъ на природу человѣческую; но можно ли назвать клеветою вѣрное описаніе того вѣка, въ коемъ онъ жилъ? И можно ли сказать, что тотъ, который изобразилъ намъ послѣднія минуты жизни Германика, Бареи, Ѳразеи, который написалъ похвальное слово Агриколѣ, не видѣлъ добродѣтели тамъ, гдѣ она была? Сіе послѣднее сочиненіе, т. е. жизнь Агриколы, есть таково, что ни одинъ жизнеописатель сравниться съ Тацитомъ не можетъ: оно есть превосходнѣйшее изъ его твореній, хотя и всѣ творенія его превосходны. Онъ сочинилъ слово сіе во время тишины и благоденствія. Царствованіе Нервы, который сдѣлалъ его Консуломъ, и потомъ царствованіе Траяна, привели у него въ забвеніе, что былъ онъ Преторомъ при Домиціанѣ. Въ слогѣ появились черты крайчайшія и красоты нѣжнѣйшія: уже

видно, что началъ онъ прощать. Тогда то преподалъ онъ сіе прекрасное и весьма полезное наставленіе для всѣхъ тѣхъ, коихъ осуждаетъ судьба жить во времена злополучныя. „Примѣръ Агриколы, говоритъ онъ, показы„ваетъ намъ, что и при худомъ государѣ „можно быть великимъ человѣкомъ, и что „благоразумная покорность, при дарованіяхъ „и твердости, можетъ доставить славу дру„гаго рода, нежели та слава, какой достигли „люди свойства стремительнаго, искавшіе „смерти знаменитой, но безполезной для „отечества.“

Мы не давно стали чувствовать высокое достоинство Тацита. Новѣйшіе ученые не скоро начали отдавать ему всю ту справедливость, какую отдавали его современники. Писатели философы снова подтверждали многіе предразсудки нѣкоторыхъ реторовъ, съ лишкомъ далеко простершихъ свои правила, и всѣхъ почти школьныхъ вралей, кои, не признавая другаго образа писанія, кромѣ Цицеронова, какъ будто бы слогъ оратора долженъ быть слогомъ и историка, приучили насъ, въ молодости нашей, почитать Тацита за писателя второстатейнаго и въ языкѣ мало исправнаго, за сочинителя невразумительнаго и принужденнаго. Противъ такихъ-то людей надлежитъ выставить одного изъ критиковъ шестаго-надесять вѣка, Юста-Липсія, на котораго ссылаться не хотѣлъ бы я въ другомъ случаѣ. Вотъ что говоритъ онъ худымъ слогомъ, но весьма раз-

судительно: „Всякая страница, всякая стро-
„ка въ Тацитѣ есть черта мудрости, со-
„вѣтъ, неоспоримое правило. Но онъ такъ
„стремителенъ и кратокъ, что потребна
„великая быстрота и проницательность разу-
„ма, дабы успѣть за нимъ слѣдовать, и его
„понимать. Не всякая собака дичь носомъ слы-
„шитъ, и не всякій читатель чувствуетъ
„Тацита.“

Сколь малонадежны были, до изобрѣтенія книгопечатанія, всѣ возможныя предосторожности для сохраненія отъ ѣдкости времени наипрекраснѣйшихъ произведеній разума человѣческаго, сіе доказывается случившимся съ сочиненіями Тацита. Спустя нѣсколько вѣковъ послѣ него, одинъ человѣкъ, носившій имя его, былъ возведенъ на престолъ Цезарей; и славясь своимъ, хотя и сомнительнымъ родствомъ съ нимъ, приказалъ переписать съ величайшимъ тщаніемъ все, что ни вышло изъ подъ пера сего неподражаемаго историка, и положить въ государственныя книгохранилища; сверхъ того, повелѣлъ возобновлять списки сіи чрезъ каждые десять лѣтъ. При всѣхъ таковыхъ попеченіяхъ не могли дойти до насъ въ цѣлости всѣ его сочиненія; большая часть изъ нихъ, къ сожаленію нашему, утрачена.

Между первостатейными историками можно еще помѣстить Квинта-Курція, хотя онъ и ниже упомянутыхъ мною. Не извѣстно, въ какое точно время писалъ онъ: весь-

ма вѣроятно, что было то при Веспасіанѣ. Онъ заключилъ въ небольшомъ томѣ житіе Александра, раздѣливъ оное на десять книгъ: Фреинсгемій пополнилъ двѣ первыя и часть послѣдней. Слогъ Квинта-Курція преизполненъ украшеній и цвѣтовъ риторическихъ, но приличенъ предмету: онъ описывалъ жизнь человѣка чрезвычайнаго. Особенно превосходенъ онъ въ описаніяхъ битвъ; его рѣчь отъ лица Скиѳовъ есть славное произведеніе. Онъ благороденъ и пылокъ, когда повѣствуетъ; но когда заставляетъ говорить вводныя свои лица, то съ лишкомъ обнаруживаетъ сочинителя. Его обвиняютъ также, да и справедливо, многими погрѣшностями въ лѣтосчисленіи и географіи, и во всемъ онъ не столь точенъ, какъ Арріанъ, послуживший много къ исправленію ошибокъ его. Но не знаю, справедливо ли думаютъ, что онъ позволилъ себѣ, въ исторіи героя своего, много баснотворныхъ украшеній. Александръ и у другихъ историковъ, кои объ немъ говорили, представляется не меньше страннымъ, не меньше безмѣрнымъ во всемъ, какъ и у Квинта-Курція; есть люди, о коихъ истинное повѣствованіе весьма походитъ на сказку по тому только, что люди сіи не походятъ на другихъ людей. Въ нашемъ вѣкѣ даже, Карлъ XII довольно доказалъ сіе. Квинтъ-Курцій не закрывалъ, да и не имѣлъ никакой причины закрывать недостатки и худыя качества Александровы. Онъ говоритъ худо и добро, и не походитъ на энтузіаста, ниже на панегириста. Что жъ касается до подлин-

ности произшествій, естьли прочитаемъ одно разсужденіе Тита-Ливія о успѣхахъ, какіе могъ бы имѣть Александръ, внеся оружіе свое въ Италію, то увидимъ, что Римляне нашли весьма достаточныя записки о семъ Государѣ, завоевавъ Македонію.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О рѣчахъ и о разности системы древнихъ и нынѣшнихъ исторій.

Остается мнѣ оправдать древнихъ историковъ за тѣ рѣчи, которыя почитаются за усилія искуства ораторскаго паче, нежели за историческіе памятники. И дѣйствительно, можетъ быть, Фабій и Сципіонъ не говорили въ Сенатѣ точно того, что влагаетъ имъ въ уста Титъ-Ливій; но естьли весьма вѣроятно, что они долженствовали и могли говорить въ томъ же почти смыслѣ, то не вижу основательной причины упрекамъ, дѣлаемымъ Историку. Въ семъ родѣ писанія, мнѣ кажется, позволено украшать, не прослывъ выдумщикомъ. Ежели бы сочинитель заставлялъ говорить краснорѣчиво такихъ людей, кои не рождены къ тому, кои не имѣли никакого навыка въ дарѣ слова, тогда то бы историкъ былъ не иное что, какъ слагатель романовъ. Но здѣсь особливо надлежитъ припомнить сдѣланное уже мною замѣчаніе, что наши обычаи, и наше воспитаніе весьма различны отъ обычаевъ и воспитанія древнихъ республикъ. Извѣстно, что Аѳины управляемы были своими ораторами; что безъ нихъ ничего важнаго не рѣшилось; что во всей Греціи, изключая, можетъ быть, только Лакедемонъ, искуство въ словѣ было одно изъ приличнѣйшихъ и нужнѣйшихъ познаній для всякаго гражданина;

въ немъ упражнялись съ величайшимъ прилѣжаніемъ въ юности: оно составляло важнѣйшую часть ученія. Въ Римѣ, кто искалъ чиновъ, тому надлежало быть въ состояніи изъясняться свободно и приятно предъ тремя или четырьмя стами Сенаторовъ, умѣть подавать и защищать свое мнѣніе, которое было оспориваемо со всею республиканскою вольностію, а иногда говорить судъ въ собраніи народномъ, состоящемъ изъ многочисленной и мятежной черни. Какъ доносы и защитительныя рѣчи въ судилищахъ доставляли великія средства къ снисканію славы, то самые знаменитые граждане старались отличиться, донося на виновныхъ, или ихъ защищая. Ихъ цѣль клонилась къ тому, чтобъ сдѣлаться извѣстными народу, и любочестіе искало споровъ важныхъ и явныхъ. Всѣ разбирательства малыхъ разпрей относились къ судилищамъ низшимъ, каковы были судилища преторовъ и центумвировъ; всѣ же дѣла важныя отправлялись въ присутствіи извѣстнаго числа Римскихъ рыцарей, закономъ избранныхъ и обязанныхъ присягою, и притомъ на пространной площади, наполненной множествомъ внимательныхъ свидѣтелей; и тотъ, кто подвергалъ себя сему опасному испытанію, долженствовалъ быть совершенно увѣренъ о своихъ дарованіяхъ и твердости. Тутъ судился человѣкъ на всю свою жизнь: его надежда и возвышеніе зависѣли отъ того мнѣнія, какое онъ подавалъ о себѣ, явясь на семъ колико блистательномъ, толико и скользкомъ поприщѣ. Отцы неопу-

стительно посылали туда дѣтей своихъ, и сіе называлось упражненіями судебными; всякой молодой человѣкъ занимался ими, какъ у насъ занимаются трудами на Марсовомъ полѣ.

По сему не удивительно, что люди, такимъ образомъ воспитанные, говорили рѣчи гораздо чаще и свободнѣе, нежели мы воображаемъ. Краснорѣчіе, которое въ нынѣшнихъ монархіяхъ есть, кажется, удѣломъ только тѣхъ, кои, по званію своему, должны учиться оному, было у Грековъ и Римлянъ однимъ изъ качествъ свойственныхъ, въ большей или меншей степени, всякому государственному человѣку, всякому гражданину, общественную должность отправлявшему. Гракхи, Цезарь, Катонъ, Сципіонъ были весьма великіе ораторы, т. е. на республиканскомъ языкѣ, весьма великіе государственные люди. Въ странѣ свободной убѣжденіе есть родъ могущества, котораго и слѣда не видно въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ инаго могущества, кромѣ власти.

Итакъ изъ сказаннаго мною заключить можно, что великіе мужи, коихъ заставляютъ говорить Титъ-Ливій и Саллюстій въ своихъ исторіяхъ, часто почерпали въ душѣ своей тѣ прекрасныя мысли, какія приписываетъ имъ историкъ, и даже долженствовали, произнося ихъ словомъ, производить сильнѣйшее дѣйствіе, нежели какое производитъ историкъ, положа ихъ на бу-

магу; и уваженіе къ симъ рѣчамъ доказывается еще тѣмъ, что очень долго сохранялись онѣ въ спискахъ. Цицеронъ весьма часто ссылается на рѣчи, болѣе нежели за сто лѣтъ до него, произнесенныя въ Сенатѣ; столь тщательно соблюдались онѣ говорившими ихъ не какъ памятники учености, но какъ доказательства, свидѣтельствовавшія о ихъ поведеніи и трудахъ въ отправленіи государственныхъ должностей.

Здѣсь представляется другая разность, между Древними и нами, въ сужденіи объ исторіи. Титъ-Ливій, Саллюстій, Тацитъ, Квинтъ-Курцій, почитали себя исполнившими всѣ свои обязанности, когда написали исторію краснорѣчиво и сходно съ истиною. Мы жалуемся на то, что не находимъ у нихъ довольно свѣденій и подробностей о нравахъ общенародныхъ и частныхъ, о внутреннемъ устройствѣ, о законахъ, доходахъ, податяхъ, поборахъ, военномъ искуствѣ, и пр. Познанія Древнихъ о упомянутыхъ спанъяхъ принуждены мы искать въ разсужденіяхъ, для сего единственно писанныхъ, и въ сочиненіяхъ другаго рода. Съ того времени, какъ у насъ обратились умы къ законодательству и государственному хозяйству, намъ стало казаться всего важнѣе въ исторіи изслѣдованіе о сихъ двухъ великихъ предметахъ, и сравненіе прежняго ихъ состоянія съ нынѣшнимъ. Такое сравненіе конечно любопытно; но по чему не находимъ мы въ самыхъ знаменитыхъ Гре-

ческихъ и Римскихъ историкахъ; чѣмъ бы могло, въ разсужденіи предметовъ сихъ, быть совершенно удовлетворено наше любопытство? А съ другой стороны, по чему сей родъ философической исторіи намъ кажется нужнымъ въ лѣтописяхъ нынѣшней Европы? Вотъ, можетъ быть, причина! Мы долгое время были варварами; долгое время не знали того, чѣмъ мы были, ни того, чѣмъ быть долженствовали. Цѣлая Европа управлялась страннымъ смѣшеніемъ ленныхъ (feodales) постановленій, толкованныхъ тиранами, и нѣкоторыхъ Римскихъ законовъ, толкованныхъ невѣждами; Европа представляетъ до шестагонадесять столѣтія одинъ хаосъ, одинъ лабиринтъ, въ которомъ теряется великое множество племенъ, избѣгшихъ отъ ига Римлянъ какъ будто для того, дабы впасть въ оковы варваровъ Сѣвера; онѣ сдѣлались толь же грубыми, какъ были новые ихъ побѣдители; на нихъ съ единымъ прискорбіемъ останавливаются мысленныя очи до того времени, пока свѣтъ наукъ не просіялъ между ими. Итакъ любопытство сихъ племенъ клонится нынѣ къ тому, что бы узнать своихъ предковъ, отъ коихъ ничего не сохранили, что бы найти слѣды того, чего нѣтъ уже на свѣтѣ, что бы увидѣть, до какого степени различествуютъ онѣ отъ родоначальниковъ своихъ. Но Римляне и Греки, не смотря на развращеніе нравовъ, были всегда тѣмъ же, чѣмъ и отцы ихъ. Законы двѣнадцати таблицъ были въ полной силѣ при Августѣ, такъ какъ и во вре-

мя войны съ Самнитянами; раздѣленіе Римскихъ трибовъ было то же; суды были тѣ же. Сенатъ въ теченіи семи сотъ лѣтъ имѣлъ тотъ же образъ, со времени первыхъ Консуловъ до первыхъ Цезарей. Воинская дисциплина, тактика, легіоны существовали безъ всякой важной перемѣны, отъ Пирра до Θеодосія. Безъ сомнѣнія, роскошь увеличивалась вмѣстѣ съ богатствомъ, и столъ Лукулла не походилъ уже на столъ Нумы или Фабриція; но консульская одежда была такова же на Цицеронѣ, какъ и на Брутѣ; она Цицерону давала тѣ же права, тѣ же преимущества; а нынѣ, одежда людей, въ Европейскихъ Государствахъ вельможами называемыхъ, отлична отъ одежды предковъ ихъ столько же, сколько отлично гражданское и политическое существованіе ихъ отъ существованія *Лейдовъ* Карломана и *Баронов* Филиппа-Августа, и сколько полкъ пѣхотный отличенъ отъ конной роты Карла V.

Итакъ не удивительно, что намъ потребны многія свѣденія, относительно предковъ нашихъ, и что Римляне и Греки, въ разсуденіи отцевъ своихъ, хотѣли знать только ихъ подвиги: все прочее было имъ довольно извѣстно. Всякой гражданинъ, прогуливаясь въ Римѣ по общенародной площади, во времена Цезарей, могъ показать мѣсто, съ котораго говорилъ рѣчи первый трибунъ народа. Ежели онъ хотѣлъ достигнуть той же чести, оставалось ему только употребить тѣ же способы и заслужить

то же одобреніе. Но нынѣ, естьли бы кто сталъ искать такого человѣка, который бы возложилъ на него рыцарское вооруженіе, или просить какую красавицу препоясать ему мечь и привязать шпоры, показался бы столь же сумасброднымъ, какъ и Д. КишотЪ.

Я кратко упомяну о историкахъ, кои не были писателями краснорѣчивыми. Во первыхъ находимъ между Греками, Полибія и Діонисія Галикарнасскаго. Одинъ, будучи весьма полезенъ для упражняющихся въ наукѣ военной и любящихъ сравнивать нынѣшнюю съ древнею, имѣетъ то особенное достоинство, что въ дошедшемъ до насъ сочиненіи доставилъ намъ продробнѣйшія свѣденія о Римской тактикѣ и вообще о наукѣ военной, съ превосходными примѣчаніями, какихъ можно ожидать отъ воспитанника Филопеменова и отъ одного изъ лучшихъ чиновниковъ въ войскахъ втораго Сципіона: другій оставилъ намъ собраніе *Римскихъ древностей*, сочиненіе, въ коемъ находится наиболѣе тѣхъ о нравахъ и обычаяхъ подробностей, къ которымъ сдѣлались мы жадны, и которыя, поелику казались Латинскимъ историкамъ предметомъ учености паче, нежели дарованія, занимаютъ у нихъ гораздо менше мѣста, нежели у писателей Греческихъ; для коихъ были онѣ предметомъ любопытства и изысканій. Діодоръ Сицилійскій, Аппіанъ, Арріанъ, Діонъ Кассій, суть въ числѣ тѣхъ посредственныхъ

историковъ, коихъ мы читаемъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, единственно для узнанія произшествій; ибо исторія, весьма справедливо говоритъ Цицеронъ, какъ бы ни была писана, всегда забавляетъ читателя. *Historia quoquo modo scripta delectat.* Діодоръ Сицилійскій писалъ о древнихъ монархіяхъ; Аппіанъ о междуусобныхъ войнахъ Рима; Арріанъ о войнахъ Александра. Маловажнѣйшій изъ всѣхъ есть Діонъ, написавшій римскую исторію, въ коей повѣствованіе не безъ пріятности, но рѣчи съ лишкомъ длинны и слабы, и предубѣжденія всякаго рода крайне примѣтны. Остервененіе его противъ всѣхъ знаменитыхъ людей очень умалило къ нему довѣріе. Онъ отъ природы склоненъ къ злословію; однако мало чипаютъ его, и онъ мало извѣстенъ, а сего уже и довольно для показанія цѣны и душевному свойству и дарованіямъ его.

Между множествомъ историковъ восточной Имперіи, или тѣхъ, коихъ писанія извѣстны подъ именемъ *исторіи о императорахъ*, отличались Амміанъ Марцеллинъ и Геродіанъ; одинъ достоинъ уваженія за свое безпристрастіе; и повѣствованіе его такъ поучительно, что можно простить ему несносную грубость слога, на Латинскій едва похожаго: другой примѣчателенъ по чистотѣ въ слогѣ, которая становилась уже рѣдка между Греками, еще и до пренесенія Имперіи въ Константинополь.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Историки второстатейные.

Теперь разсмотримъ историковъ второстатейныхъ, сократителей и жизнеписателей. Отличнѣйшіе въ первомъ родѣ суть Юстинъ, Флоръ и Патеркулъ: я говорю прежде о Юстинѣ, по причинѣ обширности и важности сочиненія его. Онъ жилъ при Антонинахъ. Мы имѣемъ отъ него сокращеніе *всеобщей исторіи* Трога-Помпея, которая потеряна, и которая, естьли бы до насъ дошла, показала бы намъ, какого начертанія держались Древніе въ изложеніи всеобщей исторіи. Судя по сему только сокращенію, заключить можно, что такая исторія не была бы нынѣ для насъ удовлетворительна. Юстинъ не есть описатель нравовъ, а только очень хорошій повѣствователь. Слогъ его вообще разсудителенъ, ясенъ и легокъ, безъ принужденности, безъ надутости, и на многихъ мѣстахъ весьма краснорѣчивъ. Въ немъ не найдешь строгаго порядка и исправнаго лѣтосчисленія: онъ стремительно начертаваетъ картину самыхъ знаменитыхъ произшествій между народами побѣдоносными, или чѣмъ нибудь прославившимися въ свѣтѣ. Въ сей картинѣ многія черты прекрасны и могутъ дать понятіе о древнемъ вкусѣ, о величіи въ выраженіяхъ, весьма свойственномъ Греческимъ и Римскимъ историкамъ, и о пріятности слога,

оживляющей произведенія ихъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Надлежало изобразить ту минуту, какъ Алкивіадъ, долгое время въ изгнаніи находившійся, возвращается наконецъ въ свое отечество, бывъ попеременно то страхомъ и подпорою, то побѣдителемъ и спасителемъ сограждан своихъ.

„Аѳиняне стекаются на срѣтеніе то-
„му побѣдоносному воинству: взираютъ съ
„удивленіемъ на всѣхъ ратниковъ, оное со-
„ставляющихъ, а особливо на Алкивіада; на
„него устремляетъ республика очи, на
„немъ останавливаются съ жадностію взо-
„ры всѣхъ: они почитаютъ его за послан-
„ника небесъ, за бога побѣды. Съ похвала-
„ми вспоминаютъ обо всемъ, содѣлан-
„номъ имъ для отечества, и даже про-
„тивъ онаго. Приводятъ на память учи-
„ненныя ему отъ себя оскорбленія, и из-
„виняютъ мстительные поступки его.
„Таковы были, говорятъ они, сила и пре-
„восходство сего человѣка, что могъ онъ
„одинъ низпровергнуть и возставить вели-
„кое государство, что побѣда всегда пре-
„клонялась на ту сторону, гдѣ онъ нахо-
„дился, и какъ будто бы между имъ и
„счастіемъ существовало ненарушимое со-
„гласіе. Истощаютъ на него всѣ возмож-
„ныя почести, и даже такія, кои воздают-
„ся божеству единому. Хотятъ привести
„потомство въ недоумѣніе, болѣе ли без-

„славія заключалось въ его изгнаніи, или „блеска въ его возвращеніи. Для украше- „нія торжества его, носятъ предъ нимъ „кумиры тѣхъ же самыхъ боговъ, коихъ „мщеніе призывали на главу его. Аѳиняне „желали бы въ небѣ помѣстить того, ко- „торому на землѣ затворили всякое убѣ- „жище. Поношенія заглажены почестями, „потери вознаграждены дарами щедрыми, „проклинанія замѣнены желаніемъ благъ. „Не говорятъ уже о бѣдствіяхъ, причинен- „ныхъ имъ въ Сициліи, а твердятъ толь- „ко объ успѣхахъ, прославившихъ его въ „Греціи. Позабываютъ о корабляхъ, имъ „истребленныхъ, а вспоминаютъ только „о взятыхъ имъ у непріятелей. Уже не „Сиракузы, а Іонія и Еллеспонтъ суть „предметомъ общихъ разговоровъ; такъ- „то было трудно народу сему умѣрить „и ненависть и любовь свою къ Алкиві- „аду.„

Я приведу здѣсь еще одно мѣсто, гдѣ изображается свойство Филиппа Македон- скаго, и гдѣ сей Государь сравнивается съ сыномъ своимъ, Александромъ.

„Филиппъ гораздо съ большимъ раче- „ніемъ и удовольствіемъ дѣлалъ приуго- „товленія къ бою, нежели къ какому ни- „будь пиршеству. Сокровища служили ему „новымъ оружіемъ къ веденію войны. Онъ „лучше умѣлъ приобрѣтать богатство, не-

„жели беречь его, и былъ всегда бѣденъ,
„живучи грабительствомъ. Ему ничего не
„стоило какъ прощать, такъ и обманы-
„вать; для него не было постыдныхъ
„средствъ къ побѣдѣ. Бесѣда его была
„приятна и плѣнительна: онъ былъ весь-
„ма щедръ на обѣщанія, которыхъ не ис-
„полнялъ, и показывалъ видъ важный или
„веселый всегда съ намѣреніемъ. Имѣлъ
„связи только по корыстолюбію, а по
„дружбѣ никогда. Непремѣнное правило у
„него было привѣтствовать тѣхъ, коихъ
„ненавидѣлъ, ссорить тѣхъ, кои друж-
„но между собою жили, и льстить по-
„розни тѣмъ, коихъ поссорилъ: впрочемъ,
„былъ краснорѣчивъ, давалъ всѣмъ рѣчамъ
„своимъ особенный нѣкій оборотъ, испол-
„ненный остроты и разума; у него не не-
„доставало и скорости въ воображеніи и
„приятности въ способѣ изъясненія. По
„немъ наслѣдовалъ сынъ его Александръ,
„который имѣлъ большія, нежели онъ, и
„добродѣтели и пороки. Оба торжествова-
„ли надъ своими непріятелями, но различ-
„нымъ образомъ: одинъ употреблялъ толь-
„ко открытую силу; другій прибѣгалъ къ
„хитростямъ; одинъ радовался, когда уда-
„валось ему обмануть своихъ непріяте-
„лей, другій, когда ихъ побѣждалъ. Фи-
„липпъ имѣлъ больше политики, Алек-
„сандръ больше величія; отецъ умѣлъ скры-
„вать, а иногда и превозмогать гнѣвъ свой:
„сынъ во мщеніи своемъ не зналъ ни пре-
„дѣловъ, ни отлагательства. Оба излишно

„любили вино; но хмѣль производилъ въ „нихъ различное дѣйствіе: Филиппъ, оста- „вляя пиршества, устремлялся на всякія „опасности, и подвергался онымъ съ буй- „ною отвагою; Александръ обращалъ гнѣвъ „свой противъ собственныхъ поддан- „ныхъ: по чему одинъ возвращался часто „съ поля сраженія, покрытый ранами; а „другій вставалъ изъ за стола, обагрен- „ный кровію друзей своихъ. Друзьямъ Фи- „липпа возбранялось участіе во власти „его; друзья Александра чувствовали тя- „гость владычествованія его: отецъ хо- „тѣлъ, чтобъ его любили, а сынъ, чтобъ „его боялись. Оба покровительствовали „науки, но Филиппъ по политикѣ, а Алек- „сандръ по склонности. Первый показы- „валъ больше снизхожденія къ непріяте- „лямъ своимъ, а другій въ самомъ дѣлѣ „имѣлъ болѣе онаго, и съ милосердіемъ „своимъ соединялъ болѣе пріятства и „чистосердечія. Съ таковыми различными „качествами, отецъ положилъ основаніе „владычеству надъ цѣлымъ міромъ, а „сынъ имѣлъ славу совершить сіе великое „дѣло.„

Мы находимъ столь же прекрасныя сравненія у нашихъ ораторовъ; но чтобъ найти такія же и у повѣствователей нашихъ, надлежитъ только разкрыть исторію Карла XII, самое краснорѣчивое на Французскомъ языкѣ твореніе, и прочитать изображенія Короля Шведскаго и Монарха

Россійскаго, одно противъ другаго выставленныя.

Флоръ, написавшій сокращеніе Римской исторіи даже до царствованія Августа, при которомъ онъ жилъ, имѣетъ то достоинство, что въ небольшой книжкѣ помѣстилъ лѣтопись семи вѣковъ, не опустивъ ни одного важнаго произшествія. Слогъ его по мѣстамъ нѣсколько надутъ, но вообще стремителенъ и благороденъ. Заговоръ Катилины описанъ на двухъ страницахъ, и ничего существеннаго не забыто. Патеркулъ, который также, какъ и онъ, отличается краткостію, и который, избравъ тотъ же предметъ, заключилъ себя въ предѣлахъ не меньше тѣсныхъ, имѣетъ болѣе дара, нежели Флоръ и Юстинъ, но чаще находимъ въ немъ ритора, а ласкателя, всегда. Онъ говоритъ о домѣ Цезарей не иначе, какъ въ выраженіяхъ пристрастнаго удивленія. Читая его, читаешь не Римлянина, а раба Тиверіева. Онъ приписываетъ Государю сему самыя невѣроятныя похвалы, и поноситъ память Брута. Однако сіе сочиненіе его драгоцѣнно по слогу, по быстрымъ разсужденіямъ и сильнымъ мыслямъ, которыя помѣщаетъ въ связи своего повѣствованія имѣетъ онъ особенный даръ. Президентъ Генолтъ справедливо назвалъ его образцемъ сокращателей. Въ его сокращеніи находится болѣе мыслей и остроты, нежели въ сокращеніи Флора, а особливо изображенія его, въ пя-

ши или шести строкахъ начертанныя, являютъ такую силу и смѣлость кисти, что въ семъ родѣ превзошелъ онъ всѣхъ древнихъ писателей, и самаго, можетъ быть, Саллюстія, по части сей весьма удивительнаго. „Митридатъ, говоритъ онъ, о коемъ прей-„ти молчаніемъ не позволено, и о коемъ гово-„рить по достоинству трудно, былъ неуто-„мимъ въ войнѣ, страшенъ своею поли-„тикою столько же, какъ и мужествомъ „своимъ, всегда великъ умомъ, иногда сча-„стіемъ, воинъ и вмѣстѣ полководецъ, и „для Римлянъ вторый Аннибалъ:„ и на дру-гомъ мѣстѣ: „Катонъ, образъ добродѣтели, „былъ во всемъ ближе къ божеству, не-„жели къ человѣку; никогда не дѣлалъ доб-„ра съ тѣмъ, что бы показаться добрымъ; „но дѣлалъ оное по тому, что иного дѣ-„лать не могъ; почиталъ за приличное „только то, что было справедливо; не „имѣлъ никакого порока, свойственнаго „человѣчеству, и былъ всегда превыше сча-„стія.„

Хотя сокращеніе Патеркула состоитъ изъ двухъ только книгъ, но изъ первой не имѣемъ мы многаго: относящееся соб-ственно до Римлянъ начинается съ войны Персеевой, и сочинитель началъ повѣство-ваніе свое основаніемъ Рима, коснувшись даже и древнѣйшихъ временъ, и вкратцѣ помѣстивъ на нѣсколькихъ страницахъ исторію Азіи и Греціи. При сказаніи о рожде-ніи Ромула есть пропускъ, который ничѣмъ недополненъ, и все разстояніе между

симъ временемъ и завоеваніемъ Македоніи Павломъ Эмиліемъ осталось пусто. Сіе сокращеніе примѣчательно по слѣдующему обстоятельству. Сочинитель часто обращаетъ слово къ Виницію, родственнику своему, и кажется, для него и писалъ. Сему мало употребительному способу писать исторію послѣдовалъ Волтеръ въ своемъ *опытѣ о правахъ и свойствѣ народовъ*, въ коемъ обращаетъ онъ рѣчь свою къ одной знаменитой женщинѣ, которая по уму и познаніямъ своимъ сдѣлалась весьма достойною сего приношенія.

Между Латинскими жизнеписателями отличаются Корнелій Непотъ и Светоній. Слогъ перваго чистъ и кратокъ. *Живни знаменитыхъ людей*, которыя онъ намъ оставилъ, не иное что суть, говоря собственно, какъ выписки о главныхъ ихъ дѣяніяхъ, украшенныя основательными размышленіями. Но въ повѣствованіи о произшествіяхъ, не радѣлъ онъ о тѣхъ подробностяхъ, которыя изображаютъ намъ людей, и о тѣхъ отличительныхъ чертахъ, которыя въ совокупности своей составляютъ настоящее ихъ лице: Римъ не имѣлъ Плутарха.

Светоній впалъ въ противный порокъ. Онъ точенъ до излишества, и строгій наблюдатель порядка. Онъ не опускаетъ ничего, что только относится къ тому человѣку, коего жизнь повѣствуетъ; разска-

зываетъ обо всемъ, но ничего не живописуетъ. Онъ не иное что, какъ пересказчикъ, естьли можно такъ сказать, но весьма любопытный и свѣдущій. Смѣшно бываетъ вниманіе его къ самымъ малымъ обстоятельствамъ, но часто и оныя встрѣчаются не безъ пріятности; впрочемъ говоритъ онъ иногда только слышанное, и за истину того не ручается. Естьли изобиленъ онъ подробностями, то весьма скупъ на разсужденія. Онъ разсказываетъ, не останавливаясь ни на чемъ, не трогаясь ни чѣмъ: онъ исполняетъ одну только должность повѣствователя. По сему хладнокровію заключаютъ весьма основательно о его безпристрастіи. Онъ ни любитъ ни ненавидитъ тѣхъ людей, о которыхъ говоритъ; онъ оставляетъ читателю судить объ нихъ. Свѣтоній былъ секретарь императора Адріана.

Но изъ всѣхъ жизнеписателей Плутархъ есть достойнѣйшій уваженія; его читать можно съ пользою и удовольствіемъ. Начертаніе *сравненій жизней*, основанное на сходствѣ двухъ какихъ либо знаменитыхъ лицъ, существовавшихъ между тѣми двумя народами, кои наиболѣе образцевъ представили свѣту, т. е. Римляне и Греки, почесться можетъ, въ разсужденіи нравоученія и исторіи, произведеніемъ высокаго и отличнаго ума. По чему исторія нигдѣ такъ не поучительна, какъ въ сочиненіи Плутарха. Естьли не достаетъ чего въ его повѣствованіи, которое не

всегда такъ ясно, такъ порядочно, какъ бы могло быть, то припомнить надлежитъ, что онъ предполагаетъ уже въ читателѣ знаніе всеобщей исторіи. Онъ занимается человѣкомъ болѣе, нежели дѣлами; имѣетъ предметомъ единственно человѣка, коего жизнь описываетъ, и въ семъ случаѣ достигаетъ всегда цѣли своей, сколько можно, не распространяясь въ подробностяхъ, какъ дѣлаетъ Свѣтоній, но избирая только нѣкоторыя черты лицъ. Что касается до *сравненій*, которыя не иное что суть, какъ послѣдствія, изъ того выведенныя, можно назвать ихъ совершеннымъ произведеніемъ ума: въ нихъ-то превосходенъ онъ, и какъ писатель и какъ философъ. Никто не явилъ себя достойнѣйшимъ держать вѣсы, на коихъ безпристрастіе грядущихъ вѣковъ взвѣшиваетъ людей, и назначаетъ имъ истинную цѣну. Никто менѣе не обольщался или не ослѣплялся тѣмъ, что ни есть самаго блистательнаго, и никто не умѣлъ лучше чувствовать и дать другимъ почувствовать сущность и основательность во всякомъ дѣлѣ. Онъ все разсматриваетъ, всему даетъ цѣну, сличаетъ героя съ нимъ же самимъ, дѣянія съ побужденіями, успѣхи со средствами, погрѣшности съ извиненіями, и справедливость, добродѣтель, благодушіе повсюду управляютъ его сужденіемъ, которое произноситъ онъ всегда съ равною скромностію и важностію. Его размышленія суть сокровище мудрости и прямой политики;

онѣ представляютъ наилучшее училище для тѣхъ, кои, занимаясь государственными дѣлами, и даже частными, хотятъ жить по правиламъ честности.

При всемъ томъ не избѣгъ онъ порицаній больше или менше основательныхъ. Я не знаю, довольно ли свѣдущи мы въ Греческомъ языкѣ, что бы судить о его слогѣ такъ немилосердо, какъ судилъ Дасіе, который на сей разъ, кажется, остерегаясь излишняго снизхожденія, приписываемаго переводчикамъ, впалъ, можетъ быть, въ противный порокъ. Онъ не находитъ въ немъ *никакихъ красотъ языка его*, не находитъ *мѣрности, плавности, словоразположенія, правильности въ періодахъ*. Сказано очень много; я, будучи не довольно свѣдущъ въ языкѣ Греческомъ, не могу быть толь же строгимъ судьею; но сомнѣваюсь, сохранилъ ли Дасіе пристойную мѣру въ своей критикѣ. Однако я увѣренъ, что о Плутархѣ, въ разсужденіи слововыраженія, можно сказать то же, что и о другихъ Греческихъ писателяхъ, кои всѣ имѣютъ любимые свои обороты и словоразположенія, составляющія какъ бы первое основаніе слога ихъ, такъ что, переходя отъ одного писателя къ другому, надлежитъ на первыхъ двадцати страницахъ снова приучаться къ образу выраженій, свойственныхъ особенно каждому. Также статься можетъ, что Плутархъ, бывъ Біотянинъ, не имѣлъ чистоты аттическаго

нарѣчія; но мнѣ кажется, что слогъ его, сколько я судить могу, и величественъ, и силенъ, и даже ясенъ. Есть мѣста темныя; и гдѣ ихъ нѣтъ? Неизбѣжное изкаженіе въ древнихъ рукописяхъ довольно показываетъ, что сіи темности произходятъ не отъ самаго писателя, когда мысль его впрочемъ вездѣ ясна также, какъ и слововыраженіе.

Можно было съ большею справедливостію порицать его за нѣкоторыя мѣста, съ лишкомъ стихотворческія и риторическими фигурами съ лишкомъ украшенныя, кои неприличны перу историка, и за ту странную пестроту, какую дѣлаютъ иногда отрывки изъ стихотворцевъ и философовъ, вмѣшиваемые между собственными его рѣчами, безъ означенія, откуда они взяты. Онъ и самъ часто пускается въ философскія разсужденія, съ лишкомъ пространныя и отвлеченныя; сіе показываетъ господствующій въ немъ вкусъ къ изысканіямъ и размышленіямъ во всякомъ родѣ. Такая страсть видна и въ исторической учености его; мы конечно обошлись бы безъ иного излишняго труда, каковый употребляетъ онъ на миѳологическія, географическія, генеалогическія и критическія разсужденія, которыя могли быть приличнѣе помѣщены въ Павзаніи, нежели у него. Видно, что онъ не есть во всемъ писатель лучшаго вкуса. Но, не говоря съ Дасіе, что съ пера Плутархова *стекаетъ*

всегда здравый разсудокъ, я охотно отдамъ сему писателю первое мѣсто между жизнеписателями, по тому что онъ всегда здравомыслящъ, и что въ *сравненіяхъ* великихъ мужей не только разсудителенъ, но и краснорѣчивъ.

Что касается до вѣрности его въ повѣствованіи, то на оную положиться можно болѣе, когда описываетъ онъ жизнь Грековъ, нежели когда говоритъ о Римлянахъ; сіе однакожъ происходитъ не отъ того, что бы хотѣлъ онъ съ намѣреніемъ отступать отъ истины; онъ самъ предварительно изъясняетъ намъ причину нѣкоторыхъ весьма явныхъ ошибокъ своихъ. Признается чистосердечно, что зналъ онъ Латинскій языкъ весьма посредственно; по чему и переводилъ худо тѣхъ Латинскихъ писателей, на которыхъ дѣлаетъ свои ссылки; а отселѣ происходятъ видимыя погрѣшности, замѣчаемыя въ его сочиненіяхъ, и по сему самому вредныхъ слѣдствій не производящія.

Мнится мнѣ, что я еще не довольно оправдалъ бы употребленіе сихъ рѣчей, которыя взяты за предметъ порицанія писателей: естьли бы не показалъ, что онѣ должны напротивъ служить только къ славѣ писателей; объяснимъ нѣсколькими примѣрами, сколь совершенно приноровлены оныя къ свойствамъ лицъ и къ обстоятельствамъ, и съ какимъ искуствомъ умѣли поставлять себя на мѣстѣ тѣхъ людей, которыхъ они говорить заставляли. Для

сего представлю вамъ по одной рѣчи изъ Тита-Ливія, изъ Саллюстія, изъ Тацита и изъ Квинта-Курція: сіе подастъ способъ сравнить образъ писанія и даръ каждаго изъ нихъ.

Я взялъ изъ Тита-Ливія рѣчь, которую Квинтій Капитолинъ, одинъ изъ величайшихъ людей своего времени, и, что значило тогда самое то же, одинъ изъ лучшихъ гражданъ говорилъ къ народу Римскому при одномъ изъ тѣхъ случаевъ, какъ несогласіе и взаимная вражда обоихъ сословій Республики заставляли забыть общія выгоды и опасности, и занимали ихъ только домашними раздорами. Народы, Риму неприязненные, возпользовавшись симъ благопріятнымъ случаемъ, приближились къ самымъ градскимъ воротамъ, и никто объ отраженіи ихъ не думалъ: Консулъ Квинтій возходитъ на каѳедру, и говоритъ такъ:

„Хотя совѣсть моя ни въ чемъ меня „не обвиняетъ, съ крайнимъ стыдомъ одна„ко предстаю предъ васъ, Римляне. Какъ! „вы знаете, и потомки узнаютъ, что Эквы „и Волски, которые недавно противостоять „Герникамъ едва могли, въ четвертое Кон„сульство Т. Квинтія, пришли ненаказан„но, съ оружіемъ въ рукахъ, къ стѣнамъ „города Рима! Хотя давно уже мы такъ „живемъ, и Республика находится въ такомъ „состояніи, что ничего добраго предвѣщать „себѣ не можно; однако ежели бы предвидѣлъ „я, что въ семъ точно году такое посра-

„мленіе насъ постигнетъ, то избѣжать
„онаго постарался бы или добровольнымъ
„себя изгнаніемъ, или и самою смертію,
„когда бы другаго честнаго къ тому спосо-
„ба не сыскалось. Инакъ, ежели бы то
„оружіе, которое при вратахъ нашихъ ви-
„дѣли, было въ рукахъ людей храбрыхъ и
„воинственныхъ; Римъ могъ бы взять быть
„при моемъ консульствѣ? Я довольно воз-
„вышенъ и довольно жилъ на свѣтѣ; мнѣ
„надлежало бы умереть во время трет-
„яго моего консульства. Но кого презрѣли
„сіи слабые и робкіе непріятели? Насъ ли
„Консуловъ? или васъ, Римляне? Ежели ви-
„новны мы, то отнимите власть у насъ
„недостойныхъ, и, естьли сего мало, нака-
„жите насъ: а ежели виновны вы, то да
„ни боги ни человѣки не казнятъ васъ за
„преступленія; я желаю только, что бы
„вы разкаялись въ оныхъ. Непріятели не
„робость въ васъ презрѣли, не на муже-
„ство свое понадѣялись; ибо многократно
„бывъ побѣждаемы, прогоняемы, изъ стана
„выпѣсняемы, полей лишаемы, въ рабство
„приводимы, они васъ и себя знаютъ. Не-
„согласіе сословій есть язва города сего;
„раздоры между Сенатомъ и народомъ: мы
„власти своей, а вы своей вольности пре-
„дѣловъ не знаете; вамъ противны началь-
„ники Патриціи, а намъ начальники Пле-
„беяне: вотъ что ободрило непріятелей.
„Богами, заклинаю васъ, скажите, что
„вамъ угодно? Вы пожелали имѣть прибу-
„новъ; для сохраненія тишины, мы на то

„согласились; вы захотѣли избрать Децем-
„вировъ, мы сему не противились. Децем-
„виры наскучили вамъ, мы принудили ихъ
„сложить съ себя должности. Противъ
„нихъ, и въ частномъ ихъ состоянїи, него-
„дованіе ваше не уполилось: и мы попу-
„стили, что самые почтенные и отличные
„граждане были на изгнаніе и смерть осуж-
„дены. Вы захотѣли опять имѣть трибу-
„новъ, и ихъ получили: вы имѣли Консу-
„ловъ, въ вашемъ сословіи избранныхъ, хо-
„тя Сенатъ почиталъ сіе для себя оскор-
„бительнымъ; мы попустили, что и отли-
„чія Сенату свойственныя дарованы наро-
„ду: право защищенія, данное трибунамъ
„вашимъ; переносъ дѣлъ къ народу, и его
„опредѣленія, самихъ Сенаторовъ къ ис-
„полненію облзующія. Подъ предлогомъ
„уравненія законовъ, нарушеніе правъ на-
„шихъ мы потерпѣли и терпимъ. Какой
„конецъ будетъ разпрямъ нашимъ? Ког-
„да позволено будетъ намъ имѣть об-
„щее отечество и быть гражданами
„одного и того же города? Мы и по-
„бѣжденные остаемся равнодушнѣе и спо-
„койнѣе, нежели вы, сдѣлавшись побѣди-
„телями. Развѣ не довольно еще, что вы
„насъ заставили бояться себя? Противъ насъ
„берется приступомъ Авентинъ, противъ
„насъ священная гора занимается. Когда
„Волски Есквилинскими воротами почти
„овладѣли, и на окопы наши взбиралися,
„никто объ отраженіи ихъ не помы-
„слилъ; противъ насъ только вы муже-

„ственны, противъ насъ только поднимаете „оружіе.

„Итакъ, когда уже вы осадили Сенатъ, „когда народную площадь уже мѣстомъ мя„тежей учинили, и темницы главнѣйшими „гражданами наполнили, по крайней мѣрѣ „съ такою же смѣлостію и съ такою же „свирѣпостію выступите за ворота Есквиліискія; а ежели сего сдѣлать не смѣете, „со стѣнъ посмотрите на поля ваши, ме„чемъ и огнемъ опустошаемыя, на добычу, „непріятелемъ похищаемую, на дымящіяся „крышки домовъ, по разнымъ мѣстамъ „пламенемъ пожираемыя. Общественныя дѣла въ жалостнѣйшемъ состояніи „быть не могутъ: поля опустошаются, „городъ осаждается, и слава войны на „сторонѣ непріятелей. Но въ какомъ „состояніи частныя ваши дѣла? Уже каж„дый изъ васъ получаетъ извѣстія о при„чиненномъ вредѣ полямъ вашимъ. А здѣсь „что остается для васъ, чѣмъ бы могли „вы вознаградить потери свои? Трибуны „возвратятъ вамъ потерянное? Шуму и „словъ, сколько хотите, имѣть отъ нихъ „будете, доносовъ, законовъ за законами, „и рѣчей за рѣчами. Но никто изъ васъ „отъ сихъ рѣчей богатѣе и счастливѣе „домой не приходилъ. Кто къ женѣ и дѣ„тямъ своимъ приносилъ что либо иное, „кромѣ ненависти, вражды, общественныхъ и частныхъ разпрей, отъ которыхъ „вы не собственною вашею добродѣтелію,

„но чуждою только помощію предохранить „себя можете? Но когда служили вы подъ „предводительствомъ консуловъ, а не три„буновъ, и въ станѣ, а не на площади; когда „въ сраженіи крики ваши непріятеля, а не „въ собраніяхъ Сенаторовъ Римскихъ устра„шали; тогда получивъ добычу, завладѣвъ „непріятельскою землею, съ великимъ бо„гатствомъ и славою какъ для отечества, „такъ и для самихъ себя, торжествуя въ „домы возвращались; нынѣ же попускаете „вы непріятелю отъити обремененну ва„шимъ имуществомъ. Такъ оставайтесь на „всегда въ собраніяхъ, и на общенародной „площади дни свои провождайте. Тяжело бы„ло идти противъ Эквовъ и Вольсковъ. Вой„на предъ воротами; и естьли не отразит„ся, внутри стѣнъ уже будетъ; она разпро„странится въ крѣпости и Капитоліи, и „за вами въ домы ваши послѣдуетъ. За два „года еще Сенатъ приказалъ набрать войско „и вывести оное на гору Алгинскую: однакожъ „мы остаемся дома въ праздности, и ссо„римся между собою, какъ женщины; мы „довольны настоящею тишиною, не помы„шляя, что отъ сего кратковременнаго по„коя произойдетъ продолжительная война. Я „знаю, что можно бы говорить предъ вами „о чемъ нибудь пріятнѣйшемъ; но говорить „истину вмѣсто пріятнаго, противъ склон„ности моей, нужда заставляетъ. Хотѣлъ „бы я угождать вамъ, Римляне, но гораздо „больше хочу видѣть васъ внѣ бѣдствія, „какъ бы вы ко мнѣ расположены ни были.

„Обыкновенно тотъ, кто говоритъ предъ на-
„родомъ за самаго себя, есть пріятнѣе того,
„коего мысль ни чѣмъ другимъ, кромѣ обще-
„ственной пользы не занята; можетъ быть, вы
„думаете, что сіи явные ласкатели и чтители
„народа, кои васъ ни воевать ни пребывать
„въ мирѣ не допускаютъ, возбуждаютъ и
„подстрекаютъ васъ для собственной вашей
„пользы. Нѣтъ; возбуждая васъ, ищутъ
„своей чести или выгоды: и понеже, при
„согласіи сословій, ничтожными себя ви-
„дятъ, хотятъ лучше быть зачинщиками
„мятежей и безпорядка. Ежели неустрой-
„ства сіи могутъ наконецъ сдѣлаться не-
„сносными вамъ, и ежели, вмѣсто новыхъ
„сихъ обычаевъ, хотите возпріять и от-
„цевъ вашихъ и ваши древніе обычаи, то я
„охотно подвергну себя всякой казни, есть-
„ли въ нѣсколько дней не разобью и не отра-
„жу оныхъ опустошителей земель нашихъ,
„не завладѣю станомъ ихъ, и ужаса войны,
„которымъ вы поражены теперь, отъ воротъ
„и стѣнъ нашихъ къ ихъ собственнымъ
„городамъ не перенесу.“

Видѣть можно, что въ сей рѣчи искусство истинно риторское собрало всѣ доводы къ убѣжденію, къ преклоненію умовъ и воспламененію душъ: образъ изъясненія благороденъ и трогателенъ, слогъ удобенъ произвести сильныя впечатленія; слововыраженіе красиво и плавно. Вотъ примѣръ уже совсѣмъ другаго рода. Саллюстію надлежало заставить говорить Марія, который поставлялъ себѣ за славу, что былъ только воинъ,

и не имѣлъ никакого понятія о наукахъ. Тутъ потребно было краснорѣчіе необдѣланное, грубое и солдатское. Марій, человѣкъ низкаго произхожденія, возвысившійся однимъ достоинствомъ своимъ, врагъ вельможъ, и, противъ воли ихъ, назначенный предводительствовать войсками въ Африкѣ, и вести войну противъ Югурѳы, благодаритъ Римскій народъ слѣдующею рѣчью:

„Знаю я, Римляне, что многіе поступаютъ иначе, домогаясь отъ васъ власти, „иначе получивъ оную: въ первомъ случаѣ „бываютъ дѣятельны, покорны, умѣренны: „а во второмъ, нерадивы и надмѣнны. Но „мнѣ противное мнится. Ибо чѣмъ важнѣе „цѣлая Республика, нежели Консульство или „Преторство, тѣмъ съ большимъ стараніемъ служить ей, нежели домогаться „тѣхъ достоинствъ надлежитъ. Мнѣ не „безъизвѣстно и то, колико заботъ возлагаетъ на меня величайшее благодѣяніе „ваше. Готовиться къ войнѣ, и при томъ „государственную казну щадить; принуждать ко вступленію въ службу такихъ лю„дей, коихъ оскорбить не хочется; внутрь „и внѣ обо всемъ пещися, а пещись о семъ, „быть окружену завистниками, противоборниками, кознодѣями, труднѣе, Римляне, „нежели думаютъ. При семъ ежели другіе „сдѣлаютъ опущеніе, то и древность поро„ды и знаменитыя дѣла предковъ, родныхъ „и ближнихъ довѣренность, и множество „приверженцевъ, все оное служитъ защитою: „моя надежда только на самаго себя: ее ну-

„жно подкрѣплять и мужествомъ и невин-
„ностію: ибо все другое не вѣрно. И то
„вижу, Римляне, что взоры всѣхъ на меня
„обращены; что благомыслящіе и добрые
„граждане мнѣ благопріятствуютъ: поелику
„услуги мои Республикѣ полезны: а знат-
„ные ищутъ случая напасть на меня. Тѣмъ
„усильнѣе стараться мнѣ надлежитъ, что
„бы и вы уловлены не были, и они безъ
„успѣха остались. До сего времени съ са-
„маго дѣтства старался я приобыкнуть ко
„всѣмъ трудамъ и опасностямъ. Что пре-
„жде вашихъ еще благодѣяній дѣлалъ я без-
„мездно, того оставить, по полученіи
„мзды, не намѣренъ, Римляне. Тѣмъ трудно
„умѣрить себя въ употребленіи власти, кои
„изъ честолюбія быть добрыми притворя-
„лись: а мнѣ, который всю жизнь провелъ
„въ дѣлахъ честныхъ, творить добро изъ
„привычки въ природу обратилось. Вы по-
„ручили мнѣ вести войну противъ Югурѳы:
„симъ благородные весьма оскорбились. Про-
„шу васъ размыслить, лучше ли бы было, когда
„бы вы то отмѣнили, и когдабъ сіе или другое
„подобное дѣло поручили кому нибудь изъ
„сословія благородныхъ, человѣку древняго
„произхожденія, и имѣющему много изобра-
„женій предковъ, и ни мало не служившему,
„то есть такому, который бы въ толь ва-
„жномъ дѣлѣ, безъ всякой опытности, пре-
„пешалъ, приходилъ въ замѣшательство, и
„избралъ кого нибудь изъ незнающихъ на-
„ставникомъ въ своей должности? По боль-
„шей части такъ и случается, что тотъ,

„кому вы предводительство войсками пору-
„чаете, ищетъ себѣ другаго предводителя.
„Я знаю, Римляне, такихъ, кои, сдѣлавшись
„уже Консулами, начинали читать дѣянія
„предковъ и наставленія Греческихъ писа-
„телей о военномъ искуствѣ; люди безвре-
„менно поступающіе. Ибо предводитель-
„ствовать надлежитъ научиться прежде,
„нежели сдѣлаться предводителемъ. Теперь
„сравните, Римляне, меня человѣка новаго
„съ ихъ гордынею. О чемъ они обыкновенно
„слышатъ или читаютъ, то я частію ви-
„дѣлъ, или самъ сдѣлалъ. Чему они изъ
„книгъ, тому я, сражаясь, научился. Теперь
„вы посудите, дѣла или слова важнѣе. Они
„презираютъ незнатное произхожденіе мое,
„а я невѣжество ихъ. Противъ меня со-
„стояніе мое, а противъ нихъ пороки ихъ
„выставляются. Хотя я почитаю всѣхъ
„людей по природѣ равными, но храбрѣйшій
„есть для меня и благороднѣйшій. Естьли
„бы можно было вопросить предковъ Албина
„и Бестія, меня или ихъ хотѣлибъ они
„имѣть своими потомками? Что, вы ду-
„маете, отвѣчали бы они, какъ не сіе, что
„желали бы имѣть дѣтей наилучшихъ? Еже-
„ли они справедливо презираютъ меня;
„то пусть также презираютъ и своихъ
„предковъ, кои подобно, какъ и я, заслуга-
„ми благородство приобрѣли. Они зави-
„дуютъ моимъ почестямъ: пусть же зави-
„дуютъ и трудамъ, и честности, и опасно-
„стямъ моимъ: ибо я чрезъ нихъ достигъ
„почестей. Но люди, гордостію ослѣплен-

„ные, такъ себя ведутъ, какъ будто бы по-
„чести ваши презираютъ; а почестей тре-
„буютъ такъ, какъ будто бы честно жили.
„По истинѣ, ошибаются тѣ, кои вдругъ
„желаютъ вещей весьма различныхъ между
„собою, то есть, и удовольствій празноло-
„бія и наградъ, добродѣтели принадлежа-
„щихъ. Говоря предъ вами или въ Сенатѣ,
„весьма много превозносятъ предковъ сво-
„ихъ; вспоминая о великихъ дѣлахъ ихъ,
„думаютъ сдѣлать самихъ себя знаменитѣй-
„шими: но напротивъ; ибо чѣмъ блиста-
„тельнѣе жизнь первыхъ, тѣмъ виновнѣе
„безпечность другихъ. И въ самомъ дѣлѣ
„сіе такъ бываетъ. Слава предковъ есть,
„какъ бы свѣтъ, который ни добрыхъ ни
„худыхъ дѣлъ ихъ во тмѣ не оставляетъ.
„Я не имѣю знаменитыхъ предковъ, Рим-
„ляне; но, что гораздо славнѣе, могу го-
„ворить о собственныхъ моихъ дѣяніяхъ.
„Теперь видите, сколь несправедливы они.
„Что присвояютъ себѣ отъ чуждой добро-
„дѣтели, того мнѣ отъ собственной моей
„не уступаютъ только по тому, что не
„имѣю у себя изображеній предковъ моихъ,
„и что я первый сдѣлался именитымъ: безъ
„сомнѣнія, лучше самому приобрѣсть зна-
„менитость, нежели обезславить получен-
„ную отъ другихъ. Я знаю, что, естьли
„бы они отвѣчать мнѣ захотѣли, рѣчь ихъ
„была бы витіевата и красна. Но, когда
„меня, пользующагося величайшими благо-
„дѣяніями вашими, и васъ самихъ повсюду
„язвятъ злословіемъ, то я не почелъ за

„должное молчать, дабы скромность не со-
„чтена была за признаніе. Ибо что касает-
„ся собственно до меня, то по совѣсти
„скажу, что никакія рѣчи оскорбить меня
„не могутъ: ежели онѣ справедливы, то не-
„премѣнно должны быть мнѣ въ похвалу:
„ежели ложны, то жизнь и нравы мои опро-
„вергаютъ ихъ. Но поелику порицаютъ
„васъ за то, что разсудили вы возвести
„меня на высочайшую степень чести и по-
„ручить мнѣ самое важное дѣло; то раз-
„судите еще внимательнѣе, не должно ли
„будетъ въ томъ разкаеваться. Въ удосто-
„вѣреніе ваше, я не могу представить вамъ ни
„изображеній предковъ моихъ, ни жоржестивъ,
„ни консулствъ ихъ: но, естьли нужно,
„покажу копья, знамена, рыцарскія украше-
„нія, другіе воинскіе дары, и; кромѣ того,
„раны на тѣлѣ моемъ. Вотъ мои изобра-
„женія, вотъ мое благородство, не по на-
„слѣдству оставленное, какъ имъ, но пре-
„многими трудами моими и опасностями
„пріобрѣтенное! Не красны слова мои: я
„считаю сіе за неважное. Добродѣтель сама
„себя довольно являетъ: имъ потребно
„искуство въ словѣ, дабы постыдныя дѣла
„прикрыть краснорѣчіемъ. Я не учился
„Греческой словесности; не хотѣлось мнѣ
„заниматься ею по тому, что она и препо-
„дающихъ въ ней наставленія не учинила
„лучшими. Я гораздо полезнѣйшему для
„Республики научился, то есть: поражать
„копьемъ, защищать гражданъ, не бояться
„ничего, кромѣ безславія; равно сносить

„холодъ и жаръ; спать на голой землѣ, и
„въ то же время переносить недостатокъ
„и трудъ. Сіи-то наставленія я буду пре-
„подавать воинамъ: не стану съ ними по-
„ступать строго, а себя содержать роско-
„шно; и на трудахъ ихъ не осную собст-
„венной моей славы. Такъ управлять граж-
„данами полезно и должно. Ибо, живучи въ
„нѣгѣ, изнурять войско жестокостію есть
„дѣло самовластителя, а не полководца.
„Предки ваши, поступая также, какъ и я,
„себя и Республику прославили. Отъ нихъ
„заимствуютъ знатность благородные наши,
„но, сами не сходствуя нравами съ ними,
„презираютъ насъ, желающихъ подражать
„имъ; и всѣхъ почестей требуютъ отъ
„васъ, не по заслугамъ, а какъ бы уже за-
„служенныхъ. Но сіи надменнѣйшіе люди
„весьма заблуждаютъ. Предки ихъ оставили
„имъ все, что только можно, то есть, бо-
„гатство, свои лицеизображенія и славную о
„себѣ память; но не оставили добродѣтелей,
„да и оставить ихъ не могли: однѣ онѣ въ
„даръ не даются, ниже приемлются. Меня
„называютъ они грубымъ и необразованнымъ
„по тому, что не умѣю приготовить хоро-
„шаго пира, что нѣтъ у меня лицедѣевъ, и
„что поваръ мой стоитъ не дороже дере-
„венскаго работника. Въ семъ признаюсь
„я охотно, Римляне. Ибо и отъ отца мо-
„его, и отъ другихъ честныхъ людей на-
„слышался, что пышная опрятность жен-
„щинамъ, а трудъ мущинамъ приличест-
„вуетъ, что всякому доброму гражданину

„надлежитъ пещися о славѣ паче, нежели „о богатствѣ, и что оружіе, а не домашніе „уборы, должны служить ему украшеніемъ. „Итакъ по чему не дѣлаютъ они того, что „почитается ими за пріятное и драгоцѣнное? Пусть занимаются любовными дѣлами, пусть упиваются: какъ провели „юность, пусть также препровождаютъ и „старость, то есть, пиршествуя, пресыщаяся и любострастствуя; а потъ, пыль и „шому подобное пусть предоставятъ намъ, „намъ, кои почитаемъ сіе за пріятнѣйшее, „нежели пиршества. Но не такъ бываетъ; „ибо порочнѣйшіе люди сіи, обезславивъ себя „непотребными дѣяніями, предпріемлютъ „отнять награду у честныхъ. Такимъ образомъ, противъ самой справедливости, роскошь и праздность, пороки гнусные, ни „мало не вредны для предавшихся онымъ, а „служатъ пагубою для невинной Республики. „Теперь, давъ имъ отвѣтъ приличный нравамъ моимъ, а не злодѣяніямъ ихъ соотвѣтственый, скажу нѣчто о дѣлѣ государственномъ. Во первыхъ будьте, Римляне, „благонадежны въ разсужденіи Нумидіи. Ибо „все, что ни безопасило доселѣ Югурѳу, „удалено вами: корыстолюбіе, неопытность, „высокомѣріе. Сверьхъ того, находится „тамъ войско, знающее мѣстоположенія, но, „по истинѣ, паче храброе, нежели счастливое: ибо отъ любостяжанія или несмысленности предводителей большая часть онаго „убавилась. По сему вы, кои по лѣпамъ „способны къ службѣ военной, сподвигни-

„шесь со мною на защищеніе Республики; не „страшитесь бѣдствій, съ другими случив- „шихся, ниже высокомѣрія военачальниковъ. „Я въ походахъ и сраженіяхъ буду путеводи- „телемъ вашимъ и соучастникомъ въ опас- „ностяхъ; во всѣхъ случаяхъ стану посту- „пать точно также и самъ, какъ вамъ при- „кажу. И по истинѣ, при помощи боговъ, „уже все готово: побѣда, добыча, слава: да „хотя бы все сіе было сомнительно или „отдаленно, однако всѣмъ благомыслящимъ „гражданамъ надлежитъ вспомоществовать „Республикѣ. Ибо лѣность никому безсмерт- „ной славы не доставляла: никакой отецъ „не желалъ, чтобъ дѣти его жили вѣчно; а „желаютъ паче, чтобъ они добродѣтельно и „честно жизнь провели. Могъ бы я больше „сказать, Римляне, естьли бы слова робкимъ „придавали храбрости; ибо мню, что для „храбрыхъ довольно уже сказано.“

По сей мужественной и воинственной силѣ мыслей, по симъ строгимъ и отрывистымъ выраженіямъ, по сей грубости слога, по сей, солдату свойственной похвальбѣ, не всякъ ли, читавшій исторію, познаетъ Марія? Не всякъ ли подумаетъ, что слышитъ его самаго? Прочитайте письма и записки великаго Виллара; посмотрите, какъ говоритъ онъ о себѣ и о тѣхъ, коихъ называетъ *придворными полководцами*, и вы увидите, что люди находившіеся въ одинакомъ положеніи, говорили во всѣ времена одинакимъ почти языкомъ, изключая нѣкоторыя оттенки, долженствовавшія необходимо быть

различны въ консулѣ римскомъ и полководцѣ французскомъ. Сіе довольно доказываетъ, сколь хорошо зналъ Саллюстій людей; а кто знаетъ ихъ такимъ образомъ; тотъ имѣетъ право заставлять ихъ говорить.

Рѣчи въ Тацитѣ вообще кратки, но всегда выразительны; онъ, и при своей краткости, умѣетъ возбуждать, хотя не въ такой степени, какъ Титъ-Ливій при своемъ изобиліи. Я возьму изъ Тацита рѣчь Кремуція Корда, на котораго при царствованіи Тиверія, доносимо было въ Сенатѣ, что онъ въ своихъ сочиненіяхъ назвалъ Брута и Кассія *послѣдними изъ Римлянъ*.

„Однѣ слова вмѣняются мнѣ въ престу„пленіе: толико невинны мои дѣянія! Но и „слова сіи не касаются чести Императора „или матери его, коихъ величество оскор„блять законъ запрещаетъ. Говорятъ на „меня, что я хвалилъ Брута и Кассія, ко„ихъ дѣянія описывали премногіе, и никто „безъ похвалы объ нихъ не возпоминалъ. „Титъ-Ливій, краснорѣчивѣйшій и вѣрнѣйшій „достойнѣйшій писатель, К. Помпея превоз„несъ такими похвалами, что Августъ наз„валъ его за то Помпеанцемъ: однако сіе не „умалило дружбы ихъ. Сципіона, Афранія, „сего самаго Кассія, сего Брута, никогда не „называетъ *разбойниками и отцеубійца„ми*, каковыя имена имъ даются, но часто „называетъ ихъ знаменитыми мужами. Ази„ній Полліонъ въ сочиненіяхъ своихъ упо-

„минаетъ объ нихъ съ великою похвалою, а „Мессала Корвинъ прославлялъ Кассія, какъ „своего полководца; и оба они были и вели„кимъ имѣніемъ и знатными чинами награ„ждаемы. Маркъ Цицеронъ, въ одномъ изъ „своихъ сочиненій, Катона до небесъ пре„вознесъ: что же сдѣлалъ Диктаторъ Це„зарь? онъ отвѣтствовалъ ему, какъ будто „предъ судіями, только опроверженіемъ пи„саннаго Цицерономъ. Антоніевы письма, „Брутовы рѣчи заключаютъ въ себѣ хотя „ложныя, но весьма обидныя укоризны Ав„густу: Всѣ читаютъ Бибакуловы и Катулло„вы стихи, наполненные хулою на Цезарей; „но самъ божественный Юлій, самъ боже„ственный Августъ сносили сіе терпѣливо „и въ народѣ ихъ оставили; не могу сказать, „скромность или благоразуміе паче къ тому „ихъ побудило; ибо презираемая хула сама „собою приходитъ въ забвеніе, а уважаемая „подаетъ причину думать, что мы ея до„стойны.

„Я не говорю о Грекахъ, у которыхъ не „только вольность, но и своевольство оста„валось не наказанно: или, кто считалъ се„бя обиженнымъ словами, тотъ и мстилъ „словами. Но совершенно позволялось, и безъ „всякой опасности можно было говорить о „тѣхъ, коихъ избавила уже смерть и отъ „ненависти и отъ любви. Не уже ли я съ во„оруженными Кассіемъ и Брутомъ, поля „Филиппійскія занимающими, народъ къ меж„доусобной брани рѣчьми своими возбуждаю? „Или хотятъ, что бы умершіе за шестьде-

„сятъ лѣтъ мужи не были познаваемы по сво-
„имъ изображеніямъ, которыхъ и побѣдитель
„изтребить не могъ, и что бы нѣкоей о нихъ
„памяти писатели не сохранили? Потом-
„ство воздаетъ каждому должную честь: и
„ежели я осужденъ буду, то не только о
„Кассіѣ и Брутѣ, но и обо мнѣ вспоминать
„станутъ.“

Я уже сказалъ выше о рѣчи Скиѳовъ къ Александру, какъ объ одномъ изъ мѣстъ примѣчательнѣйшихъ въ Квинтѣ Курціѣ. Писатель всегда былъ похваляемъ за то, что въ ней совершенно приноровился къ замысловатому и иносказательному образу краснорѣчія свойственнаго народамъ, любившимъ изъясняться въ правилахъ и притчахъ, какъ то всегда дѣлали на востокѣ и на сѣверѣ.

„Ежели бы угодно было богамъ дать
„тебѣ тѣло равное жадности души твоей,
„то не могла бы вмѣстить тебя вселенная:
„одною рукою досязалъ бы ты до востока,
„а другою до запада: послѣ сего, захотѣлъ
„бы ты знать, гдѣ сокрываетъ божествен-
„ное свѣтило лучи свои. Такимъ образомъ
„ты желаешь болѣе, нежели обнять можешь.
„Изъ Европы слѣдуешь въ Азію; изъ Азіи
„переходишь въ Европу: напослѣдокъ, когда
„покоришь весь родъ человѣческій, то съ лѣ-
„сами, снѣгами, рѣками и дикими звѣрьми
„воевать будешь. Развѣ не знаешь ты, что
„великія дерева растутъ долго, и въ одинъ
„часъ изкореняются? Безразсуденъ тотъ, кто
„смотритъ на плоды ихъ, а высоты не из-
„мѣряетъ. Берегись, что бы тебѣ домогаю-

„щемуся достигнуть вершины, не упасть
„съ нѣми вѣтвями, за которыя ухватишься.
„И левъ иногда самымъ малымъ птицамъ до-
„стается въ пищу; и желѣзо ржа съѣдаетъ:
„нѣтъ ничего толь крѣпкаго, чему не могло
„бы приключиться вреда и отъ слабаго. Ка-
„кое дѣло намъ съ тобою? Мы никогда къ
„земль твоей не приближались. Развѣ не по-
„зволяется живущимъ въ пространныхъ лѣ-
„сахъ не знать, кто ты таковъ и откуда
„пришелъ? Мы и служить никому не мо-
„жемъ, и повелѣвать не желаемъ. Познай
„народъ Скиѳскій: намъ даны свыше дары,
„ярмо воловъ, соха, стрѣла и чаша. Употре-
„бляемъ ихъ и съ пріятелями и противъ
„непріятелей. Земными плодами, отъ труда
„воловъ полученными, дѣлимся съ пріяте-
„лями: чашею возливаемъ съ ними вино бо-
„гамъ на жертву: непріятелей издали стрѣ-
„лою, а вблизи копьемъ поражаемъ. Такъ
„побѣдила мы Царя Сирійскаго, а послѣ ца-
„ря Персидскаго и Мидійскаго, и открыли
„себѣ путь даже въ Египетъ. А ты, кото-
„рый хвалишься, что идешь для изтребленія
„разбойниковъ, ты самъ разбойникъ всѣхъ
„странъ, тобою пройденныхъ. Ты взялъ
„Лидію: занялъ Сирію: завладѣлъ Персіею: въ
„твоей власти Бактріане: ты напалъ на
„Индійцевъ: а теперь уже и на скотъ нашъ
„простираешь алчныя и ненасытимыя руки.
„На что тебѣ богатство, которое алчбу
„твою возбуждаетъ? Ты первый человѣкъ
„въ коемъ отъ сытости голодъ раждается,
„и чѣмъ больше имѣешь, тѣмъ сильнѣе до-

„могаешься того, чего не имѣешь. Или не „приходитъ тебѣ на умъ, сколько времени „тратишь въ покоренiи Бактрiановъ? Пока „ихъ приводишь въ подданство, Согдiане „бунтовать начинаютъ; и тебѣ война изъ „побѣдъ раждается. Ибо хотя ты больше и „сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ, однако иностран- „наго владѣтеля терпѣть никто не хочетъ. „Перейди только за Донъ: ты узнаешь, сколь „пространны Скиѳскiя степи; однакожъ ни- „когда не постигнешь Скиѳовъ. Наша бѣд- „ность легче будетъ, нежели твое войско, „отягченное добычею толь многихъ народовъ. „Напротивъ, когда ты подумаешь, что на- „ходимся отъ тебя далеко, увидишь насъ „предъ станомъ твоимъ; мы съ равною ско- „ростiю и гонимъ и убѣгаемъ. Сказываютъ, „что Греки ввели въ пословицу степи Скиѳ- „скiя и съ насмѣшкою объ нихъ вспомина- „ютъ; но пустыя и необитаемыя мѣста „намъ пriятнѣе городовъ и плодоносныхъ „полей.

„Сего ради крѣпко держись за твое сча- „стiе: оно скользко; да и насильно удержать „его не можно. Здравый совѣтъ лучше по- „кажетъ будущее, нежели настоящее время: „обуздай счастiе твое, и свободнѣе управ- „лять имъ будешь. У насъ говорятъ, что „счастiе безъ ногъ, только руки и крылья „имѣетъ; оно, подавая руки, ухватить за „крылья не-дается. Наконецъ, ежели ты „богъ, то долженъ благотворить смертнымъ, „а не отнимать собственное ихъ имѣнiе: „естьли же ты человѣкъ, то всегда помы-

„шляй, что ты такое. Безумное дѣло ду-
„мать о томъ, что заставляетъ тебя забы-
„вать самаго себя. Тѣ, коихъ оставишь ты
„въ покоѣ, могутъ быть тебѣ добрыми друзья-
„ми: ибо весьма крѣпко есть дружество
„между равными; а равными кажутся тѣ,
„кои силъ своихъ между собой не изпытали.
„Опасайся почитать побѣжденныхъ за своихъ
„приятелей: между господиномъ и рабомъ
„нѣтъ никакого дружества: и во время мира
„права войны остаются въ своей силѣ.

„Впрочемъ, знай, что у Скиѳовъ не кля-
„твою утверждаются союзы: клятва ихъ
„состоитъ въ храненіи вѣрности. Такая
„предосторожность свойственна Грекамъ,
„кои предписываютъ договоры, и боговъ въ
„свидѣтели призываютъ: мы въ самой вѣр-
„ности поставляемъ все благочестіе наше:
„кто не почитаетъ людей, тотъ обманы-
„ваетъ боговъ. На что тебѣ такій пріятель,
„о искренности коего сомнѣваться можешь.
„Впрочемъ, ты будешь въ насъ имѣть обере-
„гателей и Европы и Азіи: Бактры отдѣ-
„ляетъ отъ насъ только Донъ рѣка; за До-
„номъ мы кочуемъ до самой Ѳракіи; и ска-
„зываютъ, съ Ѳракіею смѣжна Македонія: и
„такъ мы обоимъ твоимъ владѣніямъ сопре-
„дѣльны; теперь разсуди, непріятелями или
„пріятелями имѣть насъ хочешь.“

Конецъ четвертой части.

ЛИКЕИ

4